

Magna adsurgit: historia studiorum

Великая степь:
исторические исследования

2019, №1

Magna adsurgit: historia studiorum

Великая степь:
исторические исследования

2019, №1

Magna adsurgit: historia studiorum

Научный журнал

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Основан в 2016 году

Выходит 2 раза в год

№1, 2019

ISSN 2541-9749

DOI 10.22162/2541-9749-2019-7-1

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

E-mail: ochirovub@kigiran.com

Главный редактор:

Очиров У.Б., д.и.н., доцент

Зам. главного редактора:

Бакаева Э. П., д.и.н., доцент,

Ряжев А.С., к.и.н.

Ответственный секретарь:

Тепкеев В.Т., к.и.н.

Члены редколлегии:

Батырева С.Г., д.иск., доцент

Сартикова Е.В., д.и.н., доцент

Адрес редакции: 358000, Россия, г. Элиста,
ул. Илишкина, д. 8, оф. 146. КалмНЦ РАН.

E-mail: magna-adsurgit@yandex.ru.

Адрес в интернете: <http://kigiran.com/pubs/index.php/history>

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение к читателям	4
---------------------------------	---

ИЗБРАННЫЕ ДОКЛАДЫ ИЗ МАТЕРИАЛОВ КОНФЕРЕНЦИИ «ВОИНЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ: КАЛМЫКИ-УЗНИКИ ШИРОКЛАГА В ПАМЯТИ НАРОДА»

<i>Гучинова Э.-Б.М.</i> Дискурсивные стратегии нарратива о Широκлаге	7
<i>Очиров У.Б.</i> Воины 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии в Широκлаге: статистическое исследование	23
<i>Хомутников Х.П.</i> Дискредитация 110-й ОККД – одна из попыток оправдания репрессий	36
<i>Батырева С.Г.</i> Тема Памяти в депортационном творчестве народного художника РСФСР Г.О. Рокчинского (1944–1947)	46
<i>Топалова Д.Ю.</i> Судьба широκлаговца Сумьяна Бакаева	56

АРХЕОЛОГИЯ ВОЛГО-МАНЫЧСКИХ СТЕПЕЙ

<i>Кекеев Э.А.</i> Названия археологических памятников Республики Калмыкия (по картографическим данным XX в.)	67
<i>Буратаев Е.Г.</i> Половецкое погребение воина у села Красный партизан	98
<i>Шарманджиева Ц.В., Манджиева В.В.</i> Сравнительный анализ археозоологического материала из курганной группы Дюкер в Калмыкии (по материалам полевого отчета Е.В. Цуцкина и по коллекции КалмНЦ РАН)	104

ИСТОРИЯ И ЭТНОГРАФИЯ НАРОДОВ ЮГА РОССИИ

<i>Сень Д.В.</i> Взаимоотношения калмыков и кубанского султана Бахты-Гирея: тактика и стратегия пограничного сотрудничества (середина – вторая половина 1720-х гг.)	125
<i>Сартикова Е.В.</i> Партийное руководство профсоюзами Калмыкии (1927–1935 гг.)	162
<i>Белоусов С.С.</i> Изменения в административно-территориальном устройстве Нижневолжского региона в период Гражданской и Великой Отечественной войн	175
<i>Гунаев Е.А.</i> Административно-территориальное устройство в национальных автономиях Юга РСФСР в 1944–1956 гг.	185
<i>Команджаев Н.А.</i> К вопросу о кадровом составе секретариата и аппарата Калмыцкого областного комитета КПСС в 1957–1991 гг.	197
<i>Шараева Т.И.</i> Брачные стратегии и стереотипы в выборе брачного партнера у современных калмыков как в культурно-сложном обществе	207

Дорогой читатель!

Наш научный журнал «Magna adsurgit: historia studiorum» (Великая степь: исторические исследования), на страницах которого рассматриваются различные проблемы истории народов Великой степи, продолжает свою работу уже 4-й год. Основателем и издателем журнала является Калмыцкий научный центр Российской академии наук. Редакцию журнала составляют ведущие научные сотрудники отдела истории, археологии и этнологии КалмНЦ РАН.

11 апреля 2019 г. Калмыцкий научный центр РАН совместно с общественной организацией «Солдаты Широкага» провел I республиканскую научно-практическую конференцию «Воины Великой Отечественной: калмыки-узники Широкага в памяти народа», посвященную 75-летию снятия воинов-калмыков с фронтов Великой Отечественной войны и их ссылке в Сибирь и Широкаг. В работе научного форума приняли участие ученые КалмНЦ РАН и Института комплексных исследований аридных территорий, преподаватели и студенты Калмыцкого госуниверситета, сотрудники Национального архива и Центра детско-юношеского туризма и краеведения Республики Калмыкия, руководители и представители органов власти и общественных организаций, учителя, медицинские работники, родственники широкаговцев и многие другие. При подведении итогов участники конференции приняли рекомендацию о публикации заслушанных докладов. В поддержку этого решения редакционная коллегия «Magna adsurgit: historia studiorum» отобрала для публикации на страницах журнала наиболее интересные, на наш взгляд, доклады, которые вынесены в отдельную рубрику.

Впервые на страницах нашего журнала стали публиковаться исследования по археологии Калмыкии. Для наших дебютантов редакционная коллегия создала отдельную рубрику. Надеемся, что это хорошее начинание продолжится, и публикации по археологии станут традиционными на страницах нашего журнала.

Наконец, еще одна рубрика, уже ставшая традиционной для нашего журнала, освещает различные вопросы истории и этнографии народов Юга России.

Еще раз напомним, что мы всегда рады видеть на страницах нашего журнала всех заинтересовавшихся исследователей и приглашаем их к сотрудничеству.

Адрес редакции: 358000, Россия, г. Элиста, ул. Илишкина, д. 8, оф. 146. КалмНЦ РАН. E-mail: magna-adsurgit@yandex.ru.

Адрес в интернете: <http://kigiran.com/pubs/index.php/history>

Главный редактор У.Б. Очиров

**Избранные доклады
из материалов конференции
«Воины Великой Отечественной:
калмыки-узники Широkläга
в памяти народа»**

ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ НАРРАТИВА О ШИРОКЛАГЕ*

Гучинова Эльза-Баир Мацаковна¹

¹ доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра РАН (г. Элиста).

E-mail: bairjan@mail.ru

Аннотация. Память об исторических событиях XX в. становится существенным элементом формирования национальной истории современных сообществ. Памятуемое нередко формирует социальное воображаемое. В конструировании прошлого калмыков немало славных (победных), но и немало трагических страниц, вошедших в большой нарратив, в котором одни страницы описаны подробно, а другие — пунктиром. Одним из последних во времени травма-пунктов памяти для калмыков стал Широлаг.

Именно в Широклаге, лагере принудительного труда, калмыцкие солдаты и сержанты приобрели длительный опыт унижения незаслуженным обвинением со стороны государства и экстремальный опыт выживания, отличный от фронтового. Здесь содержались люди, которые не были преступниками, и имели одну вину перед советским государством — этничность — они были калмыками. В январе–марте 1944 г. калмыки были отозваны из рядов Красной армии, причем большая часть — из боевых частей. Еще недавно эти красноармейцы рисковали жизнями и были готовы погибнуть за Родину и за Сталина, а после приказа от 10 января 1944 г. оказались собраны в Широклаге, в котором им приходилось работать по 16 часов, но при питании впроголодь. Когда человек оказывался на грани смерти от истощения и непосильного труда, его отпускали домой.

Ключевые слова: депортация калмыков, репрессии, социальная память, Широлаг, тотальный институт, язык травмы, текстологический анализ.

Эта статья основана на выступлении на конференции «Воины Великой Отечественной: калмыки-узники Широклага в памяти народа» и посвящена тому, что помнят и как рассказывают широклаговцы о своем опыте пребывания в нем. Удивительно, что, несмотря на возможности обсуждения ранее запретных тем, эта конференция оказалась первой, специально посвященной истории калмыков–широклаговцев. Зна-

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

чит, что-то важное еще осталось непроговоренным, если в отсутствие официальных запретов публичное обсуждение этой истории оказалось возможным только в 2019 г. Значит, эта история недостаточно отражена в большом нарративе и занимает нишу лишь в социальной памяти двух–трех поколений, генеалогически причастных к воинам Широкалга. Однако в Широкалге были заключены не просто 3,5 тысячи красноармейцев, а были отцы и деды наших современников, среди которых имена, составившие славу калмыцкой культуры 1960–1970-х гг.: художник Г.О. Рокчинский, танцор Б.Д-Г. Эрдниев, писатель А.Б. Бадмаев, журналист Я.С. Джамбинов, историк М.П. Иванов.

Возможно, что недостаточное присутствие темы Широкалга в общественном дискурсе связано с отсутствием адекватного языка описания. Советская культура и идеология рассказывали о событиях Великой Отечественной войны таким языком, который был призван маркировать лишь стороны повседневности, пригодные для героического нарратива об успехах и достижениях, но оставлявший за рамками травматический опыт [Воронина 2018: 8]. Поэтому старый язык описания не мог отразить ситуацию массового унижения, а новый язык описания Широкалга создать было не просто.

Известно, что память человека подвижна и каждый новый рассказ — это новая редакция личной истории. Она обновляется каждый раз при каждом повествовании. Это зависит от контекста, в котором рождается повествование: то ли это встреча со школьниками, то ли — с однополчанами, то ли — с исследователями, записывающими рассказ на камеру, поскольку рассказчик всегда ориентируется на ближайшую социальную рамку.

В данной статье использованы видео-интервью, сделанные совместно с Т.И. Шараевой в марте 2019 г. (с Надбитом Убушаевичем Убушиевым, Анатолием Борисовичем Тепшиновым и Иваном Менжуевичем Соваевым); сохранившиеся записи телевизионных передач, в которых ширококалговцы отвечают на вопросы журналистов И. Долгиной и В. Хаптаханова; записанные в 1991–1993 гг. Р.В. Неяченко и С.Э. Лиджи-Горяевой рассказы ширококалговцев; опубликованные П.О. Годаевым воспоминания ширококалговцев. Это разные виды источников: письменный текст контролируется составителем-редактором, который напишет, перечитает, отредактирует, уточнит. Зато спонтанный устный рассказ свободнее, показывает порой неартикулируемое отношение, эмоции, неожиданные сюжеты, в общем, работу сознания и подсознания.

Широкалга, как и любой лагерь (а также тюрьма, клиника для душевнобольных), был, по определению Э. Гоффмана, тотальным институтом, в который представлял собой *«места проживания и работы, где значительное число находящихся в одинаковой ситуации людей, отрезанных от более широкой общности на ощутимый период времени, сооб-*

ща следуют закрытому, формально администрируемому циклу жизни» [Goffman 1978: 10]. Попадающий в тотальное учреждение сталкивается с процессом деградации, цель которого унижить человека и сломать в нем личность, превратив в покорное биосущество. Новичков раздевают и подвергают унижительному осмотру, после чего им выдают униформу для обозначения нового статуса [Гучинова 2016: 15]. У широклаговцев была такая одежда: белые штаны и куртка с большими черными буквами ЗК (зэка) на спине. Вместо личного имени широклаговец имел номер и, если погибал, то к ноге привязывали бирку не с именем, а с номером. Нахождение в таком тотальном институте, одна из целей которого — деперсонализация заключенного и его максимальная эксплуатация, а также холод, голод и тяжелая работа, и, наконец, необоснованное обвинение, по которому принадлежность к народу становилась преступлением, делали нахождение в Широклаге растянувшейся на 12–15 месяцев пыткой.

Как определил М. Фуко, механика власти определяет, как можно подчинять себе тела других, чтобы заставить их действовать определенным образом, с применением определенных техник, с необходимой быстротой и эффективностью [Фуко 1999: 201]. В тотальном институте практически нет возможности выразить свое (отличное от большинства) мнение, проявить свой (отличный от большинства) вкус. В нем было тяжелее, чем в воюющей армии — институте с жесткой дисциплиной, но не тотальном. Погибнуть на передовой красноармейцу было легко (на войне как на войне), но на фронте не было морального угнетения из-за несправедливого унижения, там ты был на равных с другими: тебя уважали или не уважали только из-за личных качеств.

Известно, что тоталитарный опыт насилия не позволяет выразить его дискурсивно, и языком репрезентации становится язык травмы. Рассказы о болезненном прошлом различаются в зависимости от многих факторов: пола и возраста рассказчика, историко-культурного и политического контекста, от обстоятельств повествования и проч. Но в текстах травмированной памяти можно увидеть общие черты. Ощущение репрессированности выливалось в слова и сюжеты, создававшие язык травмы, в грамматические конструкции, отражавшие потерю субъектности — потерю самостоятельности, права распоряжаться и быть хозяином своей судьбы. В этой статье я остановлюсь на некоторых особенностях памяти и текста о Широклаге, на той специфике дискурсивных стратегий рассказчиков, которая отражает язык травмы в памяти об этом лагерном опыте.

В первую очередь мы видим, как трудно начинают свое повествование о Широклаге его узники. Они долго не начинали рассказ, не могли говорить, молчали, иногда плакали. А когда все-таки стали рассказывать, оказалось, что с большим трудом находится язык повествования:

«Невозможно выразить словами... Было такое время, когда мы стеснялись говорить о том, что были в Широκлаге. Только вот сейчас об этом стали открыто говорить» (Э. Абушинов) [Широкстрой 1994: 13]. Они начинают говорить по-русски, переходят на калмыцкий язык. Начинают рассказывать по-калмыцки, используют много неперевоаемой военной и политической лексики русского языка, часто повторяют некоторые сюжеты или темы. Но не просто было и тем, кто не рассказывал, а писал: *«чертовски трудно писать о тех временах, пережитых годах»* (Ц.Х. Бамбышев) [Широкстрой 1994: 32]. М.Я. Пюрвенов так и назвал свое повествование в беседе с Р.В. Неяченко *«О Широκлаге я рассказываю впервые»* [Широкстрой 1994: Оглавление].

С фронта в лагерь. В нарративах широкоκлаговцев обязательным сюжетом является получение известия о формировании калмыцкой части и дорога в Широκлаг. Неопределенности весной 1944 г. волновали каждого солдата. Вот что рассказывал об этом Н.О. Босхомджиев:

«Нас сняли с фронта в январе. Нас человек пять пригласили.

Спрашивают:

— Вы кто по национальности?

— Калмык.

— Есть приказ всех калмыков собрать в запасной полк.

Уже был март 44 г. Где-то в районе Мелитополя нас всех переодели, дали все новое обмундирование. Дали валенки, теплое белье — уже весна, зачем валенки? — Пригодятся, берите. Ну мы взяли. А когда приехали в Мелитополь, там очень много калмыков собралось — человек 600 солдат рядового и сержантского состава. Меня старшиной роты назначили. Привезли в Сталинград, нас поставили в тупик. Наши пошли на базар.

— Вы кто будете?

— Калмыки.

— Да вы изменники родины. Вас всех выслали, никого не оставили.

Они вызвали людей из комендатуры и нас отвезли к эшелону» (Н.О. Босхомджиев) [Страницы печали 2000].

Какотреагировали на такое отношение калмыки-красноармейцы? Шел 1944 г., люди давно привыкли не обсуждать вслух политические вопросы.

«Лишь на узловой станции и в Кунгуре, куда съехалось все широкоκлаговское руководство для приема дармовой рабочей силы, и где мы встретились со своими земляками, мы окончательно убедились в том, что дорожные разговоры о формировании калмыцких национальных воинских частей для подготовки их к повторной отправке на фронт не имеют под собой никаких оснований. Нам были заранее

уготованы более тяжкие испытания, о которых мы и не догадывались. Вместо демобилизации нас на 1,5 года превратили в трудармейцев ГУЛАГа» (М.П. Иванов) [Широкстрой 1994: 153].

«В то время люди не рассуждали о том, что правильно, а что нет. Любой приказ выполняли как должное» (Б.М. Добжинов) [Широкстрой 1994: 61].

«Обсуждать: за что — не нашего ума это дел» [ПМА: А.Б. Тепшинов].

«Ты же не знаешь, кто мы: армия ли, пленные ли...» [ПМА: И.М. Соваев].

Встречали на станции Половинка с духовым оркестром.

«Мы себя почувствовали участниками праздничного действия. Нам дали концерт, и мы приняли в нем участие» (У.О. Даваев) [Страницы печали 2000].

Такая постановочная торжественная встреча будущих узников кажется абсурдной. Если применить к этой ситуации идеи Ги Дебора [Дебор 1999] о спектакле, которым полна жизнь общества, то перед нами откровенный спектакль, призванный дезориентировать будущих узников. Видимо, тысячи прибывших с фронта солдат, пусть и безоружных, представляли силу для конвоиров, и было предусмотрительным нейтрализовать их торжественным приемом, поскольку, если бы они сопротивлялись или разбежались, хлопот с прибывшим контингентом было бы существенно больше. Примерно также встречали ингерманландцев в 1944 г., добровольно приехавших в СССР.

Подобная игра в имитацию, в нормализацию неправового дела проявлялась и в сохранении «военного порядка», и в симулякрах деятельности лагерных партийной и комсомольской организации.

«В Половинке создавались такие же подразделения, как в армии, батальоны, роты, взводы и т.д. Я попал в первый батальон, во взвод С.М. Бамбышева. Он очень хорошо к нам относился. Этот взвод создавался как молодежный. Секретарем комсомольской организации был Болдырев Дандыш Мултыкович» (Д.Д. Бадугинов) [Широкстрой 1994: 28].

«Пришел в барак, и там увидел Пюрвю Джалхаева — живой скелет, под ребрами у которого лихорадочно билось сердце. Ослабевшим голосом он сказал мне: «Иди, сдай за меня партвзносы.» А через три дня его не стало» (А.Б. Бадмаев) [Широкстрой 1994: 25].

«Истощенные, измученные люди не выполняли установленные планы и задания. Осенью руководство стройки выступило с большевистским призывом: «Коммунисты и комсомольцы! Вы зачислены в отдельную ударную бригаду, будете работать в ночную смену».

В общем, как на фронте: «Коммунисты, вперед!». За все время пребывания на Широκстрой ни одного собрания коммунистов не было, но членские взносы кто-то ходил и собирал после работы» (Ц.Х. Бамбышев) [Широκстрой 1994: 32]

«Была в Широκлаге комсомольская организация, секретарем которой был Гая Олегович Рокчинский. Собирали комсомольские взносы» (Б.Д.-Г. Бабаев) [Широκстрой 1994: 20].

Конечно, опытным бойцам, героям войны было горько находиться в унижительном статусе ни заключенного, ни военнопленного, не имея перед государством никакой личной вины. У широκлаговцев возникало состояние дезинтеграции идентичности, в котором заключенный должен верить и государству, и себе и своим землякам, при этом понимая бессмысленность двух противоречащих друг другу моделей жизни, должен их принять, особенно, если он хочет придать смысл своему существованию как заключенного и как будущего свободного человека [Лё Кэн 2009: 234]. Именно поэтому, как рассказала на конференции дочь Гарри Рокчинского С.Г. Батырева, будущий народный художник России рисовал своих земляков в военной форме, чтобы зафиксировать достойный образ фронтовика, а не унижительный образ заключенного.

Кроме чудовищных условий лагерного существования катастрофой была утрата привычных социальных ориентиров [Воронина 2018: 12].

«Нет, мы не были заключенными в прямом смысле слова, но и военнoслужаящими тоже не были. И подчинялись мы теперь не Наркомату обороны и боевым офицерам-фронтовикам, а НКВД и его начальникам, которых мы — про себя, разумеется — именовали не иначе как «тыловые крысы». И хотя среди них были очень разные люди, как, впрочем, и в армии и даже на фронте, но нам-то от этого было не легче, угнетал и давил сам статус, не говоря уже о каторжной работе, скудном питании, туберкулезном жилье в земляных бараках и прочих «мелочах»» (Т. Лиджи-Горяев) [Мы — из высланных навечно 2003: 149].

Если судьба рядовых и сержантов в целом была решена, то в вопросе об офицерах власти некоторое время колебались. Офицеры также добивались возвращения на фронт, где их могли убить, но не унижали и, конечно, не обвиняли в предательстве.

«В Павловских лагерях под Оренбургом калмыков было много, офицеры задумали письмо написать, что мы, калмыки, хотим снова идти на фронт. Им пришел ответ от Булганина, он разрешил калмыкам-офицерам вернуться на фронт. Многие вернулись» [ПМА: Л.Т. Дорджиев].

Примерно так же поступили депортированные американцы японского происхождения, которых после атаки на Пёрл-Харбор насильно эвакуировали до конца войны с западного побережья в лагерь в пустынной местности из-за их этнических корней. Многие американцы японского происхождения, рожденные в США (граждане во втором поколении), пошли в армию и сформировали личный состав 442-го пехотного полка. Свою лояльность Америке они подтверждали героизмом и высокой смертностью в боях [Takezawa 1995: 31].

Другая часть отозванных с фронта офицеров-калмыков была отправлена к месту высылки их семей. Многим из них после окончания войны было разрешено выбрать место поселения и тогда многие выбирали Среднюю Азию или Казахстан, где было теплее, и титульное население было восточного облика.

Рядовых и сержантов из Широκлага отпускали только тогда, когда у них иссякали последние силы и использовать их на строительстве было уже невозможно. Практически все красноармейцы, прибывшие на станцию Половинка в марте 1944 г., как правило, покинули лагерь летом 1945 г. Совсем неработоспособных отпускали раньше. Как вспоминал У.О. Даваев, оказавшийся в Широκлаге в апреле 1944 г., он был отпущен только в марте 1945 г. несмотря на инвалидность и мокнущее ранение [Страницы печали 2000].

Здесь широκлаговцам приходили на помощь смекалка и смелость как составные части военной маскулинности. Так, беспартийный красноармеец Гаря Бериков прибыл в Широκлаг 26 марта 1945 г., а уже через неделю (2 апреля) он был демобилизован и убыл к семье, в колхоз им. Чапаева Барабинского района Новосибирской области. Как могло случиться, что лагерный опыт ограничился одной неделей? Он был награжден орденами и медалями и попал в Широκлаг с фронта. *«Один свой орден он отдал коменданту лагеря вместе с орденской книжкой за изменение режима, то есть, чтобы его отпустили к семье на поселение. Мало этого, в лагере встретил своих земляков из Чилгира. А поскольку он дошёл до Германии, то имел трофеи — шесть швейцарских часов, на которые обменял шестерых земляков и забрал с собой из Широκлага»* [ПМА: Ч.Н. Бериков].

Обманул судьбу и Т. Амуков. В конце января 1944 г. он получил тяжелое ранение и лечился почти год. За это время история с отзывом калмыков с фронта почти забылась. Но все же армейская бюрократия выполняла свои функции и в апреле 1945 г. Амукова отправили в Широκлаг. Удивительно, как в биографии этого красноармейца мы видим спокойное решение не повиноваться приказам, а принять решение в своих интересах. Может быть, этому способствовала дата — 9 мая. Война закончилась: *«бери шинель — иди домой»*. Избежавший Широκлага и фактически статуса заключенного, Амуков считал статус спецпереселенца большим оскорблением.

«Мы дошли до Кенигсберга. Здесь меня вызвали и отправили в тыл. Точно 9 мая я оказался у ворот Широкага. На мое счастье, встретились земляки, которые предупредили, что собой представляет их лагерь. Они же подсказали, где надо искать родственников. К лагерному начальству я не пошел, а отправился на поиски семьи. И вот так я оказался в совхозе № 4 Ульяновского района Омской области. В комендатуре взяли на спецучет и по непонятной мне причине стали называть спецпереселенцем. Большого оскорбления для меня, прошедшего войну, не могло быть» (Т. Амуков) [Годаев 1999: 97].

Побег на фронт как протест в 1944 г. был единственным и очень рискованным способом ухода от лагерной жизни Широкага, потому что человек, чье «документальное Я» классифицировалось как вражеское, перековке не подлежал [Фицпатрик 2011: 12]. В случае удачного побега нужно было иметь легенду про иную национальность: стигматизированная этничность сама по себе была обвинением.

Повезло тем фронтовикам, кому помогли их боевые командиры. Так,

«Бориса Бадаева, командира роты строителей Широковской ГЭС, вызволил из Широкага его бывший командир Герой Советского Союза майор Кузнашвили и не без его помощи Борис Бадаев служил в авиационных частях до 1947 г.» (Я.С. Джамбинов) [Широкстрой 1994: 50].

«Мукубен Араев... в один из зимних дней 1944 г. вместе с группой бывших фронтовиков расчищал железнодорожные пути на одной из станций. И в этот день тут сделал кратковременную остановку воинский эшелон, следовавший на фронт с военным грузом, пушками и танками. Мукубен Араев в группе сопровождения эшелона увидел своего фронтового командира. Офицер, узнав своего бывшего солдата, крикнул:

— *Что тут делаешь, Михаил? Какими судьбами оказался здесь?*

— *Объяснять долго. Забери меня, командир, с собой. Хочу воевать, обо всем потом расскажу,* — *сказал Араев. Выслушав Мукубена, офицер сказал:*

— *Бросай все к чертовой матери! Давай залезай к нам в вагон — беру тебя с собой!» (Я.С. Джамбинов) [Широкстрой 1994: 50].*

Другой удачливый беглец В.И. Мишеев мобилизовал свой партизанский опыт:

«Я решил, что мне остается только одно — убежать... Там, где я работал, вокруг было болото, бежать можно было только по мостику, шагнешь в сторону, утонешь по самую шею и никто тебя не спасет. Вечером туда приходил маленький паровоз «кукушка», на котором привозили продукты. Прибывал он в 10 час. вечера и через 30 минут отправлялся. Везде стояла охрана. Уехать можно

было только на этой «кукушке». Я залез в паровозный тендер и так приехал на станцию Половинка. Дальше, этот паровоз не шел. На пассажирском поезде мне нельзя было ехать — сразу бы поймали. Поэтому я опять залез в ящик с углем, зарылся в него, только голову оставил снаружи.

Так ехал целую ночь, утром встал, весь черный, сам, как уголь. Кое-как шинель и шапку снегом почистил и пошел на станцию, где меня сразу и поймали. Увидев меня, двое парней со словами: «Калмык убегает!» схватили меня и повели в комендатуру. Там я просидел пять суток. Через каждые два-три часа проводился допрос. Спрашивали об одном и том же. То, что говорил, я снова повторял, как будто проверяли правильность моих слов. А я болтал всякую чепуху, путал их. Так, за пять суток они ничего не смогли от меня добиться. На шестые сутки я не выдержал и сказал: «Дайте хотя бы воды напиться», так как воды мне не давали, водили только в туалет. Во рту пересохло, сил уже не было даже говорить.

В этот же день пришли несколько человек в военной форме, среди них был генерал. Меня привели к ним и попросили раздеться догола. Я разделся, и генерал приказал подойти к нему ближе. Я тогда был молод, еще не истощен и неплохо выглядел. Генерал посмотрел-посмотрел на меня и сказал: «Калмыки — все доходяги. А этот — не калмык, вы ошиблись, он бурят-монгол. Отправьте его на фронт, там разберутся»... Победу я встретил в Берлине» (В.И. Мишеев) [Ширострой 1994: 70–71].

Пожалуй, самым известным стал побег на фронт Т. Лиджи-Горяева, А. Альчинова и Б. Михайлова.

«Постепенно я подружился с Андреем Альчиновым. Но сначала довольно долго мы прощупывали друг друга и, наконец, открылись: надо бежать на фронт! Андрей сказал, что у него есть один верный товарищ, ему можно довериться. Это оказался Бембя Михайлов. Он был моложе меня и еще моложе Андрея. Порешили: надо готовиться к побегу, накапливать тайком продукты, деньги, хлеб, сахар, постное масло — чтобы не очень громоздко, но калорийно. Раздобыли мы какую-то изрядно потрепанную школьную карту, точнее атлас — без него не могло быть и речи о побеге. Это была бы верная гибель, ибо места для нас были совершенно незнакомые, лесные, а мы — степняки и поначалу просто терялись в лесу. Кроме того, решили, если побег удастся, то надо обязательно изменить национальность, потому как в противном случае нас не просто выдворят с фронта, а отправят в трибунал — за дезертирство с трудового фронта. Одним словом, план побега мы разработали во всех деталях. И в дальнейшем действовали в полном соответствии с ним,

в том числе и национальность каждый изменил в своей красноармейской книжке. Альчинов раздобыл где-то красноармейскую книжку на имя казаха, кажется, Даскалиева.

В один из выходных дней, когда нас отпустили на базар на станцию Половинка, мы не вернулись в лагерь и двинулись на юг, в сторону Молотова. Шли лесом по течению реки Косьвы; продукты экономили максимально. Когда все припасы съели, продали сначала шинели, затем — все остальное, вплоть до запасных портянок. Наконец, вышли на Каму в районе впадения в нее реки Чусовой. И здесь впервые за столько дней сели на пристани на пароход и двинулись в сторону Молотова.

В пригороде Молотова сели на местный поезд и стали подсаживаться ненадолго на все попутные товарные поезда, стараясь не попасться на глаза сопровождающим. Затем также тайком шли до Ярославля около десяти суток. Ночевали, где придется: под деревом в лесу, в стогу, в пустующих сараях. Добрались до Шуи, так, кажется, назывался этот городок. И тут средства наши иссякли полностью, и мы решили: будь что будет, обратимся в комендатуру. Обратились, рассказали заготовленную заранее легенду: наш состав шел на фронт, а мы, сойдя на одной из станций купить продукты, отстали и теперь никак не можем догнать свой состав, а в нем — все наше имущество. Нам поверили, хотя и отругали за ротозейство, но поверили! И это было главное. И даже мысли у них не возникало, что мы — дезертиры! Те бегут с фронта, а мы — на фронт! Более того, нас накормили, выдали сухой паек на сутки и с сопровождающими отправили на пересыльный пункт в Ярославль. Мы снова повторили свою легенду. Она и здесь работала, в том числе и наши документы. В соответствии с нашими армейскими специальностями нас распределили в различные запасные части... Я настойчиво добивался отправки на фронт. И вот свершилось! Я был направлен радистом во взвод связи третьего батальона воздушно-десантной бригады. Это было в июле 44-го, и до конца войны я прошел в рядах этой бригады. Закончил войну в Чехословакии 11 мая 1945 г. на реке Влтава. За время службы меня наградили орденами Красного Знамени и Славы 3 степени, двумя медалями. После войны продолжал служить в военной комендатуре Будапешта помощником командира взвода. В мае 1946 г. уволили в запас» (Т. Лиджи-Горяев) [Мы — из высланных навечно 2003: 149–150].

Язык травмы. Строительство Широковской ГЭС было одной из строек внутренней колонизации, где с применением ручного труда, с нуля должна была быть построена современная плотина и ГЭС. Од-

нако вся техника была мобилизована на нужды фронта и поэтому использовались восполнимые человеческие ресурсы. Не было тягловой силы и вместо лошадей широкоκлаговцы впрягались и тащили груз своей человеческой силой. Киркой и ломом надо было долбить горный грунт. Этот рабский труд (подчеркнуто мной. — Э.-Б. Г.) наряду с унижением и экзистенциальным дискомфортом оставался в памяти выживших долгим травматическим переживанием. А травматическая память облекается в особые слова, использует свои приемы, среди которых самый распространенный — сравнение своего статуса с животным статусом, а людей той эпохи — с рабочей скотиной. Рассказывая о Широκлаге, многие использовали лексику, связанную с животными (скотский вагон, телячий вагон) или упоминания насекомых (вши и клопы) и нечистот — как часть скотской жизни.

Грамматика и прагматика языка травмы явно проявляются в нарративах о Широκлаге. Отсутствие субъектности, невозможность самому принимать важные решения, и жизнь, в которой человек становится орудием исполнения чужих решений, проявляется в построении фраз. Самая характерная черта здесь — использование пассивных грамматических конструкций в страдательном залоге и в неопределенно-личной форме.

«1944 жилин моһа сарин 28-д мадниг, хальмгудиг, оһн-зүсн һазрас, воинск частьсэс цуглулад, станц Половинкд вагоһар авч ирв» (Мугаш Аран). *«28 апреля 1944 г. нас, калмыков из разных мест и воинских частей собрали и вагонами привезли на станцию Половинка»* (перевод мой. — Э.-Б. Г.) [Широкстрой 1994: 18].

<i>Дөһн дөрвдгч жил</i>	<i>В сорок четвертом году</i>
<i>Дегдүүлэд мадниг көөлэ.</i>	<i>нас гнали, заставляя трястись.</i>
<i>Дөһнэс даву киһитнднь</i>	<i>На сорокоградусном морозе и ниже</i>
<i>Десрлжэ мадниг көдлгэ.</i>	<i>гнали нас строем.</i>

Н. Уджаев «Половинка» [Широкстрой 1994: 166]

Вместо подлежащего «Мы» всюду фигурирует «Нас». Подлежащее «Заклученные» находятся в пассивном страдательном залоге. Они — подлежащие действию внешней силы. Но что эта за безымянная сила, которая всегда хочет добра, но присутствует во множественном числе? Похоже, что не называют вслух только самые могущественные имена. В данном случае — это мощная сила государства, сила множественная.

Лексика травмы — важная составляющая языка травмы, один из каналов, которым травма заявляет о себе. Рассмотрим в качестве примеров заголовки тех рассказов, которые собраны в сборнике Р.В. Неяченко и С.Э. Лиджи-Горяевой. Практически все рассказчики подчеркивали значимость памяти о широкоκлаговском опыте в его жизни. Например, «Сибирь я буду помнить вечно» (С.М. Бамбышев), «Широ-

клад навечно в моей памяти» (Б.Б. Алькин), «Широковск лагерьт үзсн, эдлсн зовлц ухан-седклягяс ода чигн нархш» («Пережитые в Широковск лагере невзгоды до сих пор в моей памяти») (М.Э.-Г. Эрдни-Гаряев) [Широкстрой 1994: Оглавление]. Лексика смерти: «Широклаг — смерти порог» (А.Б. Бадмаев), «Воскрес их мертвых» (Н.Б. Шарапов), «Двум смертям не бывать» (Ц.Х. Бамбышев) перемежается с лексикой преступления и наказания: «Оставил отпечатки пальцев» (Г.Б. Бембинов), «Я был арестованным» (О.Х. Уманджинов), «Год в неволе» (Ц.Б. Эрдниев). Многие заголовки являются иллюстрациями мысли Варлама Шаламова, что *«лагерь — отрицательная школа жизни целиком и полностью»* [Шаламов 2009: 4], например: «Пропавшая молодость» (Е.Л. Тагаева), «Ту жизнь старалась забыть» (Д.Д. Джумалинова), «Дорога горькой судьбы» (В.Б. Номинханов).

Травмирующие сюжеты. Травматическая память отбирает и хранит самые болезненные сюжеты. Один из них — сюжет о лошади, которая сама без возницы перевозила трупы.

«Тяжелая работа. Три месяца — и уже новые люди таскали. Я молился... чтобы не заболеть. Как заболеешь... Там больницас яхла, специальная мөрнь, у нее условный рефлекс. Күн уга. Сама лошадь приезжает, становится, на нее грузят өңгрсн улсыг и она вывозит к яме, а там выкидывают в яму и все. Притом совсем голыми. Потому что хувцыг снимали, стирали и обратно надо ж» [ПМА: А.Б. Тепшинов].

Человека всегда интересуют умные животные, а в данном случае лошадь управлялась сама, без возницы, выполняя работу, запрограммированную человеком. Но в данном случае не было специальной дрессировки, вместо нее была долгая практика: одна остановка у морга, другая остановка у могильной ямы. Этот бесконечный шаттл, курсирующий по зловещему маршруту, наводил ужас автоматизмом, исправной регулярной работой. Эффект усиливал и язык травмы, который активно использует лексика смерти: морг, покойник, трупы.

Рассказ об активировании ослабленных людей встречается практически в каждом нарративе о Широковск лагере. Если предыдущий сюжет характерен для памяти одного человека, то такой сюжет, как медосмотр, универсален для всех ширококовцев. Он так травматичен, потому что по существу каждый осмотр был селекцией, практически Страшным судом. От того, какой разряд человеку присвоит комиссия: на тяжелый труд или облегченный, или освободят на неделю, зависела жизнь человека. Это был вопрос о шансах ширококовца выжить.

Медицинский осмотр был регулярной процедурой освидетельствования состояния здоровья заключенных и обычно проводился раз в месяц. В июле 1942 г. руководство ГУЛАГа разослало в лагеря директиву,

в соответствии с которой их начальники были обязаны проводить с помощью врачебно-трудовых комиссий ежемесячные осмотры заключенных для определения степени их трудоспособности. В зависимости от физического состояния были установлены четыре категории трудоспособности: к первой относились люди, пригодные для любых физических работ, ко второй — только для работ средней тяжести, к третьей — те, кто подлежал освобождению от работы или использованию только на легких внутрилагерных работах. Те, кто попадал в четвертую группу, направлялись в больницу или оздоровительную команду и занимались стиркой, глажением, дезинфекцией, помогали на кухне, топили печь [Като 1992: 59].

Эти категории устанавливались с помощью так называемого неприличного жеста врача или медсестры, которые определяли, осталась ли еще на ягодичах плоть, и устанавливали тех, кто уже мог считаться дистрофиками [Карнер 2002: 103]. В чем же заключался неприличный жест? Процедура медицинской проверки на трудоспособность состояла в том, что врач оттягивал кожу на ягодиче пленного, определяя отсутствие/наличие подкожного жирового слоя. Если кожа висела, человека направляли на более легкую работу [Гучинова 2016: 168]. Этот осмотр людей напоминал работнику заготовительной организации осмотр животных (Т.К. Мухлаев) [Широкстрой 1994: 80].

«В ноябре–декабре 1944 г., когда началась массовая гибель людей от тяжелого труда, голода и холода, нас стала активировать специальная медицинская комиссия. До сих пор с ужасом вспоминаю это страшное зрелище... Раздевались догола. Врачей мало интересовали торчащие ребра, голова с ярко выраженными контурами черепа. Врачи осматривали несчастных, в первую очередь, сзади — насколько отчетливо был виден рудимент — копчик. У сильно истощенного человека он торчал хвостиком величиной с мизинец ребенка» (Ц.Х. Бамбышев) [Широкстрой 1994: 32].

«В лагере каждую неделю работала комиссия, в состав которой входили врач, медсестра, руководители Широклага. Члены комиссии в основном осматривали, ощупывали мышцы, ягодичцы. В некоторых случаях делали уколы в ягодичцу. Если кровь появлялась, значит, трудоспособен, если же крови не было, то отправляли в Сибирь, к родственникам» (В.И. Мишеев) [Широкстрой 1994: 70].

Широклаговцы эту процедуру описывали особым словом: «мадниг списать кев» (нас списали) [ПМА: Н.У. Убушиев] или «актирование — это «списание» тяжелобольных» [ПМА: А.Б. Тепшинов]. Слово «списать» непереводимо на калмыцкий язык в этом контексте. В русском языке среди его значений есть и такие: расстрелять, уволить, но здесь оно употреблено в значении «убрать за ненадобностью».

Оговорки и ошибки в рассказах о Широκлаге также симптоматичны. Один из широкоκлаговцев несколько раз повторил, как бы причитая: *«Если бы Хрущев не репрессировал бы...»*. Для рассказчика и Сталин, и Хрущев олицетворяют государство и становятся двумя ликами Януса. Но мысль о репрессированности народа так вошла в сознание его представителей, что отразилась в спонтанной речи: правитель выселявший и правитель возвративший суть одно и то же.

Для И.М. Соваева осталось неясным следующее: *«Больше всего меня мучает вопрос: почему нами командовали пленные немцы и поляки? ... Я только одного не пойму, почему чужие люди — поляки, немцы, нас избивали? И тронуть его нельзя, убьют»* [ПМА: И.М. Соваев]. Поляки и немцы в Широκлаге не были военнопленными, это были советские граждане, которых также на основе национальной принадлежности депортировали на Урал в начале 1942 г. Именно немцы строили Широκлаг и бараки, в которые в 1944 г. привезли калмыков. Но в то же время они являлись представителями больших народов, у которых были свои независимые государства, и у этих стран сложились недружественные отношения с СССР, и рассказчик не может понять, почему калмыки-красноармейцы, которые не были в плену и не совершали правонарушений, оказались в лагере в статусе ниже, чем немцы и поляки.

Абсурд государственных решений порождает абсурд в голове широкоκлаговца. *«Про тех, кто пошел к немцам служить, знал маршал Баграмян. Он, если кого из таких встречал, застреливал лично, без всяких расспросов»* [ПМА: И.М. Соваев]. Эта фраза — отражение представлений о всемогуществе высшего руководства, особенно представителей высшей военной касты и особенно лиц кавказского происхождения. В этой фразе характерно даже не то, что руководство знает всё и всех, а будничное отношение к внесудебной расправе высшего начальства. Если целые народы могли выслать без всякой вины, как и без суда и следствия, то уж предателей родины точно должны были бы расстреливать при первой возможности.

Но не стоит думать, что широкоκлаговцы всегда были жертвами. Они жили во время жестокой войны, в мире насилия, и насилие входило в их представление о жизни и о войне, у которой своя этика, и согласно ее военной версии мародерство оправданно. Так, один наш собеседник отобрал много часов у японцев, которые были заключенными соседнего лагеря. А потом у него их отобрал калмык-комендант, который играл в карты. Перед нами сложилась вертикаль мародерства: часы коучут от тех, кто слабее, к тем, кто сильнее. Интересно, кому в итоге они достались?

Некоторые калмыки принимали участие в операции по депортации чеченцев и ингушей «Чечевица». У них был приказ стрелять на поражение без предупреждения по всем, кто будет пытаться бежать.

По тому, как наш рассказчик несколько раз возвращался к приказу о стрельбе на поражение, можно увидеть драму маленького человека в солдатской шинели. Ведь солдаты приказы не обсуждают: если есть приказ на поражение, то ему надо стрелять в мирное население. Снова встречаемся с образами доброго и злого солдата, которые присутствуют в каждом нарративе о депортации калмыков. А как вели себя калмыцкие солдаты при выселении вайнахов? Все ли остались в памяти чеченцев как добрые?

Изучая не только, что именно говорят наши старики, но и как именно они говорят, мы узнаем больше о том времени, в котором им довелось жить и выжить. Вопрос о памяти — в какой степени современному калмыцкому обществу интересны трагические страницы истории народа в XX в. и в каком объеме — отражается в дискуссии: нужна ли Элисте улица Широκлаговская? Во время конференции прозвучало мнение, что не нужно так мрачно называть место, в котором будут люди жить. Эта позиция противостоит другой: название улицы будет напоминанием следующим поколениям, именно сохранение памяти о лагере в повседневной жизни и есть гарантия сохранения памяти. В Элисте есть улицы Омская, Новосибирская и Алтайская — в память о годах депортации и в благодарность жителям этих регионов, которые поддерживали калмыков в трудное время. Здесь память несет в себе не только напоминание об исторической несправедливости, но и позитивное чувство благодарности сибирякам, которое становится основанием для примирения с прошлым.

В истории Широκлага не находится места для благодарности потомков, память о «преданных солдатах Широκлага» (так назван документальный фильм А.Б. Санджиева) [Преданные солдаты... 2014] — это память об унижении калмыков-трудоустроенцев родным государством, вызывающая чувство сострадания и горечь. Может быть, в этом и кроется причина того, что история Широκлага сохраняется в социальной памяти группы причастных — родственников и потомков заключенных. Как напоминание Б. Андерсон, не только память нужна для создания нации, но необходимо и забвение, особенно тех эпизодов истории, которые угрожают целостной идентичности нации [Андерсен 2001: 216–217]. Поставить событие в пространство забвения не значит вычеркнуть из памяти, но отвести ему свое место в историческом процессе.

Однако история Широκлага недостаточно изучена и еще ждет исследователей ввиду своей важности для истории калмыцкого народа.

Источники

Годаев П.О. Боль памяти. Элиста: АПП «Джангар», 1999. 351 с.

Мы — из высланных навечно. Воспоминания депортированных калмыков (1943–1957 гг.) / Сост. и ред. П.О. Годаев. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 464 с.

Полевые материалы автора (ПМА). Информант Ч.Н. Бериков, 1974 г. рождения, личная переписка 2019 г.

ПМА. Информант Л.Т. Дорджиев, 1922 г. рождения, запись 2004 г. (г. Элиста).

ПМА. Информант И.М. Соваев, 1925 г. рождения, запись 2019 г. (с. Троицкое).

ПМА. Информант А.Б. Тепшинов, 1925 г. рождения, запись 2019 г. (г. Элиста).

ПМА. Информант Н.У. Убушиев, 1926 г. рождения, запись 2019 г. (с. Троицкое).

Преданные солдаты Широкалга. Док. фильм. Автор А. Санджиев. 2014 г.

Страницы печали. Широкалга. Ч. 1–2. Передача Калмыцкого ТВ. Автор И. Мукабенова. 2000 г.

Широкстрой: Широкалга: Сб. воспоминаний воинов-калмыков, участников строительства Широковской ГЭС / сост. и вступ. ст. Р.В. Неяченко. Элиста: Джангар, 1994 (Книга памяти ссылки калмыцкого народа. Т. 3. Кн. 2). 190 с.

Литература

Андерсен Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 286 с.

Воронина Т. Помнить по-нашему. Соцреалистический историзм и блокада Ленинграда. М.: НЛЮ, 2018. 272 с.

Гучинова Э.-Б. Рисовать лагерь. Язык травмы в памяти японских военнопленных о СССР. Саппоро: SRC, университет Хоккайдо, 2016. 220 с.

Дебор Ги. Общество спектакля / Пер. с фр. М.: Логос, 1999. 224 с.

Карнер С. Архипелаг ГУПВИ и интернирование в Советском Союзе. 1941–1956. М.: РГГУ, 2002. 304 с.

Като К. Сибирь в сердце японца. Новосибирск: Наука, 1992. 132 с.

Лё Кэн Л. Этнографическое исследование в тюрьме. От «роли» заключенного к поискам идентичности осужденного // Социальная антропология во Франции. XXI в. / Под ред. Е. Филипповой и Б. Петрика. М.: ИЭА РАН, 2009. С. 214–237.

Фицпатрик Ш. Срывайте маски!: Идентичность и самозванство в России XX в. М.: РОССПЭН. 2011. 375 с.

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 476 с.

Шаламов В. Колымские рассказы. М.: Эксмо, 2009. 958 с.

Goffman E. Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates. 9th ed. Harmondsworth: Penguin Books Ltd, 1978. 336 p.

Takezawa Ya. Breaking the Silence. Redress and Japanese American Ethnicity. Ithaca: Cornell University Press, 1995. 233 p.

ВОИНЫ 110-Й КАЛМЫЦКОЙ КАВАЛЕРИЙСКОЙ ДИВИЗИИ В ШИРОКЛАГЕ: СТАТИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ*

Очиров Уташ Борисович¹

¹ доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра РАН (г. Элиста).

E-mail: utash-ochirov@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена воинам 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии, волею судеб оказавшихся в Широковском исправительно-трудовом лагере НКВД (Широклаг). Эта дивизия была национальным соединением, укомплектованным большей частью из калмыков. В разное время через нее прошло более 5 тыс. калмыков, что составляет 1/5 от общего количества калмыков, призванных в РККА в годы Великой Отечественной войны. В феврале 1943 г. 110-я кавдивизия была обращена на доукомплектование 4-го гв. Кубанского казачьего корпуса. После несправедливого решения о ликвидации Калмыцкой АССР и высылке калмыцкого народа в Сибирь в декабре 1943 г. 2/3 калмыков-военнослужащих РККА, уцелевших к тому времени, были направлены в качестве трудовых колонн в Широклаг. Среди них были и бывшие воины 110-й кавдивизии, которые составили примерно 8 % от общего количества широклаговцев. Тяжелый физический труд почти без всяких средств механизации, сложные климатические условия труда, непосильные нормы выработки, скудное питание и моральное унижение военнослужащих, вынужденных носить робы заключенных, привели к массовому истощению калмыков-красноармейцев, их высокой заболеваемости и смертности. В статье был осуществлен статистический анализ сведений о бывших воинах 110-й кавдивизии, находившихся в Широклаге. Анализ осуществлялся по следующим категориям: год рождения, место (район) рождения, место (военкомат) и время призыва, боевые награды, время прибытия в Широклаг, последнее место службы перед прибытием в Широклаг, места убытия уцелевших широклаговцев.

Ключевые слова: Великая Отечественная война 1941–1945 гг., 110-я Калмыцкая кавалерийская дивизия, депортация калмыцкого народа, Широклаг, трудовые колонны.

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

110-я Калмыцкая кавалерийская дивизия (далее — кд) являлась национальным воинским соединением, сформированным согласно постановлению Государственного комитета обороны (далее — ГКО) № 894сс от 13 ноября 1941 г. [Постановление 1941] Калмыцким обкомом ВКП(б) и Совнаркомом Калмыцкой АССР, и было более чем на $\frac{2}{3}$ укомплектовано калмыками. Эта дивизия имела отборный личный состав, отобранный из двух кавдивизий (110-й и 111-й), и прошла почти полугодовой курс обучения [Очиров 2017].

В июле 1942 г. 110-я кд, занимавшая участок длиной в 58 км по берегу Дона, вступила в боевые действия на завершающем этапе Воронежско-Ворошиловградской операции. В этот период войска Южного и Юго-Западного фронтов понесли поражение и были вынуждены поспешно отступать к переправам через Дон в условиях паники и хаоса. Десятки соединений и частей оказались разгромлены или утратили бóльшую часть личного состава и вооружения, особенно тяжелого. Воины калмыцкой дивизии охраняли три важнейшие переправы, через которые советское командование эвакуировало сотни тысяч воинов, сотни танков, автомашин, артиллерийских орудий и т. д. [Заярный, Очиров 2017а]. Первым наземным противником 110-й кд оказалась элитная моторизованная дивизия «Великая Германия», которая превосходила калмыцкое соединение в несколько раз как по численности личного состава, так и по численности и качеству вооружения. Несмотря на это, 110-я кд шесть суток отражала атаки превосходящих сил противника и отступила от Дона в числе последних, после получения соответствующего приказа, хотя и понесла при этом колоссальные потери [Заярный, Очиров 2017б].

После отхода за Маныч (и начала Битвы за Кавказ) командование так и не смогло полностью восстановить управление войсками и в условиях паники и суматохи часто отдавало противоречащие друг другу приказы. В результате этого некоторые части 110-й кд: 292-й кавалерийский полк (далее — кп) майора С.И. Ориночко и половина 311-го кп под руководством капитана А.К. Темирова, имевшие приказ об отходе в сторону Майкопа, так и не получили нового приказа об отходе на юго-восток и поэтому отделились от основных сил калмыцкого соединения. В сентябре 1942 г. эти части были обращены на доукомплектование соединений 4-го гв. казачьего кавалерийского корпуса (далее — кк): полк Ориночко был передан в состав 10-й гв. Кубанской казачьей кд, а группа Темирова — 11-й гв. Донской казачьей кд [Заярный, Очиров 2018а; В годы... 2003: 137].

Основное ядро 110-й кд отступило, согласно приказу, на юго-восток, прорвало окружение в районе Сальска и затем по маршруту Сальск — Башанта — Ворошиловск (Ставрополь) — Моздок вышло к предгорьям Кавказа. При этом небольшие группы и одиночные бойцы отделились или отстали от дивизии и вышли к своим войскам в разных районах [За-

Очиров У.Б. Воины 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии в Широкалге: статистическое исследование

ярный, Очиров 2018в]. Некоторые группы позже были возвращены в состав национального соединения.

Первоначально 110-ю кд вывели на доукомплектование в Калмыкию, но в сентябре 1942 г. ее вместе с 30-й кд бросили в рейд в тыл противника. После выхода из рейда личный состав (почти 1,5 тыс. чел.) и вооружение 110-й кд передали на доукомплектование 30-й кд, имевшей около 1 тыс. чел., а управление калмыцкого соединения вывели в тыл на переформирование, фактически формирование новой дивизии [Заярный, Очиров 2018б].

За счет запасных частей Северной группы войск Закавказского фронта, мобилизации остатков призывников и добровольцев Калмыкии и Кизлярского округа соединение было пополнено и вновь вступило в Битву за Кавказ. В ходе боев в ноябре 1942 г. — январе 1943 г. 110-я кд с боями прошла более 600 км и освободила более ста населенных пунктов Орджоникидзевского (ныне Ставропольского) края, Калмыцкой АССР и Ростовской области, в том числе Буденновск, Петровское (Светлоград), Ипатово и др. К началу февраля в этом соединении осталось лишь 12 % калмыков, и 110-ю кд решили расформировать, обратив ее личный состав и вооружение на доукомплектование 4-го гв. Кубанского казачьего кавалерийского корпуса (далее — кк), в том числе и в состав 30-й кд [Солдаты Победы 2015: 23].

Точная численность калмыков, служивших в 110-й кд, к сожалению, неизвестна. К тому же соединение неоднократно пополнялось или пополняло другие части, поэтому численность калмыков в 110-й кд могла меняться кардинально. Известно, что в марте 1942 г. 1 тыс. калмыков из состава 110-й кд была передана в состав 16-й запасной стрелковой бригады [Очиров 2017: 65–66]. Весной 1942 г. в различные училища и офицерские курсы было направлено около 200 калмыков. К началу боевых действий в июле 1942 г. в составе 110-й кд числилось около 3 тыс. калмыков [ЦАМО. Ф. 224. Оп. 783. Д. 3. Л. 260]. В начале августа 1942 г. на доукомплектование 110-й кд поступило 350 бойцов из 15-го запасного кп, в который в марте 1942 г. прибыло 2 тыс. калмыков из расформированной 111-й Калмыцкой кд [Заярный, Очиров 2018в: 129–130]. Значительная часть бойцов в этих маршевых отрядах являлись калмыками. В октябре 1942 г. было мобилизовано или поступило из других частей порядка 900 калмыков. Таким образом, общую численность калмыков, служивших в 110-й кд в разное время, можно оценить как более 5 тыс. Если учесть, что за годы войны всего было призвано 25,8 тыс. калмыков [Максимов 2010: 346], то получается, что в национальном соединении служил каждый пятый из них (19,38 %).

В составе Кубанского корпуса калмыки доблестно сражались на Миус-фронте, при прорыве «Восточного вала» на Молочной, в рейдах по Северной Таврии; ряд бойцов и командиров был отмечен боевыми на-

градами (орденами Красного Знамени, Богдана Хмельницкого, Славы и т. д.) [В годы... 2003: 194–227].

28 декабря 1943 г. по огульным и несправедливым обвинениям калмыцкая автономия была ликвидирована, а весь калмыцкий народ выслан в Сибирь. 8 января 1944 г. начальник Главного управления формирования и комплектования Красной армии генерал-полковник И.В. Смородинов отдал распоряжение о снятии калмыков-военнослужащих с фронтов. Офицеры-калмыки, как правило, направлялись на службу во внутренние округа, сержанты и рядовые, имеющие слабое здоровье или инвалиды Великой Отечественной войны, вновь призванные на службу, подлежали демобилизации и высылке на места спецпоселений, к своим семьям. Однако большая часть калмыков-сержантов, рядовых и курсантов была направлена в 7-ю запасную стрелковую бригаду в г. Кунгур, где их передавали «для трудового использования в Широковский исправительно-трудовой лагерь НКВД СССР» [цит. по: Широлаг... 2000: 4], больше известный как Широлаг.

Широковский лагерь был создан НКВД для строительства Широковской ГЭС, согласно Постановлению ГКО от 5 ноября 1942 г. № 2484с «О строительстве средних и малых гидростанций первой очереди на реках Урала». Несмотря на возражения экономистов, указывавших на высокие капитальные затраты этого и других аналогичных проектов, ГКО санкционировал строительство на Урале 3 средних и 15 малых ГЭС общей мощностью 113 МВт, приказав ввести их в строй в 1943–1944 гг. Ответственность была возложена на НКВД (нарком Л.П. Берия), наркомат электростанций (нарком Д.Г. Жимерин) и наркомат строительства (нарком С.З. Гинзбург) [Постановление 1942].

При этом основная работа легла на НКВД, имевший собственный институт «Гидропроект». Вскоре стало ясно, что ресурсов для их строительства недостаточно, поэтому было решено сосредоточиться на строительстве средней Широковской ГЭС и четырех малых ГЭС. Основной рабочей силой в Широлаге были заключенные и советские немцы, депортированные из мест проживания и мобилизованные в «трудовые колонны». С марта 1944 г. к ним присоединились калмыки, служившие в РККА и направленные в Широлаг на правах «трудоармейцев» (то есть формально не демобилизованных). Позже на строительство Широковской ГЭС стали прибывать прибалты, насильно высланные из родных мест.

Калмыки-военнослужащие зачислялись в состав 1-го и 2-го строительных батальонов и использовались на самых тяжелых работах, не требующих квалификации, в первую очередь на рытье котлована, которое осуществлялось вручную из-за отсутствия средств механизации. Один из широколаговцев Ш.М. Налаев (в 16 лет добровольцем записавшийся в 110-ю кд) позже вспоминал об этом так: «немцы народ мастеровой, они работали в основном на производственных предприятиях, бетон-

Очиров У.Б. Воины 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии в Широкаге: статистическое исследование

ных заводах, трактористами, шоферами, арматурищиками, плотниками, столярами, слесарями, врачами, техниками, инженерами... они были основным костяком этого строительства и их берегли. Среди калмыков таких специалистов не было, в лучшем случае, учителя, зоотехники, ветврачи, а в прочем указывали специальность чабан, табунщик, рыбак, рабочий рыбного промысла, бухгалтера. Не было ни одного инженера, электрика... Им была прямая дорога на земляные, взрывные работы в карьерах, на переноску на тачках бетонного раствора, на рытье шурфов, грузчиками...» [ПМА: Ш.М. Налаев].

В своих воспоминаниях ветеран подробно описал условия работы на стройке. «Первое время мы копали траншеи под отопительную систему для котельной. Это была очень тяжелая работа, т. к. местность там гористая и грунт каменистый... Климатические условия на северном Урале очень тяжелые. Начиная с весны и до глубокой осени лили частые ливневые дожди, а зимой снег выпадал до полутора-двух метров» [Широкстрой... 1994: 84].

Условия труда в Широкаге мало чем отличались от ГУЛАГовских: работа начиналась с 6 утра и продолжалась «дотемна». Положение осложнилось сокращением пайка летом 1944 г. Вот как вспоминал об этом А.К. Харлашкиев, служивший до Широкага в 11-м запасном кп: «Сначала нам давали армейский паек — по 700 г хлеба. Через два месяца сказали, что кормить будут в зависимости от выработки. Норму выполнишь — получишь 700 г, не выполнишь — 300 г. Кроме хлеба давали баланду и соленую селедку. Норму почти никто не выполнял, потому что люди болели, от слабости даже ходить не могли, падали» [Широкстрой... 1994: 129].

Ветеран 110-й кд Б.Д.-Г. Бабаев также вспоминал о постоянном чувстве голода: «Народ в лагере сильно страдал от плохого питания, мороза, холода... Я постоянно испытывал там чувство голода. Только тяжелым трудом можно было заработать ГЗ — горячий завтрак, ДП — дополнительный паек, УДП — усиленное дополнительное питание... Это была своего рода приманка для нас» [Широкстрой... 1994: 19–20]. В воспоминаниях Э.И. Абушинова есть более подробная расшифровка этих пайков: «Кормили нас так отвратительно, что невозможно выразить словами. Ребята ходили по помойкам, собирали рыбы головы, варили суп. Собирали также картофельную кожуру, жарили ее на железных печурках и ели. За перевыполнение нормы давали дополнительное питание — «премблюда». Это были ГЗ (горячий завтрак), который состоял из полужюшки каши, и УДП (усиленный дополнительный паек) — из двух крохотных оладушек» Широкстрой... 1994: 12–13]. А вот воспоминания У.И. Очирова: «Такая работа требовала полноценного питания, которого не было. Основная еда — это бульон (один ковш), 100 граммов хлеба и зеленый помидор. Приходилось жить и работать впроголодь. И по-

шла смерть косить людей. Очень много вчерашних фронтовиков раньше времени ушли из жизни на том строительстве. Многих активировали от истощения и отправляли в Сибирь» [Мы из высланных... 2003: 59].

Помимо физических страданий калмыки-широклаговцы испытывали моральное унижение и подавленность, отказывались от выдаваемой им лагерной одежды, донашивали военную форму, которая быстро изорвалась на каменоломнях. Не все степняки выдерживали такие непривычные условия труда при суровом климате и скудном питании. Многие попадали в лазарет, умирали. По данным Н.К. Шарапова, работавшего в Широкаге в отделе статистики, только за год умерло 911 калмыков [см. Широкой... 1994: 138].

В актах медицинских заключений, помимо обычных для лагерной жизни заболеваний (пневмония, туберкулез), часто встречались такие диагнозы: дистрофия, деменция, преждевременное одряхление организма [Широкаг... 2000: 5]. Снова предоставим слово Ш.М. Налаеву: *«я ужаснулся, до чего же могут похудеть вчерашние мои друзья, молодые, полные сил и здоровья ребята за каких-нибудь 3–4 месяца. Ребра и грудная клетка видны без рентгена, вся задняя часть с копчиком вся синяя, как будто кто-то лупил палкой, глаза были полусонные, ноги превратились в жерди с утолщениями в коленках, руки — в палки без всяких мускулов. Такую картину я видел позже в кинокартинах, посвященных фашистским концлагерям»*. Только из одного 2-го батальона было активировано по состоянию здоровья более 500 человек. *«Они были в таком состоянии, что не могли самостоятельно сесть в вагоны, и мы собрали одну бригаду более или менее крепких ребят и их на своих плечах грузили в вагоны. Они могли сидеть или лежать на лавочках в вагонах. Нам было видно, что многие из них не дойдут до дома, и действительно многие умерли в пути следования»* [ПМА: Ш.М. Налаев].

Еще бóльшую горечь начинаешь испытывать, когда понимаешь, что все эти жертвы и испытания были в общем-то напрасными. Для Широковской и Поньшской ГЭС планировалось использовать турбоагрегаты мощностью 28 МВт, эвакуированные с Лесогорской ГЭС (бывшая финская ГЭС «Роухиала», построенная в 1934 г. и захваченная СССР по итогам советско-финской войны 1939–1940 гг.) в 1941 г. [Постановление 1942]. Однако в марте 1944 г. эти два турбоагрегата были реэвакуированы обратно в Ленинградскую область для возобновления работы Лесогорской ГЭС. Вместо них были заказаны два турбоагрегата мощностью по 14 МВт, однако завод по производству гидротурбин (Уральский завод гидромашин в Сысерти) только начал работу. В конечном итоге Широковская ГЭС была введена в строй лишь в 1948 г. [Гидроэнергетика 2011]. При таких темпах строительства вовсе не нужно было требовать от строителей такой титанической отдачи, которая привела к массовой смертности и истощению.

Очиров У.Б. Воины 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии в Широклаге: статистическое исследование

Всего за 1944 г., по данным К.Н. Максимова, с фронтов и тыловых частей и учебных заведений было снято 4 150 калмыков (на 1 января 1944 г. в составе РККА значился 6 891 калмык), из которых 102 офицера, 107 сержантов и 498 рядовых (больные, раненые и инвалиды) были направлены на спецпоселения, к своим семьям, а 352 сержанта и 3 091 рядовой — в Широклаг [Максимов 2010: 345]. По подсчетам К.Н. Максимова большую часть калмыков-широклаговцев составляли фронтовики — 2 590 чел., остальные 737 калмыков-широклаговцев были призваны осенью 1943 г. (в основном 17-летняя молодежь и 45–50-летние «старики»). Среди фронтовиков были воины, отмеченные боевыми наградами, в том числе: орденом Ленина — 1, Красного Знамени — 3, Отечественной войны — 8, Красной Звезды — 47 и т. д. [Максимов 2010: 349–350]. Характерная деталь, говорящая о масштабе снятия ветеранов-калмыков с фронтов. Из 31 уцелевшего в боях калмыка-кавалера ордена Славы, награжденных в ноябре 1943 г. — июне 1944 г., 20 — попали в Широклаг [Очиров 2016: 232].

Конечно, многие фронтовые командиры не желали расставаться с опытными ветеранами. Некоторые из них меняли калмыкам в документах национальность и место призыва, некоторые обращались к командованию с просьбой оставить калмыков и получали такое разрешение. К середине 1944 г. с фронта и тыловых частей было снято более 2/3 калмыков, и в рядах РККА остался 2 651 калмык: в том числе 335 офицеров, 367 сержантов и 1 949 рядовых [Максимов 2010: 345]. Пользуясь случаем, обращаю внимание читателя на такую деталь. Во 2-й пол. 1944 г. — 1-й пол. 1945 г. 9 калмыков были награждены «полководческими» орденами Суворова, Кутузова и Александра Невского (1 из них — дважды) [Очиров 2018], 56 — «солдатским» орденом Славы (4 из них — дважды) [Очиров 2016], то есть почти каждый сороковой военнотружаший-калмык оказался отмечен такими почетными для своей категории наградами. Если бы калмыков на фронте было втрое больше, то нет сомнения, что и количество награжденных в 1944–1945 гг. среди них заметно возросло.

Приведу в качестве иллюстрации такой факт. В составе 4-го гв. Кубанского кк было сконцентрировано несколько сотен калмыков (в основном из 110-й Калмыцкой кд), которых в начале 1944 г. организованно сняли и направили в Широклаг. Неудивительно, что лишь 2 калмыка-«кубанца» (О.-Г.Н. Болдырев и К.Д. Тугульчиев) были отмечены в конце 1943 г. вновь учрежденной почетной «солдатской» наградой — орденом Славы. В 5-м гв. Донском кк было лишь несколько десятков калмыков (в основном из группы А.К. Темирова), но кавалеров Славы среди них оказалось больше — 3 (Н.Б. Завертев, М.Д. Сангаджиев и Я.П. Каруев), причем они были награждены в период с ноября 1944 г. по апрель 1945 г. [Очиров 2016: 221–229]. Очевидно, что снятие калмыков из 5-го гв. Донского кк не проводилось или проводилось в ограниченном масштабе.

Как уже упоминалось выше, по данным К.Н. Максимова в Широκлаге было направлено 3 443 калмыка-военнослужащих. В картотеке архива Кизеловского ИТЛ (Пермский край) значился 3 241 калмык [Широκовский ИТЛ]. На базе этой картотеки был опубликован аннотированный справочник калмыков-широκлаговцев, в который были включены 3 224 персоналии [Широκлаг... 2000]. Как видно, последние две цифры различаются незначительно и могут быть объяснены ошибками в учете. Разница последних двух цифр с первой может быть объяснена тем, что не все высланные в Широκлаг добрались до него.

Опираясь на аннотированные справочники по Широκлагу и воинам 110-й кд, автор провел статистический анализ о пребывании в Широκлаге бывших воинов 110-й Калмыцкой кавдивизии [Широκлаг... 2000; Солдаты Победы 2015]. Как уже упоминалось выше, в составе национального соединения служила пятая часть (почти 20 %) от общего числа калмыков, числившихся в РККА в годы войны. Однако в Широκлаге оказалось только 260 бывших воинов 110-й Калмыцкой кд (8,07 %). Очевидно, что бóльшая часть воинов национального соединения либо погибла в боях, либо была демобилизована как инвалиды войны.

По национальности они почти все, разумеется, были калмыками, но каким-то образом среди них оказался один русский — старшина Ф.И. Горбунов. Поскольку он находился в Широκлаге до декабря 1944 г., то исключать эту персоналию из статических расчетов автор не стал.

По годам рождений 260 изучаемых персоналий распределились следующим образом (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение широκлаговцев — бывших воинов 110-й кд по годам рождения

1891 г. — 0	1901 г. — 1	1911 г. — 4	1921 г. — 14
1892 г. — 1	1902 г. — 2	1912 г. — 14	1922 г. — 25
1893 г. — 2	1903 г. — 5	1913 г. — 17	1923 г. — 15
1894 г. — 1	1904 г. — 7	1914 г. — 14	1924 г. — 9
1895 г. — 0	1905 г. — 9	1915 г. — 5	1925 г. — 26
1896 г. — 1	1906 г. — 9	1916 г. — 5	1926 г. — 0
1897 г. — 4	1907 г. — 12	1917 г. — 5	
1898 г. — 4	1908 г. — 8	1918 г. — 4	
1899 г. — 1	1909 г. — 7	1919 г. — 4	
1900 г. — 6	1910 г. — 14	1920 г. — 4	

Если построить на базе этой таблицы демографическую «кривую», то мы заметим заметный «прогиб» в 1915–1920 гг., которому трудно найти полностью логичное объяснение. Частично это можно объяснить тем, что бóльшая часть калмыков 1919–1921 гг. рождения была призвана

Очиров У.Б. Воины 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии в Широкалге: статистическое исследование

на военную службу до начала войны и потому не могла попасть на службу в соединение, сформированное в 1942 г.

Вполне логичен «пик» 1922–1923 гг. рождения, именно эти возрастные категории активно привлекались Калмыцким военкоматом при мобилизации в 110-ю кд зимой 1941–1942 гг. «Прогиб» 1924 г. рождения вызван тем, что в Калмыкии он больше частью был мобилизован летом 1942 г. и в 110-ю кд не попал. «Пик» 1925 г. рождения объясняется набором добровольцев в 110-ю кд осенью 1942 г., когда 16–17-летние юноши, хотя и не подлежали мобилизации, но по призыву начдива В.А. Хомутникова добровольно вступили в национальные части.

Распределение изучаемых персоналий по месту рождения приведено в табл. 2. С целью унификации информации административно-территориальное деление зафиксировано на 1917 г.

Таблица 2

Распределение ширококалговцев — бывших воинов 110-й кд по районам рождения в Калмыцкой степи

Название улуса	Количество людей
Большедербетовский	13
Манычский	24
Малодербетовский	34
Икицохуровский	10
Багацохуровский	20
Хошеутовский	15
Калмыцкий Базар	7
Яндыко-Мочажный	65
Эркетеневский	37

Еще 30 изучаемых персоналий являются уроженцами Области Войска Донского (в основном 13 калмыцких станиц Сальского округа), еще 3 — Астраханской губернии (по 1 чел. из Астраханского, Енотаевского и Черныярского уездов), по 1 — Ставропольской и Оренбургской губерний. Уроженец Оренбургской губернии Т.В. Кичиков являлся оренбургским калмыком-казакком. Распределение ширококалговцев — бывших воинов 110-й кд по месту рождения выглядит вполне логичным. Яндыко-Мочажный и Малодербетовский улусы относились к числу наиболее многочисленных в Калмыцкой степи. Преобладание Яндыко-Мочажного и Эркетеневского улусов объясняется еще и тем, что набор добровольцев осенью 1942 г. проходил большей частью на территории именно этих районов. Достаточно низкая численность представителей Большедербетовского и Манычского улусов вызвана тем, что зимой 1941–1942 гг. эти районы комплектовали в основном 111-ю Калмыцкую кд, а после ее

расформирования меньшая часть личного состава перешла в 110-ю кд. Осенью 1942 г., когда шел набор добровольцев, эти районы находились уже под немецкой оккупацией.

Что касается места призыва, то абсолютное большинство изучаемых персоналий было призвано из Калмыцкой АССР. Их распределение по районным военкоматам (далее — РВК) приведено в табл. 3. Поскольку в 5 улусах военкоматов не было, то сведения об их призывниках учтены в РВК, через которые они мобилизовались: Яшалтинского улуса — в показателях Западного РВК, Троицкого улуса — в показателях Приютненского РВК, Кетченеровского улуса — в показателях Сарпинского РВК, Юстинского улуса — в показателях Приволжского РВК, Улан-Хольского улуса — в показателях Лаганского РВК.

Таблица 3

Распределение ширококлаговцев — бывших воинов 110-й кд по районам призыва в Калмыцкой АССР

Название РВК	Количество людей
Западный (с Яшалтинским улусом)	25
Приютненский (с Троицким улусом)	16
Элистинский ГВК	15
Малодербетовский	15
Сарпинский (с Кетченеровским улусом)	14
Черноземельский	10
Приволжский (с Юстинским улусом)	45
Долбанский	42
Лаганский (с Улан-Хольским улусом)	56

Место призыва 10 изучаемых персоналий не известно. Еще 7 чел. были призваны Зимовниковским РВК Ростовской области (через который мобилизовались жители Калмыцкого района), по 1 — Ленинским РВК Сталинградской обл., Мартыновским РВК Ростовской обл., Тихорецким РВК Краснодарского края, Харабалинским РВК Астраханского округа.

Абсолютное большинство изучаемых персоналий были призваны в 1941–1942 гг. В справочнике «Широκлаг. Широκстрой» утверждается, что Д.Э. Адучиев был призван 19 февраля 1943 г. [Широκлаг... 2000: 14], но это, скорее всего, опечатка и речь идет о 1942 г. 12 чел. были призваны еще до начала войны: 1 — в 1937 г., 3 — в 1938 г., 5 — в 1939 г., 2 — в 1940 г., 1 — в мае 1941 г.

Среди изучаемых персоналий значительная часть военнослужащих была отмечена боевыми орденами и медалями, причем некоторые из них имели по две–три награды (а Т.Э.-Г. Натыров — даже четыре). Бывшие

Очиров У.Б. Воины 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии в Широклаге: статистическое исследование

воины 110-й кд, попавшие в Широклаг, были награждены¹: орденами Красного Знамени — 2 (халхинголец М.М. Калыков и бывший курсант Новочеркасского училища П.Т. Джалхаев), Отечественной войны 2-й степ. — 2 (еще 1 к этой награде представлялся), Славы 3-й степ. — 4, Красной Звезды — 9, медалями «За отвагу» — 33, «За боевые заслуги» — 27 (еще 1 представлялся). Гипотетически все воины 110-й кд были участниками Битвы за Кавказ и должны были быть награждены медалями «За оборону Кавказа». Но поскольку эта медаль была учреждена лишь 1 мая 1944 г., то ее успели получить пять бывших воинов калмыцкого соединения, оказавшихся в Широклаге позже остальных. Еще 3 бывших воина 110-й кд были отмечены медалью «За оборону Сталинграда», 1 — «За оборону Киева».

В Широклаг бывшие воины 110-й кд начали прибывать с марта 1944 г. В справочнике «Широклаг. Широкстрой» утверждается, что Ш.М. Налаев поступил в лагерь 26 февраля 1944 г. [Широклаг... 2000: 174], однако в его красноармейской книжке четко указано, что он до апреля 1944 г. служил в 33-м отд. учебном танковом полку. Большинство изучаемых персоналий в Широклаг поступили 28–31 марта 1944 г., причем в основном они прибывали из 4-го гв. кк. Оставшиеся персоналии поступали в течение весны 1944 г. Впрочем, единичные случаи прибытия в Широклаг бывших воинов 110-й кд имели место и в последующие месяцы: в июне 1944 г. — 3, в июле 1944 г. — 4, в сентябре 1944 г. — 2, в декабре 1944 г. — 1, в январе 1945 г. — 4, в марте 1945 г. — 4. Последним в Широклаг прибыл бывший воин 110-й кд и польский партизан Д.А. Какушкин (летом 1945 г.) [Солдаты Победы 2015: 127].

Следует заметить, что из 260 изучаемых персоналий — 200 поступили из 4-го гв. Кубанского кк, в том числе из 9-й гв. Кубанской кд — 21, из 10-й гв. Кубанской кд — 36, из 30-й кд — 91. Преобладание изучаемых персоналий в рядах 30-й кд вполне логично, именно в ее состав в сентябре 1942 г. было передано 1,5 тыс. бойцов 110-й кд. Кроме того, это соединение пополнялась из 110-й кд и в других случаях. Оставшиеся 60 изучаемых персоналий служили в различных воинских формированиях, среди которых выделяются 5-й гв. Донской кк (7 чел.) и 248-я стрелковая дивизия, сформированная на базе Астраханских военных училищ и воевавшая на территории Калмыкии (5 чел.).

Летом 1945 г. уцелевших широколаговцев стали демобилизовывать и направлять к семьям, в основном в места спецпоселений. Последние 4 изучаемые персоналии убыли из лагеря в сентябре 1945 г., уже после капитуляции Японии. Распределение изучаемых персоналий по месту убытия показано в табл. 4.

¹ Здесь указаны только боевые награды. Юбилейные награждения, в том числе орденом Отечественной войны в 1985 г., здесь не учитываются.

**Распределение широклаговцев — бывших воинов 110-й кд
по местам убытия на спецпоселение**

Регион спецпоселения	Количество людей
Красноярский край	74
Алтайский край	55
Новосибирская область	42
Омская область	34
Тюменская область	27
Казахстан	4
Киргизия	4
Всего	240

Еще 4 персоналии убыли в регионы, находящиеся за пределами районов депортации калмыков: Туркмения, Молотовская область, Челябинская область и даже Ставропольский край (с. Дивное). Судьба еще 7 изучаемых персоналий неизвестна, 6 — умерли в Широклаге, 3 — были арестованы (одного из них даже успели осудить).

Таковы результаты статистического анализа данных о бывших воинах 110-й Калмыцкой кд, попавших в Широклаг.

Источники

Мы — из высланных навечно. Воспоминания депортированных калмыков (1943–1957 гг.) / Сост. и ред. П.О. Годаев. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 464 с.

Полевые материалы автора. Информант Ш.М. Налаев, 1925 г. рождения, запись 2004 г. (г. Элиста).

Постановление ГКО № 894сс от 13 ноября 1941 г. О формировании национальных войсковых соединений [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: <http://www.soldat.ru/doc/gko/text/0894.html> (дата обращения: 19.02.2016 г.)].

Постановление ГКО № 2484с от 5 ноября 1942 г. О строительстве средних и малых гидростанций первой очереди на реках Урала [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/war/cards/374162/images> (дата обращения: 11.03.2019 г.)].

Солдаты Победы. Т. II. Поименный список воинов 110-й Отдельной Калмыцкой кавдивизии / Сост. П.Э. Алексеева, А.Т. Баянова, С.А. Заярный, Л.Ю. Ланцанова. Изд. 2-е, перераб. и доп. Элиста: КИГИ РАН, 2015. 373 с.

Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО).

Широклаг. Широκстрой: списки калмыков-военнослужащих рядового и сержантского состава, отозванных с фронтов в 1944–1945 гг. / сост. А.Б. Баирова, Т.Ч. Бембеева, С.Э. Лиджи-Горяева, Р.В. Неяченко. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2000 (Книга памяти ссылки калмыцкого народа. Т. 3. Кн. 1). 294 с.

Широковский ИТЛ. Справка общества «Мемориал» [Электронный ресурс: Режим доступа: <http://old.memo.ru/history/nkvd/gulag/> (дата обращения: 01.02.2019 г.)].

Очиров У.Б. Воины 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии в Широкаге: статистическое исследование

Широкстрой: Широкага: Сб. воспоминаний воинов-калмыков, участников строительства Широковской ГЭС / сост. и вступ. ст. Р.В. Неяченко. Элиста: Джангар, 1994 (Книга памяти ссылки калмыцкого народа. Т. 3. Кн. 2). 190 с.

Литература

В годы суровых испытаний: боевой путь 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии / авт.: А. И. Заднепрук, А. С. Заярный, М. И. Гучинов, Н. У. Илишкин, М. Т. Бимбаев. 3-е изд., испр. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. 335 с.

Гидроэнергетика в Великой Отечественной войне. Урал [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: <http://blog.rushydro.ru/?p=228> (дата обращения: 15.03.2019 г.)].

Заярный, Очиров 2017а — *Заярный С.А., Очиров У.Б.* 110-я Отдельная Калмыцкая кавалерийская дивизия на защите донских переправ и ее роль в спасении части войск Южного фронта летом 1942 г. // Вестник КИГИ РАН. 2017. № 6. С. 43–61.

Заярный, Очиров 2017б — *Заярный С.А., Очиров У.Б.* Дивизия «Великая Германия» против 110-й Калмыцкой кавдивизии // *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2017. № 2. С. 38–68.

Заярный, Очиров 2018а — *Заярный С.А., Очиров У.Б.* 292-й кавалерийский полк в боях на майкопском направлении в августе 1942 г. // *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2018. № 1. С. 111–137.

Заярный, Очиров 2018б — *Заярный С.А., Очиров У.Б.* Боевые действия 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии в ногайских степях в сентябре 1942 г. // Международная научно-практическая конференция, посвященная 80-летию Чеченского госуниверситета «Кавказский мир: проблемы образования, языка, литературы, истории и религии» (Грозный, 25–26 сентября 2018 г.). Махачкала: Алеф, 2018. С. 163–172.

Заярный, Очиров 2018в — *Заярный С.А., Очиров У.Б.* Отход ядра 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии от Маныча к Тереку в августе 1942 г. // *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2018. № 2. С. 99–132.

Максимов К.Н. Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. М.: Наука, 2010. 406 с.

Очиров У.Б. База данных калмыков — кавалеров ордена Славы: опыт составления и статистический анализ // *Русская старина*. 2016. № 3(19). С. 218–239.

Очиров У.Б. Формирование 110-й и 111-й Калмыцких кавалерийских дивизий в 1941–1942 годах: трудности и итоги // *Новый исторический вестник*. 2017. № 4 (54). С. 55–70.

Очиров У.Б. Жители Калмыкии — кавалеры «полководческих» орденов // *Oriental Studies*. 2018. № 5. С. 27–47.

ДИСКРЕДИТАЦИЯ 110-Й ОККД — ОДНА ИЗ ПОПЫТОК ОПРАВДАНИЯ РЕПРЕССИЙ

Хомутников Хонгор Петрович ¹

¹ член Союза журналистов Российской Федерации и совета Союза ветеранов органов безопасности по Республике Калмыкия

Аннотация. Статья посвящена 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии — национальному соединению, сформированному в годы Великой Отечественной войны и большей частью укомплектованного калмыками. В период с июля 1942 г. по февраль 1943 г. 110-я кавдивизия прошла тяжелый боевой путь от Дона до гор Кавказа и обратно, доблестно сражаясь, освободив от оккупантов более сотни населенных пунктов. Автор подчеркивает, что решение о расформировании 110-й кавдивизии произошло ввиду утраты ее калмыцкого национального состава, чего могло не быть, если бы в сентябре 1942 г. из ее состава не передали в другую дивизию почти 1,5 тыс. ветеранов. В декабре 1943 г. калмыцкий народ был выслан в Сибирь, а калмыки-фронтовики (в том числе бывшие воины 110-й кавдивизии) сосланы в Широкаг. По мнению автора, для оправдания этих несправедливых репрессий и были придуманы мифы и фальсификации о том, что якобы 110-я кавдивизия «*проявила неустойчивость*». К числу создателей этих фальсификаций, по мнению автора, относится и И.А. Серов. В статье вводятся в научный оборот неизвестные ранее источники личного происхождения, хранившиеся ранее в семейном архиве и бывшие недоступными для широких масс.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, депортации, Широкаг, 110-я Калмыцкая кавалерийская дивизия, исторические мифы.

110-я Отдельная Калмыцкая кавалерийская дивизия (далее — ОККД) являлась национальным соединением, которое к началу было полностью укомплектовано и имело отборный личный состав [Очиров 2017: 65–66]. Перед началом боев в нем числилось 4 642 человека (в том числе 63–64 % калмыков). В своем докладе № 238 от 26 декабря 1942 г. руководству республики начдив 110-й ОККД В.А. Хомутников отметил, что «*в боях на Дону: убито — 600 человек, ранено — 700, попало в плен — около 100 человек, пропало без вести — более 100 человек и больше половины боевой техники*» [Калмыкия... 2005: 291]. Однако в сложной, критической обстановке эта дивизия не дала себя окружить и сохранила себя как боевую национальную воинскую часть, доблестно сражаясь с врагом, показала пример служения воинскому долгу и дала возможность отдельным соединениям Красной армии отойти на Кавказ и к

Хомутников Х.П. Дискредитация 110-й ОККД — одна из попыток оправдания репрессий

Сталинграду [Заярный, Очиров 2017а; 2017б]. Между тем все познается в сравнении. Так, *«накануне Сталинградской битвы были исключены из состава Красной Армии, как не сохранившие командование, штабы, основные кадры и тылы, 6 дивизий: 162-я, 199-я, 227-я, 242-я, 297-я и 301-я стрелковые дивизии»* [Иванкин 1993: 290].

Более 60 воинов 110-й кавдивизии, особо отличившихся в оборонительных боях на Дону и Маныче, представили к государственным наградам, из них 20 бойцов и командиров были ранее награждены орденами и медалями Советского Союза. Командир 110-й ОККД полковник В.П. Панин перед своим убитием на другую должность заполнил наградной лист на своего заместителя полковника В.А. Хомутникова, которого представил к ордену Ленина. Однако это представление, поддержанное командующим Северной Группы войск Закавказского фронта генерал-лейтенантом И.И. Масленниковым, не было реализовано. Судьба многих представлений, к сожалению, пока неизвестна. Так, например, орден Красного Знамени, которым был награжден С.М. Сармуткин за храбрость и мужество во время боев на Дону, спустя 20 лет после его кончины был вручен его внучке Е.В. Сармуткиной в декабре 2006 г. в Москве. 16 ноября 1942 г. начдивом В.А. Хомутниковым был подписан наградной лист для представления к званию Героя Советского Союза сержанта Э. Деликова [ОБД «Подвиг народа»].

Награждение бойцов и командиров после боев на Дону и Маныче свидетельствовало о высокой оценке боевых действий дивизии. В процессе изнурительных оборонительных боев *«в годину суровых неудач ордена и медали вручали очень скупно. Это можно проиллюстрировать примером: за всю Сталинградскую битву, продолжавшуюся 200 суток, в которой участвовали миллионы советских солдат и офицеров, выявлено лишь 127 военнослужащих, удостоенных звания Героя Советского Союза, тогда как лишь за несколько дней наступления при форсировании Днепра Героями Советского Союза стали около трех тысяч человек»* [Иванкин 1993: 217].

После кровопролитных боев на Дону и Маныче 110-я ОККД понесла значительные людские потери. Мало того в сентябре 1942 г., согласно решению командования Закавказского фронта, калмыцкое соединение передало 30-й Краснознаменной кавдивизии 800 чел. рядового состава, 300 чел. младшего начальствующего состава и 300 чел. среднего и старшего состава, всего более 1 300 человек, которые воевали со дня формирования родной калмыцкой дивизии [Калмыкия... 2005: 292].

Взамен переданных в 30-ю кавдивизию бойцов решением Закавказского фронта в калмыцкую дивизию прибыли полк из Закавказья под командованием майора Нижерадзе, который стал 273-м полком (273-й полк ранее назывался «Сарпинским»), и полк капитана Степанова. Также в соединение направили мобилизованных призывников из Калмыкии

и Кизлярского округа, а также нескольких выпускников офицеров-калмыков из Новочеркасского кавалерийского училища [Очиров 2010: 190]. В архивных делах дивизии хранится письмо полковника Хомутникова тогдашнему секретарю Орджоникидзевского (ныне Ставропольского края) ВКП(б) М.А. Сулову (впоследствии члену Политбюро ЦК КПСС) о дезертирстве в октябре 1942 г. до 50 призывников из Кизлярского округа. За счет прибытия нового контингента в дивизии стали воевать представители более 22 национальностей.

10 октября 1942 г. на совместном заседании Совнаркома Калмыцкой АССР и бюро Обкома ВКП(б) в г. Астрахани было принято постановление о мобилизации граждан призывного возраста. Кроме того, «Совнарком республики и обком ВКП(б) обратились к члену Политбюро ЦК ВКП(б) А.И. Микояну с просьбой разрешить мобилизацию 1000 рыбаков, находящихся на рыбных промыслах республики по брони, для укомплектования дивизии» [В годы... 2003: 160]. 10 октября 1942 г. в своем докладе командир 110-й кавдивизии полковник В.А. Хомутников командующему 44-й армии написал: «Мною был поставлен перед генералом Герасименко вопрос об отправке в 110-ю ОККД граждан Калмыцкой АССР, находящихся в других частях, но в этом командующий категорически отказал» [В боях за Северный Кавказ 1973: 111–112].

После этих решений вышестоящего командования дивизия лишилась своего основного ядра из воинов калмыцкой национальности. Впоследствии в числе веских причин расформирования дивизии на пике ее наступательных боев был признан факт, что в ее составе служат всего лишь 11 % воинов-калмыков. Можно предположить, если бы полнокровная калмыцкая дивизия продолжила свой славный боевой путь, возможно, и не было репрессивных мер в отношении калмыцкого народа, лишившегося своей национальной гордости — 110-й кавдивизии.

Есть известное выражение: «У истории нет сослагательного наклонения». Однако ученые-историки в своих исследованиях нередко, опираясь на документальные источники, оценивают те или иные события прошлого с совершенно иных позиций, что очень важно для исторической правды. Каждое поколение по-новому осмысливает историю. Забегая вперед, приведу пример. Многие годы в г. Буденновске, даже вопреки тому, что его посещали ветераны 110-й ОККД в конце 1960-х — в начале 1970-х гг., считалось, что этот город освобождали партизаны. К сожалению, такое же мнение укоренилось и в других городах и населенных пунктах Ставрополя, которые освобождала 110-я кавдивизия. В настоящее время руководство и общественность г. Буденновска решили следовать исторической правде и отдать дань памяти тем, кто участвовал в освобождении их города от фашистов. 12 января 2019 г. в Буденновске впервые торжественно отметили День освобождения города 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизией. В этом случае, очевидно, уже не скажешь, что у истории нет сослагательного наклонения.

Хомутников Х.П. Дискредитация 110-й ОККД — одна из попыток оправдания репрессий

В период войны начальник отдела по борьбе с бандитизмом НКВД СССР А. Леонтьев от 30 августа 1944 г. на имя своего руководства, ничем не обосновав, написал: «*в районе Ростова-на-Дону 110-я Калмыцкая национальная дивизия проявила неустойчивость*» [цит. по Максимов 2015: 179]. Сфабрикованный доклад в недрах НКВД СССР был подготовлен в период, когда была ликвидирована Калмыцкая АССР, а калмыцкий народ депортирован в Сибирь. Вопреки неопровержимому факту массового героизма, проявленного воинами 110-й ОККД на Дону и Маньчже и битвах за Северный Кавказ, присвоения посмертного звания Героя Советского Союза единственному на всем многокилометровом донском рубеже сержанту Э. Деликову, появилась необходимость компрометации национальной воинской части. Вероятно, по замыслу руководства НКВД СССР, это хоть как-то оправдывало репрессивные действия Сталина и его ближайшего окружения по выселению калмыцкого народа в Сибирь и восточные районы страны. Следует особо подчеркнуть, что в Указе Президиума Верховного совета СССР от 27 декабря 1943 г. «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области» 110-я ОККД не упоминается.

Члены высшего руководства страны и те, кто визировал и подписывал этот зловеющий Указ, вероятно, полагали, что калмыцкий народ выслан навечно, и постановляющая его часть будет иметь силу навеки. Так, очевидно, считали и те, кто организовывал и создавал Широковский исправительный лагерь НКВД СССР с целью отправки туда воевавших на фронтах воинов-калмыков, по сути дела, на вымирание. Во исполнение Указа Президиума Верховного Совета СССР о ликвидации Калмыцкой АССР и высылке калмыков распоряжением начальника Управления Генерального штаба Красной Армии генерала Смородинова от 8 января 1944 г. были отозваны с фронтов все военнослужащие калмыцкой национальности рядового, сержантского и офицерского составов якобы для комплектования воинской части из числа калмыков. Среди них было немало награжденных боевыми орденами и медалями, в том числе коммунистов и комсомольцев. Многие военнослужащие считали, что они будут служить во вновь формируемой калмыцкой воинской части вместо расформированной 110-й ОККД. Офицеров-фронтовиков направили в военные округа Урала, Сибири, Средней Азии. Рядовой и сержантский состав отправили в Молотовскую область (ныне Пермский край), на строительство Широковской ГЭС, где они стали, по сути, узниками Широклага.

Один из руководителей НКВД — МВД СССР Иван Серов в своей пресловутой книге «Записки из чемодана» также выразил свое негативное суждение о 110-й кавдивизии. Публикатор этих «Записок», депутат Государственной Думы РФ А. Хинштейн в своих комментариях к книге, к сожалению, автоматически встроился в логику И. Серова, которо-

му, конечно, необходимо было оправдать свои злодейские действия по выселению калмыков. Думается, что А. Хинштейн изменил бы смысл своих комментариев, если бы подробно ознакомился с достоверными фактами о боевых действиях калмыцкой дивизии и не написал бы, что «... в дивизии, действительно, имело место массовое дезертирство. Оказавшиеся на захваченной немцами территории Калмыкии дезертиры нередко вступали в создаваемые Вермахтом калмыцкие эскадроны» [Серов 2016: 187].

Содержание книги И. Серова вызвало немало негативных суждений в СМИ, в том числе электронных, особенно со стороны представителей репрессированных народов. Министр культуры РФ В. Мединский по поводу этой книги написал: «У кого-то могут возникнуть сомнения: могли человек, облеченный властью, писать правду, ведь мемуары и дневники — вещь «скользящая», порой они становятся средством сведения счетов и самореабилитации» [Ужин... 2016].

Недавно в личном архиве И.Е. Намсинова — бывшего председателя Верховного совета Калмыцкой АССР удалось найти материалы переписки бывшего начальника политотдела 110-й ОККД А.И. Заднепрука с первым секретарем Калмыцкого обкома КПСС Б.Б. Городовиковым и бывшим членом Военного совета 24-й армии К.С. Грушевым. Предыстория этой переписки была такова. А.И. Заднепрук, работая в архиве Министерства обороны в 1970-х гг., обнаружил доклад старшего офицера Генштаба РККА при штабе 37-й армии майора Д. Лебедева с ложной информацией и субъективными трактовками о боевых действиях 110-й ОККД, которая в 1942 г. входила в состав 37-й и 51-й армий.

Считая, что доклад майора Лебедева может нанести вред исторической правде, А.И. Заднепрук 16 мая 1977 г. написал аргументированное заявление со ссылками на документы из фонда 37-й и 51-й армий на имя начальника Военно-научного управления Генерального штаба Министерства обороны СССР генерал-лейтенанта М.А. Гареева и первого секретаря Калмыцкого обкома КПСС Б.Б. Городовикова. В своем заявлении А.И. Заднепрук попросил приложить его материал к докладу Д.Лебедева в целях восстановления справедливости и исключения возможного использования дезориентирующей информации в архиве Министерства обороны. А.И. Заднепрук отметил, что майор Д.Лебедев тенденциозно подчеркнул, что «личный состав 110-й ОККД по национальности калмыки». «Что он этим хотел сказать?» — совершенно справедливо спрашивает А.И. Заднепрук. И отвечает: «110 ОККД была многонациональным формированием, в дивизии вначале воевали представители 15 национальностей и большинство из 56 командиров и политработников были русские, украинцы и представители других национальностей» [ЛИАА: Заявление].

Хомутников Х.П. Дискредитация 110-й ОККД — одна из попыток оправдания репрессий

В порядке отступления сошлюсь на некоторые подробности из переписок Б.Б. Городовикова и А.И. Заднепрука. В одном из писем Басан Бадминович Городовиков посоветовал Заднепруку обратиться к начальнику политуправления Краснознаменного Московского военного округа генерал-полковнику К.С. Грушевому по поводу необъективного доклада майора Д. Лебедева. А.И. Заднепрук отправил письмо К.С. Грушевому, в котором написал: *«Майора Д. Лебедева в период боев на Дону в частях и в управлении 110-й ОККД не было. Но в его материале о 37-й Армии он написал небольшой раздел о боевых действиях 110-й ОККД. В этом материале Д. Лебедева о 110-й кавдивизии сплошная ложь и необъективность. Мне, как бывшему начальнику политотдела 110-й ОККД, ветерану минувшей войны, весьма было больно, тяжело и печально, когда в архиве МО СССР я прочитал необъективный ложный материал майора Д. Лебедева, в котором он стремится показать боевые действия 110-й ОККД только с отрицательной стороны и в черном цвете. А вывод: по архивным боевым и оперативным документам, по политдонесениям, а также живые участники боев на Дону лета 1942 года, ветераны 110-й ОККД, подтверждают, что поставленная боевая задача перед дивизией была ими выполнена с честью и достоинством»* [ЛАА: Письмо А.И. Заднепрука].

20 июля 1978 г. К.С. Грушевой ответил А.И. Заднепруку: *«В своем письме вы вспоминаете 1942 год. Да, этот год для нас, воинов Южного фронта, тяжелый. Я, как Член Военного Совета 24-й Армии, хорошо помню, что в районе Манычского канала командующему армией генерал-майору Марцинкевичу и мне представлялся командир 110-й ОККД товарищ Хомутников и комиссар дивизии, фамилию которого я, к сожалению, не помню.*

При формировании Северной группы войск Закавказского фронта я был членом Военного Совета и хорошо помню, что в состав групп входила 110-я ОККД, которая вела боевые действия на правом фланге нашего фронта. Рад, что Вам удалось восстановить доброе имя бойцов и офицеров 110-й ОККД» [ЛАА: Письмо К.С. Грушевого].

А.И. Заднепрук в письме от 28 сентября 1978 г. сообщил Б.Б. Городовикову, что получил ответ от К.С. Грушевого, а также выразил благодарность Басану Бадминовичу за его желание *«установить в столице трижды орденоносной Советской Калмыкии групповой памятник воинам 110-й ОККД, а также присвоить строящемуся ипподрому имя калмыцкой дивизии»* [ЛАА: Письмо А.И. Заднепрука от 28 сентября 1978 г.].

Оборонительные бои 110-й ОККД на Дону и Маныче показали, что во время боевых действий дивизия была в подчинении двух фронтов: Южного и Северо-Кавказского. 110-я кавдивизия с 23 июля 1942 г., согласно приказу 37-й армии Южного фронта, находилась в ее составе, тогда как приказ об исключении из состава 51-й армии Северо-Кавказ-

ского фронта был издан лишь 31 июля 1942 г. Таким образом, в течение семи суток в период самых ожесточенных боев дивизия подчинялась двум фронтам и двум армиям. Этот факт подтверждается результатами новых исследований по истории боев 110-й ОККД на Дону С.А. Заярный: «...Приказом штаба Северо-Кавказского фронта с 24.00 22 июля 110-я кавдивизия переходит в состав Южного фронта, однако акт на передачу оформляется только 31 июля, то есть весь период оборонительных боев 110-й кавдивизии на рубеже р. Дон она подчинялась двум армиям, но ни одна из них не считала дивизию своей, и в боевых приказах на оборону и оперативных сводках о 110-й кавдивизии не упоминалось» [Заярный 2016].

Судя по авторитетным историческим источникам, ни у командований указанных фронтов, ни у Генерального штаба Красной Армии не было после летних донских и осенне-зимних сражений негативного мнения о 110-й ОККД. Это подтверждает еще один важный факт, приведенный К.Н. Максимовым: «Однажды ночью Ф. Е. Боков, — пишет С. М. Штеменко, — вызвал меня к себе и приказал доложить соображения относительно создания на Северном Кавказе конной армии. — Интересноется Сталин, — добавил он. Предложение о преобразовании 4-го гвардейского кавкорпуса в конную армию исходило от командующего Закавказским фронтом И.В. Тюленева. Организационно объединить в ней предполагалось семь кавалерийских дивизий: 9-ю и 10-ю Кубанские гвардейские, 11-ю и 12-ю Донские гвардейские, 30-ю, 63-ю и 110-ю. Сталин отнесся к этому с повышенным вниманием. — А и в самом деле, не создать ли нам конармию? — спросил он Бокова и тут же приказал проанализировать вопрос в Генштабе... Все это было взвешено при рассмотрении вопроса о создании конной армии. И в конце концов Генеральный штаб дал на сей счет отрицательное заключение, полагая, что эта громоздкая организация будет чрезвычайно уязвима с воздуха и не оправдает возлагаемых на нее надежд. Верховный Главнокомандующий с нашими соображениями согласился... Как видим, нигде в указанных весьма авторитетных источниках, авторы которых были непосредственными руководителями и участниками боевых сражений на Дону летом 1942 г., а также владели ситуацией на фронтах, в каждой армии, дивизии, не говорится о «проявлении неустойчивости» 110-й кавалерийской дивизии» [Максимов 2015: 179–180].

Действительно, если бы у руководства Генерального штаба были бы малейшие сомнения в «устойчивости» 110-й ОККД, она не была бы включена для рассмотрения в состав предполагаемой конной армии. Информирование Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина о создании конной армии из семи кавдивизий с включением в ее состав 110-й ОККД свидетельствует о полном доверии к дивизии со стороны руководства Закавказского фронта и Генерального штаба Красной Армии.

Хомутников Х.П. Дискредитация 110-й ОККД — одна из попыток оправдания репрессий

«Идея создания конармии и включение в нее 110-ю ОККД подтверждается и документальными материалами фонда 43 Центрального архива Министерства обороны РФ. К этому следует добавить, что тактика оборонительных боев 273-го полка (командир — майор К.Я. Наумецкий) 110-й ОККД летом на Дону в районе Раздорской и Мелиховской вошла в «Сборник тактических примеров боевых действий кавалерийского полка по опыту Великой Отечественной войны (1941 — 1945 гг.)» в качестве классического примера ведения боевых действий кавалерийским полком в обороне в годы Великой Отечественной войны» [Максимов 2015: 180]. Кстати говоря, сборник Министерства обороны СССР был издан в тот период, когда калмыки находились в депортации.

В своей статье «Вновь открывая историю 110-й ОККД» С.А. Заярный, занимающийся историей 110-й ОККД, подчеркнул: *«Педантичные немцы из дивизии «Великая Германия», подводя итоги боев на левом берегу Дона, написали, что перед дивизией наблюдались части 24-й армии с остатками 74-й, 102-й и 275-й стрелковых дивизий и части 37-й армии с остатками 230-й и 295-й стрелковых дивизий отступающего Южного фронта и находящаяся в обороне на южном берегу реки Дон 51-я армия с 110-й ОККД и 156-й стрелковой дивизией. В обороне установлены, в основном, подразделения 110-й кавдивизии, которые в борьбе с пехотной дивизией «Великая Германия» по меньшей мере, в течение 60 часов показали упорство» [Заярный 2016].*

Следует отметить, что дважды Герой Советского Союза маршал А.А. Гречко в книге «Битва за Кавказ» [Гречко 1971: 105, 174, 188, 423 и др.], а также крупные советские военачальники Герои Советского Союза генералы армии И.В. Тюленев, И.Г. Павловский в предисловии к книге «В годы суровых испытаний: боевой путь 110-й ОККД» [В годы... 1976; 2003] положительно охарактеризовали Калмыцкую кавалерийскую дивизию, отметив стойкость и упорство ее бойцов и командиров в боевых действиях на Дону. Эти оценки известных авторитетных военачальников Советской армии, прекрасно осведомленных о боевых действиях 110-й кавдивизии, в противовес измышлениям достаточно объективно отражают боевой путь дивизии и те задачи, которые успешно решали ее бойцы и командиры в ходе оборонительных сражений на Дону, Маныче и наступательных боях.

После расформирования дивизии в начале 1943 г. около тысячи бойцов и командиров калмыков стали воевать в составе 4-го Кубанского, 5-го Донского гв. кавалерийских корпусов и других воинских соединений. Многие из них погибли на полях сражений. Около трехсот бывших воинов-калмыков 110-й ОККД, которые отважно сражались в ожесточенных боях на Дону и Маныче, затем освобождавшие более 120 городов и населенных пунктов в Дагестане, Ставрополье, Калмыкии, Ростовской области, воевавшие в наступательных боях в других воинских частях,

были сняты с фронтов и отправлены в Широковский исправительно-трудовой лагерь НКВД СССР. Это были закаленные в боях воины, удостоенные многими боевыми орденами и медалями.

В нынешнее время проводится определенная работа по увековечению памяти бойцов и командиров 110-й ОККД и воинов-узников Широкага. В июле 2017 г. Народный Хурал (Парламент) Республики Калмыкия принял постановление: ежегодно 13 ноября отмечать День памяти воинов 110-й Калмыцкой кавдивизии. В рамках подготовки к празднованию Великой Победы в 2020 г. необходимо внести в республиканскую комиссию конкретные предложения от представителей широкой общественности по увековечению памяти 110-й ОККД как в республике, так и в других регионах, населенных пунктах и городах, которые она освобождала. Такую же работу надо провести в отношении узников Широкага.

Однако в некоторых изданиях, в том числе энциклопедического характера, к сожалению, публикуются материалы с грубыми искажениями исторической действительности, что приводит людей к заблуждению. История не должна быть удобной почвой для разного рода спекуляций, создания национальных и антинациональных мифов и домыслов, которые способны ранить и оскорбить моральные чувства и ценности людей. Это может послужить поводом для новых раздоров и гражданских распрей. Мы все живем в одной многонациональной стране, России, которую называем Родиной, и должны заботиться о ее целостности и дальнейшем демократическом развитии общества.

Источники

В боях за Северный Кавказ: воспоминания воинов 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии / сост. и науч. ред. М.Л. Кичиков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1973. 124 с.

Гречко А.А. Битва за Кавказ. М.: Воениздат, 1971.

Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: документы и материалы / сост.: М.Л. Кичиков, Б.С. Санджиев, Ю.О. Оглаев. 3-е изд., перераб. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2005. 784 с.

Личный архив автора (ЛАА): Заявление А.И. Заднепрука М.А. Гарееву и Б.Б. Городовикову.

ЛАА: Письмо К.С. Грушевого А.И. Заднепруку.

ЛАА: Письма А.И. Заднепрука К.С. Грушевому.

ОБД «Подвиг народа» [Электронный ресурс: Режим доступа: <http://rodvignaroda.mil.ru/> (дата обращения: 21.02.2019 г.)].

Серов И.А. Записки из чемодана: тайные дневники первого председателя КГБ, найденные через 25 лет после его смерти / [под ред., с коммент. и примеч. Александра Хинштейна]. М.: Просвещение, 2016. 702 с.

Ужин со Сталиным. Отрывки из тайного дневника первого председателя КГБ Ивана Серова // Российская газета – Неделя. 2016. № 119 [Электронный ресурс: Режим доступа: <https://rg.ru/2016/06/01/rg-opublikovala-otryvki-iz-tajnogo-dnevnika-pervogo-predsedatelia-kgb.html> (дата обращения: 21.03.2019 г.)].

**Хомутников Х.П. Дискредитация 110-й ОККД —
одна из попыток оправдания репрессий**

Литература

В годы суровых испытаний: боевой путь 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии / авт. А.И. Заднепрук, А.С. Заярный, М.И. Гучинов, Н.У. Илишкин, М.Т. Бимбаев. Элиста: Калм. кн. изд-во 1976. 239 с.

В годы суровых испытаний: боевой путь 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии / авт.: А.И. Заднепрук, А.С. Заярный, М.И. Гучинов, Н.У. Илишкин, М.Т. Бимбаев. 3-е изд., испр. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. 335 с.

Заярный С.А. Вновь открывая историю 110-й ОККД // Калмыкия сегодня. 2016. 19 ноября.

Заярный, Очиров 2017а — *Заярный С.А., Очиров У.Б.* 110-я Отдельная Калмыцкая кавалерийская дивизия на защите донских переправ и ее роль в спасении части войск Южного фронта летом 1942 г. // Вестник КИГИ РАН. 2017. № 6. С. 43–61.

Заярный, Очиров 2017б — *Заярный С.А., Очиров У.Б.* Дивизия «Великая Германия» против 110-й Калмыцкой кавдивизии // Magna adsurgit: historia studiorum. 2017. № 2. С. 38–68.

Иванкин А. Ристалище: роман-хроника // Память Сталинграда: антология художественных произведений о Сталинградской битве: в 3 т. Т. 1. 2-е изд., с изм. Волгоград: Управление печати и информации, 1993. С. 6–339.

Максимов К.Н. Калмыкия и калмыки на защите Отечества (первая половина XX века). Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2015. 348 с.

Очиров У.Б. Вклад калмыцкого народа в Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Вклад репрессированных народов СССР в Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Монография. Т. I. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2010. С. 173–264.

Очиров У.Б. Формирование 110-й и 111-й Калмыцких кавалерийских дивизий в 1941–1942 годах: трудности и итоги // Новый исторический вестник. 2017. № 4 (54). С. 55–70.

ТЕМА ПАМЯТИ В ДЕПОРТАЦИОННОМ ТВОРЧЕСТВЕ НАРОДНОГО ХУДОЖНИКА РСФСР Г.О. РОКЧИНСКОГО (1944–1947)*

Батырева Светлана Гарриевна¹

¹ доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра РАН (г. Элиста).

E-mail: sargerel@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена теме Памяти в депортационном творчестве народного художника РСФСР Г.О. Рокчинского (1923–1993). В годы Великой Отечественной войны он был военнотружущим Красной армии и подвергся ссылке в Широклаг по этническому признаку, как калмык. В творчестве художника этого периода (1944–1947 гг.) значительное место занимают графические образы калмыков-фронтовиков, в том числе находившихся в Широклаге.

Исследование, строящееся на описании и анализе малоизвестных в калмыцком изобразительном искусстве портретов, характеризует людей того времени — драматического периода в жизни калмыцкого народа. Произведения художника, рассмотренные в исследовании, выступают наглядным свидетельством стремления калмыков-красноармейцев, подвергшихся унижениям и страданиям в эпоху сталинских репрессий, зафиксировать в памяти потомков достойный образ фронтовика.

Ключевые слова: изобразительное искусство, историческая память, депортация, Широклаг, портретный образ, калмыцкий народ.

Прошло уже четверть века, как ушел из жизни народный художник РСФСР Г.О. Рокчинский (1923–1993), являвшийся патриархом современного изобразительного искусства Калмыкии. Казалось бы, его творчество уже давно должно быть изучено и раскрыто специалистами, но на самом деле, даже спустя десятилетия после смерти мастера мы находим неизвестные ранее его работы, которые позволяют по-новому взглянуть на развитие таланта художника. К числу наименее известных следует отнести ранние работы Г.О. Рокчинского, который стал рисовать, еще будучи школьником, и продолжил свое творчество в период

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

войны и первые годы депортации. Однако профессиональное образование юный гений получил лишь в 1950-е гг., окончив Алма-Атинское театрально-художественное училище имени Н.В. Гоголя, находясь с семьей в депортации.

Свидетельством раннего творчества юного Гари Рокчинского стала фотография, хранящаяся в Российского государственном архиве литературы и искусства (далее — РГАЛИ). Г.В. Нурова в своей работе, посвященной 90-летию патриарха, подчеркивает, что его творчество начиналось «с детских рисунков маленького Гари, с его неуемной тяги к карандашу и краскам. Это было до войны, в 30-х годах XX века, когда государство жило новыми идеями, строилась новая жизнь в стране Советов и строилась калмыцкая республика, строилась Элиста.

В Элисте этого времени бывали журналисты из Москвы, они приезжали в командировку, делали репортажи и уезжали обратно домой, увозя воспоминания о загадочном степном народе и его новой жизни. Отголосом эпохи довоенного строительства столицы республики стала фотография (1937) мальчика Гари, рисующего А.С. Пушкина. Человеком, сделавшим снимок, был Аркадий Васильевич Шишкин (1899–1985) — фотокорреспондент журнала «Крестьянка». Оригинал и негатив снимка хранятся в Российском государственном архиве литературы и искусства — РГАЛИ. Его название «Фотография Гари Рокчинского с нарисованными им портретами А.С. Пушкина». На обороте фотографии надпись (возможно, рукой фотографа): «Образцовая школа 10-летка в г. Элиста Калмыцкой АССР. Рокчинский Гаря к Пушкинским дням нарисовал портрет Пушкина — взрослого, в детстве, в саду, в Крыму и другие» [Нурова 2014: 86–87]. Уникальное фото из фондов РГАЛИ мы приводим в статье [РГАЛИ. Ф. 617. Оп. 1. Д. 223. Л. 8–8а].

Оценивая период творческого становления художника, Г.В. Нурова пишет: «Небольшая, но ценная для нас находка из фондов РГАЛИ дает возможность увидеть патриарха калмыцкой живописи, большого мастера в самом начале его пути, когда сохранялось еще ядро традиционной культуры народа. Не была до конца перерезана пуповина, связывающая народ с истоками» [Нурова 2014: 88].

Действительно, романтизм творчества Гари Рокчинского идет из его детства, из «генетической памяти предков» и в итоге дарует «мужество

быть самим собой» [Батырева 2004: 31], оставив след не только в искусстве, но и в сердцах поколения современников. *«Нетронутым, строгим и прекрасным запомнился мир калмыцкой культуры юному художнику, наполняя силой его самобытное творчество, питая его на многие долгие годы вперед»* [Нурова 2014: 88].

Особым периодом, преддверием большого творчества стали драматические годы истории калмыцкого народа в период сталинских репрессий и геноцида. Это время становления творческой личности, чьи произведения позже стали классикой изобразительного искусства Калмыкии 2-й пол. XX в. До сих пор, время от времени, обнаруживаются неизвестные ранее портреты калмыков-фронтовиков, созданные им в 1940-х гг.

После окончания школы юный Г.О. Рокчинский поступил на учебу в Астраханской речной техникум. С началом войны в 1941 г. он был призван в ряды Красной армии и направлен в Батайскую военную авиационную школу имени А.К. Серова. Затем молодой курсант служил в авиационной школе первоначального обучения, но в начале 1944 г. вместе со своим народом был подвергнут репрессиям по национальному признаку и сослан в Широковский исправительно-трудовой лагерь НКВД (Широклаг). Вместе со всеми ссыльными калмыками-военнослужащими Рокчинский испытал все тяготы и страдания безвинно осужденных на каторжные работы Широкага. Тем не менее, молодой мастер портретной графики находил время для того, чтобы запечатлеть для потомков образы своих сослуживцев и соратников по несчастью. Эти образы до сих пор хранятся в семьях как реликвии военного времени. Презентация этих произведений большей частью имеет спонтанный характер. Их обнаружение, как правило, не сопровождалось целенаправленными поисками и происходило случайно, время от времени проявляясь в воспоминаниях немногочисленных современников тех событий, а чаще всего в свидетельствах их потомков, подтверждаемых оригиналами произведений из семейных архивов.

Таков портрет молодого военного в форме старшего сержанта времен Великой Отечественной войны Алексея Даржиновича Емченова (1911–1947), впоследствии гвардии старшего лейтенанта и замполита. Согласно атрибуции, произведенной по заявке родственников, погрудное изображение дано в $\frac{3}{4}$ повороте справа налево в вертикальном формате графического листа. Открытое с короткой прической темных волос лицо молодого калмыка: немного скуластое с улыбающимися светлыми глазами, волевым подбородком, прямым носом и полуулыбкой на твердо очерченных губах. Он одет в китель со стоячим воротничком на шее, застегнутым на пуговицы. На плечах погоны с застежкой и лычками старшего сержанта. Справа на груди 3 планки за ранения и перевязь планшета, одетого на правое плечо и разделяющего нагрудные карманы. Предполагаемый возраст изображенного — 30–35 лет. Фон портрета

затемнен растушевкой, условность его подчеркнута зигзагообразным штрихом, протянутым от слова «ПАМЯТЬ» сверху и очерчивающим погрудное изображение снизу размашистой надписью «С УРАЛА». Размер рисунка: 18,5 x 14,8 см. Датируется он, судя по пометке в левом нижнем углу, 15 августа 1944 г. Место создания — Широклаг.

История другого рисунка была рассказана Б.Э. Убушиевой, кандидатом филологических наук, старшим преподавателем кафедры калмыцкого языка и монголоведения КалмГУ на конференции «Творчество Г.О. Рокчинского и актуальные проблемы национального изобразительного искусства» в 2013 г. В семье фронтовика, депутата областного совета трудящихся Калмыцкой автономной области в 1957–1959 гг. Э.Н. Убушиева (1919–1988) бережно хранится портрет молодого калмыка в военной форме. Долгое время рисунок находился в семейном архиве и историю его происхождения знали немногие: сам автор — Гарри Олегович Рокчинский (1923–1993), тот, кто изображен на портрете, — Эренджен Нохашкиевич Убушиев, его супруга Убушиева Байн Оконовна (1920–2011) и сын Николай, которым было адресовано письмо с портретом военного времени.

В советское время мало кто интересовался устными рассказами и свидетельствами времен репрессий, военного лихолетья, депортации... Когда дети стали изучать архив отца после его смерти, то обнаружили «много документов не только личного характера, но и важных для изучения истории калмыков 1930-х–1960-х годов прошлого столетия. Э.Н. Убушиев был образованным человеком, слыл хорошим рассказчиком и знатоком народных традиций, калмыцкого фольклора... Убушиев Эренджен Нохашкиевич, 1919 года рождения, рядовой 112 Армейского Запасного стрелкового полка Карельского фронта, с 24 июня 1941 по 15 ноября 1944 года входившего в состав Действующей армии, в 1944 году вместе с другими калмыками-фронтовиками оказался в Широклаге. По понятным причинам он не рассказывал детям о причине депортирования в Широклаг, об унижениях и тяготах лагерной жизни» [Убушиева 2014: 109].

В 1970-е гг., расспрашивая детей-студентов о жизни Калмыцкого университета, о калмыцких писателях, художниках, ученых, многих из которых он знал лично (Д.А. Павлова, А.Ш. Кичикова, И.М. Мацакова и др.), а с некоторыми вел переписку (А.И. Сусеевым, М.Б. Нармаевым), он справился о здоровье Г.О. Рокчинского, поинтересовался, чем тот занимается, встречается ли со студентами. Вспоминая о нем, Э.Н. Убушиев восхищенно говорил о его таланте и способности творить даже в лагерных условиях, когда они работали до изнеможения и жили впроголодь. Рассказал, что он всячески старался поддержать молодого художника-земляка: как делились по-товарищески последним куском хлеба, вспоминали родное кочевье Шорвин кец, тайком и урывками делились знаниями о героическом прошлом ойрат-калмыков. Как-то во время такой беседы Г.О. Рокчинский написал его портрет [Убушиева 2014: 109].

Для воссоздания более полной картины истории этого рисунка Б.Э. Убушиева привела воспоминания матери Байн Оконовны Убушиевой: *«В 1944 году, находясь в Сибири (Алтайский край, Сростинский район, племсовхоз «Катунь»), я получила письмо от мужа с карандашным портретом. На нем было написано «Мише от папы 28.7.44», а в углу подпись «Гарри». Эренджен Нохаикиевич не знал, что сына, родившегося уже после его ареста в 1939 году по наговору, назвали Николаем»*. Байн Оконовна вынесла все тяготы трагических событий высылки калмыков в Сибирь с малым ребенком на руках, без мужа, одна. *«... маленького мальчика Николая все звали Миколкой, поэтому на рисунке значится надпись «Мише от папы». Известие о рождении у него сына придавало бойцу силы преодолеть, казалось бы, невыносимые условия»* [Убушиева 2014: 109].

Б.Э. Убушиева отмечает: *«На рисунке, сделанном карандашом, мы видим не униженного лагерного «зэка», а портрет молодого военного, полного отваги и достоинства, непоколебимого желания победить, который твердо верит в торжество справедливости. Как истинный художник молодой Гарри Рокчинский в образе солдата Красной Армии Эренджена Убушиева показал достойного представителя своего народа, который на протяжении многих лет неоднократно подтверждал истинное служение России... В 1944 году Эренджену Убушиеву было всего 25 лет. Но с портрета на нас смотрит зрелый, выдавший виды взрослый человек, во взгляде которого читается многое. Напряженность в крепко сжатых губах, большие, широко открытые глаза с пристальным выражением, словно человек пытается осмыслить и понять происходящее с ним и его народом. Только большой художник, сам испытавший многое в жизни, способен в карандашном наброске, сделанном в короткие минуты отдыха, запечатлеть... страницу не только истории одной семьи, но и целого поколения... пожелтевший со временем рисунок на тетрадном листке... бережно хранится уже много лет*

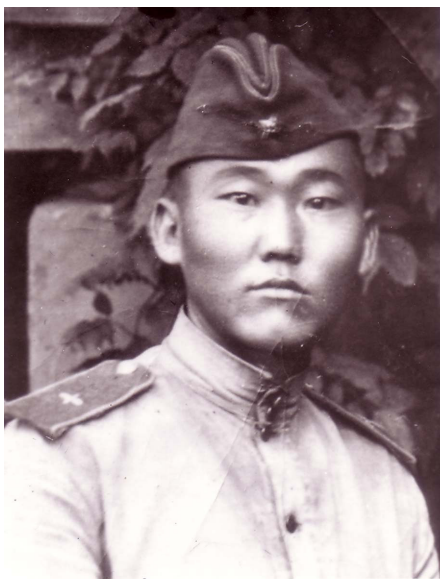
в семье Убушиевых... незабываемую память об их отце, деде, прадеде... всем последующим поколениям большого рода Тугтн шебенеров Дунд Хурула. Не зная автора портрета, ...Убушиева Байн Оконовна на протяжении всей долгой жизни, дарованной ей (прожила 92 года, родила и вырастила с мужем десятерых детей, увидела счастливую жизнь 25 внуков и 26 правнуков), адресовала ему благопожелания и молитвы... На память об этом нелегком времени остался его портрет. Хранимый как семейная реликвия, он перешел в руки детей его старшего сына Николая Эрендженевича Убушиева» [Убушиева 2014: 110–111].

К произведениям депортационного периода в творчестве известного калмыцкого художника относится и портрет Софьи Николаевны Онджиновой, сделанный в Широклаге в 1944 г. В сообщении сотрудника Национального музея Республики Калмыкия имени Н.Н. Пальмова И.А. Каруевой, сделанном на конференции, посвященной 90-летию Народного художника РСФСР, находим еще одно свидетельство о его творчестве того периода: *«его имя тесно связано со становлением национальной живописной школы. Работы художника узнаваемы и любимы.... судьба его тесно переплетена с судьбой народа, с которым разделил он трагическую участь депортации, испытал искреннюю радость Победы в Великой Отечественной войне.*

Г.О. Рокчинский — участник Великой Отечественной войны. С первых дней войны курсант авиационной школы имени А.К. Серова мечтает стать летчиком. В 1944 году его мечта осуществилась — он, летчик-истребитель, готов сражаться с фашистскими «мессерами» в воздушных боях... Но пришла беда, и мечты о небе пришлось похоронить в Кунгуре Молотовской области, в котловане Широковской ГЭС...

Г.О. Рокчинский вместе с другими курсантами, рядовыми и сержантами, калмыками по национальности (их было около 4 тысяч), оказался в исправительно-трудовом лагере НКВД, или просто, в Широклаге... из воспоминаний других узников Широклага мы знаем: Работа на строительстве плотины была адская. С 6 часов утра до 6 вечера нужно было возить бетон на одноколенной тачке по 300-метровому бетонному трапу, установленному под углом 45°. С полной тачкой — вниз, а затем медленно вверх. При скудном питании такая работа была просто невыносима» [Каруева 2014: 209–210].

И.А. Каруева в своей работе вспоминала, как во время подготовки выставки к юбилею Г.О. Рокчинского *«обнаружили его фотографию, датированную 1944 годом. На обратной стороне фото надпись: «Широклаг»... молодой художник снят в солдатской гимнастике и пилотке. Делаем вывод: фото относится к начальному периоду пребывания в Широклаге, так как сначала все работали в солдатском обмундировании. Со временем, когда солдатское обмундирование изнашивалось, всем выдавали лагерную форму: фуфайку, шапку, брюки, а вместо обу-*

ви — чуни. Тогда уже бывшие защитники Родины мало были похожи на солдат.

Фотография, отметим, уникальная, даже не была известна членам его семьи. По всей вероятности, у него она просто не сохранилась. Совсем недавно, комплектуя материалы по Широкому, мы получили экспонат, значимость которого трудно переоценить. Это карандашный рисунок небольшого размера с изображением симпатичной девушки-калмычки в военной форме. В нижней части рисунка имя автора: Гарри...

Неизвестный никому рисунок периода Великой Отечественной войны хранился все это время в семейном архиве хозяйки портрета. На портрете изображена она, Софья Николаевна Онджинова, 1924 года рождения, уроженка поселка Башанта. В 1943 году она закончила среднюю школу и сразу же подала заявление в военкомат с просьбой отправить ее на фронт. В начале июля 1943 года ее вызвали в военкомат. Вместе с другими девушками Соня попала служить под Сталинград, где стоял 27-й отдельный дивизион аэростатного заграждения. После учебы, во время которой были изучены самолеты, аэростаты — все, что относилось к противовоздушной обороне, ее направили в Архангельскую область.

В справке Центрального архива Министерства Обороны СССР записано, что в соответствии с приказом № 166 1568 зенитно-артиллерийского полка "Онджинова С.Н. зачислена в списки части прибывших бойцов из 27 ОДАЗ для дальнейшего прохождения службы". Воевала Софья Николаевна самоотверженно,

будучи дисциплинированным и смелым солдатом. За мужество и отвагу ее наградили орденом Отечественной войны II степени, медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» [Каруева 2014: 210–211].

Приказом № 54 от 1 марта 1944 г. Софья Николаевна Онджинова была исключена из списков части и снята со всех видов довольствия. Так «зенитчица С.Н. Онджинова попала в Широлаг, где кроме нее было еще 12 женщин-калмычек. Начались бесконечные «трудовые будни» в прачечной, за день прачка должна была выстирать вручную 75 пар белья, в лазарете, в доме командира Рябова в качестве няньки грудного ребенка. Здесь же в Широлаге она подружилась с молодым художником Г. Рокчинским. В свободное время они беседовали о литературе, искусстве. Именно здесь, в Широлаге был сделан этот рисунок, который 66 лет вместе с фотографией Г. Рокчинского бережно хранился в архиве Софьи Николаевны среди военных документов...

Уже нет в живых ни автора рисунка, ни его владельца, а рисунок сохранился, и еще многие поколения наших соотечественников взгрустнут, глядя на эти открытые, прекрасные лица молодых людей, чья юность совпала с героической и трагической вехой в истории народа» [Каруева 2014: 210–211].

Бесценный памятный подарок музею был преподнесен дочерью С.Н. Онджиновой — Людмилой Борисовной Ургадуловой. Оскорбленные незаконными обвинениями и наказанные каторжной работой, калмыки-фронтовики, несмотря на бесчеловечные условия, жили с уважением и заботой друг о друге, выжили, сохранив веру в добро и справедливость.

Г.О. Рокчинский продолжал свою творческую деятельность и после Широлага. Например, его перу принадлежит живописный портрет супругов Башанкаевых, написанный маслом на холсте, наклеенным на деревянную основу и покрытым лаком. Размер 28,5 x 46 x 1,3 см. Датировка — 1947 год. Место создания: с. Казанка Андреевского района Новосибирской области.

Парный портрет несет фронтальное погрудное изображение молодой супружеской четы Елизаветы Мутуловны и Нармы Аджаяевича Башанкаевых. В горизонтально вытянутой композиции слева изображена круглолицая женщина-калмычка с темной косой, обвитой вокруг головы, и открытым выражением лица. Она одета в светлую блузку, завязанную синим в крапинку бантом, и коричневый костюм с буфообразными рукавом и широкими лацканами. В ушах женщины отсвечивающие серебряным бликом серьги. Справа (плечом за ней) — молодой большеглазый мужчина с правильными чертами лица и волнистыми каштановыми волосами в военной форме лейтенанта Советской армии. На его груди две медали: «За победу над Германией» и «За доблестный труд

в Великой Отечественной войне». Фоном служит зеленая листва, «размытая» в исполнении к краям живописного произведения. Клейма, печати, марки отсутствуют. В правом нижнем углу на лицевой стороне имеется авторская подпись «Гарри. 1947», сделанная вдавливанием по сырому красочному слою (видна фактура холста). Сохранность удовлетворительная. Лаковый слой живописи разделен трещиной, проходящей из правого угла к середине нижнего края произведения. При этом видно, что деревянная основа живописи на холсте была покрыта более поздним по времени плотным слоем лака. Края серого холста, натянутого на доску, подклеены на обороте, имеют загрязнения. В верхней части по центру в доске было сделано отверстие для подвешивания, оформленное металлической накладкой. По всей поверхности наблюдаются клеевые пятна на оборотной стороне, неразборчивая надпись карандашом, состоящая из цифр.

Подводя итоги доклада, отметим, что произведения Г.О. Рокчинского начального депортационного периода относятся к культурному наследию, имеющему не только семейную, но и большую историческую значимость. Оставленные на память о тяжких днях моральных и физических испытаний графические и живописные образы его современников, исполненные с уважением автора к каждой личности, тяжело пострадавшей, но не сломленной, сохранившей достоинство и надежду на торжество справедливости. Произведения несут светлую ауру Памяти, проне-

сенную калмыцким народом через года тяжелых испытаний. Изучение раннего творчества Г.О. Рокчинского дарует новые открытия в истории изобразительного искусства калмыцкого народа.

Источник

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 617. Оп. 1. Ед. хр. 223. Л. 8–8а. А.В. Шишкин. Фотография Гари Рокчинского с нарисованными им портретами А.С. Пушкина [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: <https://rgali.ru/obj/14900165.html>. (дата обращения: 15.04.2019 г.)].

Литература

Батырева С.Г. Образная память предков. Элиста: АПП «Джангар», 2004. 108 с.

Каруева И.А. Фотография на память // Материалы Межрегиональной научно-практической конференции «Творчество Г.О. Рокчинского и актуальные проблемы национального изобразительного искусства (Элиста, 24 октября 2013 г.). Элиста: Национальный музей РК имени Н.Н. Пальмова, 2014. С. 209–211.

Нурова Г.В. О фотографии Гая Рокчинского из фондов РГАЛИ // Материалы Межрегиональной научно-практической конференции «Творчество Г.О. Рокчинского и актуальные проблемы национального изобразительного искусства (Элиста, 24 октября 2013 г.). Элиста: Национальный музей РК имени Н.Н. Пальмова, 2014. С. 85–88.

Убушьева Б.Э. История одного рисунка // Материалы Межрегиональной научно-практической конференции «Творчество Г.О. Рокчинского и актуальные проблемы национального изобразительного искусства (Элиста, 24 октября 2013 г.). Элиста: Национальный музей РК имени Н.Н. Пальмова, 2014. С. 108–111.

СУДЬБА ШИРОКЛАГОВЦА СУМЬЯНА БАКАЕВА

Топалова Делгир Юрьевна¹

¹ кандидат филологических наук, научный сотрудник Научной библиотеки и архива им. П.Э. Алексеевой Калмыцкого научного центра РАН (г. Элиста).

E-mail: delya.top@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена описанию биографии Сумьяна Дорджиевича Бакаева, которому за сравнительно недолгий срок пришлось выдержать большие испытания. Молодой учитель, выросший в семье известного общественного деятеля, в 20 лет был призван в армию и больше не смог увидеть своей родины. Он участвовал в «финской» войне, вводе советских войск в Прибалтику. В Великой Отечественной войне прошагал с боями тысячи верст от Бреста до Ельца и обратно до Орла. При этом служил в одной и той же части — 17-м артиллерийском полку, который неоднократно передавался из одной дивизии в другую. Старший сержант Бакаев был командиром отделения разведки, постоянно рисковал жизнью на переднем крае, был награжден боевой наградой. Однако в начале 1944 г. его сняли с фронта по национальному признаку и направили в Широлаг. Многие его сородичи умерли там от непосильных условий труда, холода и дистрофии. Сумьян Бакаев выжил, был «актирован» и отправлен на спецпоселение. Он смог наконец жениться на своей невесте, ждавшей его 6 лет, создать новую семью. К сожалению, незадолго до возрождения Калмыкии Сумьян Бакаев умер. Однако его потомки бережно хранят память о солдате двух войн и узнике Широлага.

Ключевые слова: депортация, калмыцкий народ, Великая Отечественная война, Широлаг, Красная армия.

Старая, несколько поблекшая от времени фотография, на которой изображен совсем еще молодой паренек в военной форме. Открытое, светлое лицо с красивыми, тонкими и правильными чертами. Добрый и в то же время серьезный взгляд. Сколько же пришлось пережить и пройти этому еще безусому юнцу в своем нелегком жизненном пути, сколько горя и страданий пришлось вынести его родным, любимой жене, детям, оставшимся без отца... Советско-финская война (1939–1940), Великая Отечественная (1941–1945), Широковский исправительно-трудовой лагерь НКВД (1944–1945). Одолев все эти круги ада, он не утратил веру в победу и в свою родину, сохранив силу духа. Родиной, которую он

защищал, были для него его родные — родители, братья и сестры, оставшиеся в Калмбазаре, и его девушка, Э.У. Лавгаева, впоследствии ставшая его женой. В тот период главным для него было не посрамить свою честь и честь своего народа.

Это очерк о моем деде — Сумьяне Бакаеве. К сожалению, я никогда не видела его и знаю только по рассказам родных. В книге «Моя жизнь, моя судьба» М.К. Убушиева пишет, что Сумьян *«был выше среднего роста, коренастый, с красивыми правильными чертами лица и светлой кожей. Очень спокойный и уравновешенный»* [Убушиева 2013: 31]. Он родился в 1917 г. в п. Калмыцкий базар, находящимся сегодня, как известно, за пределами республики, в многодетной семье Дорджи Бакаевича Бакаева. Всего в ней было четыре сына и две сестры: Сара, Сумьян, Бембет, Намру, Петр и Эльза. Фронтowymi дорогами в семье прошли двое: Сумьян и Бембет Бакаевы.

С детства дети, как и в других калмыцких семьях, приучались к труду. Сумьян с восьми лет много времени проводил с отцом и младшими братьями на Волге, ловил рыбу. Отдавая много времени для помощи старшим, дети хорошо учились, что помогло впоследствии всем получить хорошее образование — в этом большая заслуга отца, весьма образованного деятеля досоветской и советской Калмыкии, работавшего в Астраханской губернской канцелярии, затем в системе кооперации, а в 1920-х гг. возглавлявшего Калмырбтрест. Так шли годы, Сумьян рос, учился, отличался, как и все остальные дети, прилежностью, тягой к знаниям.

К 1938 г. старшая сестра в семье Бакаевых, Сара Дорджиевна (покалмыцки Сарнг), закончив Астраханский учительский институт, уже всю жизнь учительствовала в школе Калмбазара. К слову, учительницей она начала работать в 17 лет, в 16 лет активно участвовала в ликвидации безграмотности в Калмыкии. Тянулся к этой профессии и Сумьян. Закончив ветеринарный техникум, два года он работал учителем в хотоне Ниицян Лаганского улуса.

4 октября 1939 г. Сумьяна Бакаева в возрасте 22 лет призвали в ряды Красной армии и направили на фронт войны с «белофиннами». Азы военного дела деду пришлось постигать прямо на фронте. Молодой калмык получил назначение в 42-ю мотострелковую дивизию, которая была сформирована в январе 1940 г. в Териоки. Уже через несколько недель вновь сформированное соединение бросили в бой на Карельский перешеек прорывать «линию Маннергейма». Для Сумьяна Бакаева советско-финская война стала прощанием с мирной жизнью ровно на 6 лет.

После окончания войны 42-я дивизия, уже преобразованная в обычную стрелковую, в составе 8-й армии была переброшена в Эстонию, только что присоединенную к СССР. К тому времени Сумьян Бакаев служил в 17-м гаубичном артиллерийском полку. Уже в июле 1940 г.

соединение перешло на территорию Белоруссии, в город Берёза-Картузская. Этот населенный пункт находился примерно в 80 км от Бреста. Именно в этом городе и застало моего деда 22 июня 1941 г., когда он готовился к демобилизации и возвращению домой.

Брат Сумьяна — Бембет Дорджиевич Бакаев позже так вспоминал об этих днях: *«...Начало июня 1941-го. Отец получает письмо от Сумьяна: «Осталось несколько дней, скоро домой, ждите!». И мы все стали готовиться к его приезду, известили всех родных и знакомых, ведь войны, прошедшие финскую войну, считались в народе героями... От знакомого степняка отец привез живого валуха, а накануне 22 июня Бембет с отцом пошли на охоту к озеру Шикрта Нур и набили уток, наловили рыбы. 22 июня мы возвратились в поселок Калмыцкий Базар, а он, обычно шумливый, замер. С соседнего двора выбежал Лиджи-Гаря Бадмаев, студент Калмпедтехникума, и крикнул: «Дядя Дорджи, скорей идите на площадь, там митинг. Война. Германия напала на нас».*

Бодрый и веселый еще утром, отец стал каким-то отрешенным от всего, повторяя одно и то же: «Под кустом лежит мой сын, не смогу ему помочь». Утром мать посоветовала отвезти назад валуха. У калмыков сильно развито понятие «седжг» — примета. «Раз наш сын не прибудет домой, то грех забивать валуха, предназначенного ему», — твердо настояла на своем мать. Может поэтому Сумьян и я вернулись с фронта», — так вспоминал Бембет Дорджиевич.

42-я дивизия оказалась на острие удара одной из «панцер»-армاد «Барбароссы» — 2-й танковой группы Х. Гудериана. Некоторые части не смогли выйти из Брестской крепости и были уничтожены. Как впоследствии рассказывал родным сам дед, тогда, в июне 1941 г., под Брестом, весь их полк погиб почти целиком, сражаясь до последнего снаряда. Об этом в книге «Из истории нашей семьи: факты и размышления...», а также в статье «Братья», опубликованной в газете «Известия Калмыкии» в 2000 г., писал младший брат Сумьяна — Петр Дорджиевич Бакаев. *«Только через три месяца мы получили от Сумьяна солдатскую открытку, в которой он писал, что находится в Смоленской области на переформировании, их часть получила новые орудия, и обязательно наши побьют врага»* [Бакаев 2002: 92].

В ноябре 1941 г. 17-й артиллерийский полк был передан в состав 137-й стрелковой дивизии, пережившей к тому времени уже три окружения. В начале декабря 1941 г. это соединение вместе с другими перешло в наступление и было остановлено немцами только под Мценском. Вот как о подвигах Сумьяна Бакаева писалось в наградном листе 1943 г.: *«Работая командиром отделения разведки, находясь на фронте борьбы с немецкими фашистами с 22 июня 1941 г., товарищ Бакаев показал образец мужества, отваги и умения.*

В период Зимнего наступления 1941–1942 гг. товарищ Бакаев все время находился в боевых порядках стрелковых подразделений и когда были выведены из строя командиры 7 и 8-й рот 771 сп, он поднял роты и повел их в атаку; в результате чего была занята деревня Богоробск Орловской области» [ОБД «Подвиг народа»].

Храбрый разведчик многократно отличился и в последующих боях, вплоть до операции «Кутузов» на Орловской дуге летом 1943 г.: «Зимой 1942–1943 гг. товарищ Бакаев тщательно вел разведку. В районе деревни Смирное Орловской области он обнаружил 6 пулеметных точек, 1 минометную и 1 артиллерийскую батарею противников.

В районе боев за деревню Никитовка Курской области 15–16 июля 1943 г. он засек 2 реактивных миномета противника, 7 пулеметных точек.

В районе деревни Васильевка Орловской области 22 июля 1943 г. товарищ Бакаев держал связь с командирами батальона и находился в пехоте. Вместе со стрелковыми подразделениями форсировал реки Неручь и в числе первых ворвался в деревню.

В районе деревни Реутово Орловской области 28 июля 1943 г. получил задачу от командира дивизиона — выявить точное расположение минбатарей противника. С этой целью он выдвинулся вперед наступающих пехотных подразделений и установил точное месторасположение минометных батарей противника и вернулся в дивизион. Огнем нашей артиллерии минометная батарея противника была подавлена» [ОБД «Подвиг народа»].

В разгар боев за Орел командир 17-го артиллерийского полка подполковник Савченко представил командира отделения разведки старшего сержанта Бакаева к ордену Красной Звезды. 8 августа 1943 г. вышестоящий начальник — командующий артиллерией 137-й стрелковой дивизии подполковник Яворский поддержал это представление, но 15 августа начдив-137 полковник Алферов приказом № 042/н «понизил» награду до медали «За отвагу». Однако эту награду Сумьян Дорджиевич так и не получил.

Последнее фронтовое письмо, датированное 2 декабря 1943 г., семья Бакаевых получила перед самым выселением калмыков. Вот что писал Сумьян: «Добрый день, дорогой и любимый папа. Спешу передать всем вам боевой привет с далекого белорусского фронта. Фронтовая жизнь моя проходит по-прежнему хорошо, а здоровье крепкое. Все время продвигаемся — на запад. Враг спешно уходит. Письма ваши получаю аккуратно. Пока, до свидания. Желаю успеха всем и крепкого здоровья. Крепко целую, Сумьян. Привет всем. Полевая почта 010698» [Бакаев 2002: 92–93].

Строки этого коротенького письма выстраданы временем. Здесь нет подробного описания тяжелейших боев, сложных маневров и других

подробностей, будоражащих воображение. Это письмо простого воина, одного из миллионов, но этим оно ценно. В нем словно бьется живое сердце солдата. Оно любило, страдало, переживало за судьбу всей страны, за своих родных и близких людей. Фронтовик, которого ежедневно поджидала смерть, находил душевные силы для того, чтобы морально поддержать, подбодрить своих родных, самоотверженно трудившихся в тылу.

В начале 1944 г. Сумьяна Бакаева — коммуниста, участника прорыва «линии Маннергейма», Приграничных сражений, Битвы за Москву, операции «Кутузов» сняли с передовой и, невзирая на ратные заслуги перед Родиной, которую он защищал, не щадя ни здоровья, ни сил, отправили на пересыльный пункт станцию Губаха Молотовской области. А оттуда 20 мая 1944 г. он прибыл в Широковский исправительно-трудовой лагерь НКВД СССР, где ему вручили арестантскую одежду, лопату, тачку, кирку и кайло — вот те орудия труда, которыми все до одного заключенные овладели в совершенстве. Овладел ими и Сумьян. Вот так просто решалась в те страшные годы судьба человека...

По подсчетам профессора К.Н. Максимова всего в 1944 г. было снято с фронта 4 150 калмыков, из которых 3 443 отправили в Широлаг. Среди заключенных были награжденные орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны, Славы, Красной Звезды, медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги», участники Сталинградской битвы, обороны Севастополя, Ленинграда и Кавказа, и т.д. [Максимов 2010: 345, 349]. Был среди них и Сумьян Бакаев, который, как и все остальные калмыки-фронтовики рядового и сержантского состава, оказался на положении спецпереселенца с клеймом предателя, потому что он калмык. Как же такое могло случиться? Почему такая чудовищная несправедливость? И за что такое унижение? Может быть, за то, что, не думая о себе, находясь под постоянными обстрелами, разрывами бомб и снарядов, они уничтожали фашистов и громили вермахт, приближая тем самым победу нашей страны, защитив ее от уничтожения Гитлером? За все заслуги и «преданность делу партии Ленина-Сталина и Социалистической Родины», как значится в наградном листе Бакаева? Так сказать, в «поощрение» и «благодарность»? Бывших фронтовиков отправили умирать за колючую проволоку, сделав бесправной, рабской силой. Больно и обидно за своего деда, за весь свой калмыцкий народ, за унижения и несправедливость...

Место строительства Широковской ГЭС Молотовской (ныне Пермской) области, на реке Косьва, берущей начало с Уральских гор и впадающей в Каму, было самым настоящим концлагерем. Туда бросили людей, абсолютно не подготовив места для проживания: обветшалые холодные деревянные бараки с нарами и множеством клопов. Теперь вчерашние защитники Отечества работали до изнеможения, до непомерной усталости в лагере, как закоренелые преступники-уголовники. Го-

лодные, полуодетые, больные они выполняли совершенно непосильные нормы земляных работ, так как техника отсутствовала вовсе. Все это хорошо описано в книге «Широкстрой–Широклаг: сборнике воспоминаний воинов-калмыков, участников строительства Широковской ГЭС» [Широкстрой 1994].

Люди умирали массово от непосильного труда, постоянного недоедания, невыносимого лагерного быта, холода. Снятые с фронта страдали так, что не подобрать слов, не измерить никакой мерой, выпавшие на их долю страдания. И только возникает один вопрос: откуда же могла взяться энергия и силы у людей, которые стали скелетами, обтянутыми кожей? Только это тогда никто не брал в расчет.

Мой дед, Сумьян Бакаев, стойко выдержал и это нечеловеческое испытание, выпавшее на его долю. Больной, изможденный, совершенно обессиленный от голода, холода и непосильного труда, он был «актирован» 18 мая 1945 г. Другими словами «был списан», как уже непригодный для работы. Его отправили на спецпоселение в Емельяновский район Красноярского края. Несмотря на то, что дома его с огромным нетерпением ждали мать, отец, братья и сестры, дед не поехал сразу к своей семье.

Он прямиком поехал к Эльзе, моей будущей бабушке, с которой они переписывались 6 лет. В то время она работала на стекольном заводе. Начиная с 1939 г., Эльза преданно ждала его две войны, радуясь каждой его весточке. Ведь это была единственная возможность узнать, здоров ли он, жив ли. Шесть долгих, мучительных лет разлуки, но именно это ощущение, что она его ждет, помогало Сумьяну в самые трудные моменты. Война не отняла у них желание продолжать жить и любить. О мечтах и надеждах на то, что все наладится, а жизнь вновь войдет в привычное русло, они писали в письмах, поддерживая друг друга в то тяжелое время. Эта история любви, требующая, наверное, отдельного разговора, пережила все невзгоды и расстояния. Они сумели пронести свое чувство через годы и, встретившись в 1945 г., конечно, сразу же поженились. Вскоре, один за другим появились дети: два сына и две дочери: Занда, Володя, Деся и Петр.

После известного указа 1948 г. пленум Красноярского крайкома КПСС вынес решение о том, чтобы не допускать спецпереселенцев к «работе на идеологическом фронте», в том числе и к учительскому труду. Фронтовику, участнику двух войн пришлось сменить профессию учителя и пойти в тайгу на лесоповал. Первое время Сумьян Бакаев работал в отделении Мужичкино Дрокинского совхоза, где заведовал складом. Полуголодные, стоя по колено в ледяной воде, калмыки сплавляли лес вниз по реке, ловили рыбу. Там же некоторое время трудилась и его жена Эльза, учитель русского языка и литературы.

Широклаг, где дед после двух войн подорвал свое здоровье, многолетнее положение спецпоселенца, тяжелая работа на лесоповале, все это неминуемо сказалось. Сумьян Бакаев тяжело заболел и умер 6 января 1956 г. в возрасте 39 лет. Он ушел, так и не успев толком осуществить свои планы, не увидев своих внуков и правнуков, не увидев снова своей Родины...

М.К. Убушиева вспоминает, что Сумьян даже в ту пору, в последние годы его жизни, когда болел, *«проявлял большую выдержку: никогда не жаловался, ни о чем не просил... При выписке из онкологического диспансера я просила его зайти к нам домой, но он отказался, сказав, что хочет скорее попасть домой к детям, и уехал на автобусе к себе в совхоз. Больше я его не видела»* [Убушиева 2013: 32]. Эта встреча была последней в их жизни... Сумьян очень любил своих детей, свою семью и в душе, конечно, понимал, что ему осталось совсем недолго. Поэтому так спешил, чтобы побыть с ними подольше, осознавал, что расстанется с семьей навсегда, наказывал жене беречь себя и детей. Старшей дочери было семь лет, а младшему сыну исполнился только год...

Молодая красивая женщина, рано овдовев (ей было тогда 35 лет), осталась с четырьмя детьми на руках. С дедом они успели прожить лишь недолгих 11 лет. Много лишений и трудов выпало на ее долю, но она выполнила его наказ, и ее материнская заслуга огромна. Об ее удивительно сильном характере можно много говорить, но скажу лишь о том, что, потеряв мужа, она одна воспитала и вырастила четверых детей, подняла их на ноги, дала всем образование, воспитала достойными людьми. Эльза проявила себя и на трудовом поприще, всегда была в передовиках. Помимо работы на стекольном заводе и лесоповале, работала учительницей сначала в Емельяновском районе Красноярского края, после в п. Аксингер в Казахстане, а затем в с. Чкаловский Кетченеровского района. Многолетняя добросовестная работа Э.У. Лавгаевой отмечена званиями «Ветеран труда», «Отличник народного просвещения», она также была награждена медалью «За трудовую доблесть», орденами, Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР и др. Она была Учителем с большой буквы. Многие ученики и коллеги долгие годы с большой любовью и теплотой писали ей письма, поздравляли со всеми праздниками. Всех и всегда она вспоминала только добрым словом.

Я горжусь своим дедом, который прожил очень короткую, но сложную жизнь, полную страданий и горя. В сердце Сумьяна, как и в душе всего калмыцкого народа, не приумножилось ненависти и злобы. Он много выстрадал, но выстоял, не сломался, достойно выдержав все испытания, выпавшие на его долю. Таков был его характер, особый внутренний «стержень», не позволил ему «сломаться». Этот духовный «стержень» был в характере и других людей того поколения, прошедшего горнило войны и депортацию. Думая об этом и переживая в душе, понимаешь,

что поколение наших стариков, сумевших выстоять и победить в Великой Отечественной войне, как на фронте, так и в тылу, действительно незаменимо. Они знали истинную цену куску хлеба, рисковали здоровьем и собственной жизнью ради благополучия потомков.

Источники

ОБД «Подвиг народа».

Широкстрой: Широклаг: Сб. воспоминаний воинов-калмыков, участников строительства Широковской ГЭС / сост. и вступ. ст. Р.В. Неяченко. Элиста: Джангар, 1994 (Книга памяти ссылки калмыцкого народа. Т. 3. Кн. 2). 190 с.

Литература

Бакаев П.Д. Из истории нашей семьи: факты и размышления. Элиста: АПП Джангар. 2002. 162 с.

Максимов К.Н. Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. Изд. 2-е, доп. и испр. М.: Наука, 2010. 406 с.

Убушиева М.К. Моя жизнь, моя судьба. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2013. 88 с.

**Археология
волго-маньчских степей**

НАЗВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ (по картографическим данным XX в.)*

Кекеев Эрдни Анатольевич¹

¹ научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии
Калмыцкого научного центра РАН (г. Элиста).

E-mail: kekeev.kekeev@yandex.ru

Аннотация. Целью данного исследования является выявление названий и месторасположения археологических объектов на картах Калмыкии XX в. Основными источниками стали карты РККА довоенного периода (1925–1941 гг.) и карты периода позднего СССР (1970–1980 гг.), которые неоднократно обновлялись в 1990–2000 гг. На этих картах было выявлено 77 и 65 объектов (курганы и/или курганные группы, имеющие собственное название) соответственно, которые, скорее всего, являются объектами археологического наследия. 23 объекта отмечены на картах обоих периодов: в 13 случаях название приведено без изменений, в 7 — с небольшим искажением, в 3 — изменилось полностью. Сравнение названий и месторасположения объектов, расположенных на вышеуказанных картах, а также картах 1877 г., 1882 г., позволило выявить 182 объекта, из которых только 65 отмечены на современных картах. Подробный список выявленных объектов с названиями и точными координатами послужит важным источником необходимой информации при проведении сплошного обследования территории Республики Калмыкия и работе по выявлению, описанию, постановке на учет археологических памятников.

Ключевые слова: археологический памятник, картографирование, курган, карты СССР, карты РККА.

Одним из первых этапов в изучении любого объекта археологического наследия является его описание. Оно включает ряд позиций, в частности, географическое положение, привязку к ближайшим населенным пунктам и/или водоемам, современному административному делению субъектов Российской Федерации и т. д. Всем изучаемым объектам в начале археологических работ присваивается название, которое войдет в паспорт памятника, в отчет и, возможно, в дальнейшие публикации результатов исследования. Согласно сложившейся традиции, закрепленной Положением о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации Института археологии РАН, необхо-

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

димо выяснить местное название изучаемого объекта. Если же установить его не удалось, то название дается по названию ближайшего населенного пункта, а в случае его отсутствия или удаленности — по названиям ближайших и важнейших географических ориентиров [Положение 2018].

Первое подробное исследование названий археологических памятников Калмыкии подтвердило важность их этимологического и лингвистического анализа [Лиджиев, Очир-Горяева 2008: 225–232]. Поэтому задача создания перечня названий объектов археологического наследия Республики Калмыкия с их максимально точной локализацией на сегодняшний день является весьма актуальной задачей. Важным этапом решения этой задачи является анализ картографического материала.

Первые карты, на которых отражалась территория региона, датировались XVIII в., но они были малоинформативными, а немногочисленные объекты, обозначенные на них, наносились с большими погрешностями в географической локализации. В начале XIX в. стали появляться более подробные карты, но их географическая точность без проведения топографических съемок по-прежнему вызывала вопросы. Ситуация изменилась лишь в начале 1860-х гг., когда в Калмыцкой степи была проведена Кумо-Манычская экспедиция под руководством К.И. Костенкова. В составе экспедиции из 11 чел. работали геолог, топограф, землемер, агроном, инженер и межевщики, которые провели топографические, географические и нивелировочные работы, составили географическую и геологическую карты Калмыцкой степи, план русла Маныча, осуществили съемку Крымского тракта, выбрав места под будущие поселения [Белоусов, Баянова 2018: 55–56]. После этого было проведено еще несколько топографических съемок. Благодаря этому объекты на территории Калмыкии во 2-й пол. XIX в. стали отображаться на картах с более или менее точной географической локализацией.

Перебрав указанные карты XIX в., мы отобрали наиболее подробные: «Военно-топографическую пятиверстную карту Кавказского края 1877 года» (листы D1, D2, в.д.1, в.д.2, F2) [Подробная карта... 2011, Пагирев 1913] и «Специальную карту Европейской России (карту Стрельбицкого) (1865–1871 гг.) (листы 77–78, 94–96 издания 1882 г.)» [Глушков 2007]. Затем сравнили нанесенные на них объекты с современными картами. В результате исследования было выявлено 69 объектов, имеющих на обеих картах. И только в шести случаях объекты были нанесены на современные карты, однако во всех случаях названия изменились кардинально [Жекеев 2019].

Анализ картографического материала Нижнего Поволжья, изданных в первые десятилетия XX в., показал, что они являются фактически переизданиями карт 1870-х–1880-х гг., так как обозначения географических объектов тождественны.

Кекеев Э.А. Названия археологических памятников Республики Калмыкия (по картографическим данным XX в.)

После этого мы приступили к поиску и анализу карт советского периода, на которых была отображена территория Калмыкии. Наиболее информативными среди них оказались военные карты 1925–1941 гг., созданные сотрудниками Корпуса военных топографов Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА). Масштаб и проработанность этих карт позволяет достаточно точно локализовать необходимые объекты на современной карте.

В связи с тем, что дальнейшая работа с картами производилась в специализированных ГИС-программах, предпочтение отдавалось картам, уже отсканированным и переведенным в необходимые электронные форматы (jpeg, png, tiff и др.). Поэтому основными источниками стали интернет-ресурсы, содержащие в свободном доступе необходимые карты: «Верстовые карты онлайн», «Карто Юг — Старинные карты уездов и губерний Российской Империи», «Старая карта Вашей местности», «Старые карты России и зарубежья» [Верстовые карты... 2008–2018; Карто Юг... 2012–2019; Старая карта... 2014–2019; Старые карты... 2009–2019]. Привязка, обработка и анализ карт производился с помощью программ Global Mapper и Quantum GIS. Хорошее качество съемки местности позволило произвести привязку по градусной сетке. После этого осуществлялась проверка, основным ориентиром служили изгибы дорог, перекрестков, водотоки и места их слияния.

Особенностью карт территории Калмыкии является то, что из археологических объектов там отмечены только курганы и курганные группы, бывшие важными ориентирами в степи. Иные памятники археологии, такие как поселения, стоянки и др., на изучаемой территории крайне редки, и их выявление без раскопок практически невозможно. Критериями выявления необходимых объектов на картах служили его название и условное обозначение. Большая часть объектов обозначены, как «кург.», то есть «курган», например, «кург. Амата Толга», «кург. Шардрок». В качестве условного обозначения использовались два знака: круг с шестью лучами и знак тригонометрического пункта, который часто устанавливают на высоких курганах. Косвенным признаком послужило присутствие слова «*толга*» (калм. — курган, холм, пригорок [КРС 1977: 502]) как составной части названия.

Анализ военных карт РККА территории Калмыкии, которые, как уже упоминалось, были наиболее информативными и точными среди изданных в додепортационный период, позволил выявить 77 объектов, интерпретированных как курганы и/или курганные группы. Они представлены в Приложении 1. На основе этой информации была создана специальная карта (рис. 1). Для удобства поиска названия объектов распределены по районам в соответствии с современным административно-территориальным делением Республики Калмыкии (табл. 1).

Составленный перечень объектов был сопоставлен с современными картами, под которыми подразумеваются карты, созданные в 1970–1980-х гг. и обновленные в последующие годы. При переизданиях на картах появлялись сведения о новых или переименованных географических объектах (населенных пунктах, предприятиях, гидромелиоративных сооружениях), но названия археологических объектов практически изменений не претерпели. Источниками послужили те же интернет-ресурсы, которые были использованы при поиске довоенных карт [Верстовые карты... 2008–2018; Карто Юг... 2012–2019; Старая карта... 2014–2019; Старые карты... 2009–2019]. Критерии выявления курганов и курганных групп остались те же, что были приняты при изучении более ранних карт. На современных картах было выявлено 65 объектов (см. карту на рис. 2). Список объектов приведен в Приложении 2 в соответствии с административно-территориальным делением Республики Калмыкия (см. табл. 2). При сравнении перечня объектов, выявленных на картах РККА 1925–1941 гг., с современными картами удалось локализовать только 23 памятника. При этом в 13 случаях название объекта не изменилось, в 7 — изменилось незначительно, в 3 — изменилось полностью.

Сопоставление всего имеющегося картографического материала (включая карты 1877 г. и 1882 г.) позволило выявить 182 объекта, которые могут быть отнесены к курганам и/или курганным группам. Из них только 38 (21 %) отмечены на двух и более картах (см. табл. 3), то есть 144 памятника имеют свое название только на одной из четырех указанных карт (см. рис. 3). Результаты сравнения названий объектов на картах разных лет приведены в табл. 3. Из нее следует, что памятники, имеющие названия, разделились на две основные группы: объекты, нанесенные только на картах XIX в. (11), и объекты, обозначенные только на картах XX в. (23). Только в пяти случаях памятник отмечен на картах, относящихся и к XIX, и к XX вв.

Это обстоятельство говорит о том, что при сборе данных о названиях объектов исследователи, судя по всему, руководствовались информацией, полученной от местного населения, и не использовали или мало использовали данные более раннего картографирования изучаемой территории. Об этом свидетельствуют имеющиеся ошибки в названиях одних и тех же объектов (Хаптга толга — Хапчгачалга; Гелюнь-толга — Гелюнталга). Такое же положение дел наблюдается и при сравнении объектов на картах XX в.: только 13 из 23 названий из довоенных карт дошло до нас без искажений.

Благодаря кропотливой работе специалистов-топографов названия курганов и курганных групп не были утеряны и дошли до наших дней. Многие из этих названий имеют тюркско-монгольское происхождение, правильный перевод и интерпретация которых являются важным источником информации об объектах на этапе их предварительного изучения, предшествующего полевым работам (разведки или раскопки).

Кекеев Э.А. Названия археологических памятников Республики Калмыкия (по картографическим данным XX в.)

Выявленные и систематизированные данные являются важной основой расширенного списка названий археологических памятников с их точной локализацией. Особенно полезен этот материал будет при проведении сплошного обследования территории Республики Калмыкия и работы по выявлению, описанию, постановке на учет археологических памятников.

Источники

Верстовые карты онлайн 2008–2018 [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: <https://verstovka.net> (дата обращения: 01.10.2019 г.)].

Карто Юг — Старинные карты уездов и губерний Российской Империи 2012–2019 [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: <https://maps.southklad.ru> (дата обращения: 01.10.2019 г.)].

[КРС] Калмыцко-русский словарь. М.: Русский язык, 1977. 765 с.

Пагирев Д.Д. Алфавитный указатель к пятиверстной карте Кавказского края, издания Кавказского военно-топографического отдела. Тифлис: Кавк. отд. Русского геогр. о-ва, Кавк. воен.-топогр. отд., 1913. XII+530 с.

Подробная карта Кавказского края с прилегающими частями Турции и Персии в масштабе 5 верст в дюйме. СПб.: Альфарет, 2011. 6 с., 84 л. карт. [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: <https://alfaret.ru/item.php?prod=503&subid=&catid=> (дата обращения: 30.07.2019 г.)].

Положение о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации (утверждено постановлением Бюро Отделения историко-филологических наук Российской академии наук от 20 июня 2018 г. № 32) // М.: ИА РАН, 2018. [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: https://old.archaeolog.ru/media/2018/Polozhenie_2018_2.pdf. (дата обращения: 15.04.2019 г.)].

Старая карта Вашей местности 2014–2019 [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: <https://starayakarta.com> (дата обращения: 01.10.2019 г.)].

Старые карты России и зарубежья 2009–2019 [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: <https://retromap.ru> (дата обращения: 01.10.2019 г.)].

Литература

Белюсов С.С., Баянова А.Т. География перекочевков калмыков Астраханской губернии по материалам Кумо-Манычской экспедиции // Монголоведение (Монгол судлал). 2018. № 14. С. 54–62.

Глушков В.В. История военной картографии в России (XVIII — нач. XX в.). М.: ИДЭЛ, 2007. 527 с.

Кекеев Э.А. Выявление археологических памятников на территории Республики Калмыкия по картографическим данным 1870–1880-х гг. // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2019. № 2 (в печати).

Лиджиев А.Б., Очир-Горяева М.А. Названия археологических памятников: перевод, значение и лингвистический анализ // Очир-Горяева М.А. Археологические памятники Волго-Манычских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.). Элиста: Герел, 2008. С. 225–232.

**Перечень археологических объектов (курганов)
по данным картографии 1-й пол. XX в.**

ЯШАЛТИНСКИЙ РАЙОН

Курган (кург.) *Верблюд* (№ 1 на рис. 1). Отметка находится в 3,5 км к северу от п. Красный Партизан. На современной карте этот объект также обозначен как курган (кург.) *Верблюд* (№ 1 на рис. 2).

ПРИЮТНЕНСКИЙ РАЙОН

Курган (кург.) *Бислюрта* (№ 2 на рис. 1). Объект находится в 3,3 км к юго-востоку от п. Воробьевка. На современной карте в этом районе нет объектов с подобным названием, обозначена лишь группа безымянных курганов.

Курган (кург.) *Годжур* (№ 3 на рис. 1). Объект северной части Приютненского района, в 2,5 км от границы Калмыкии и Ростовской области, на гребне возвышенности с северу от которой находится балка Элиста, к югу — балка Бурата. На современной карте этот объект также обозначен как курган (кург.) *Годжур* (№ 5 на рис. 2).

Курган (кург.) *Тоун-Адрык* (№ 4 на рис. 1). Отметка находится в 5,5 км к северо-западу от п. Первомайский. На современной карте этот объект также обозначен как курган (кург.) *Таун-Адрык* (№ 12 на рис. 2).

Курган (кург.) *Три Брата* (№ 5 на рис. 1). Отметка находится в 2,8 км к югу от п. Песчаный. На современной карте этот объект также обозначен как курган (кург.) *Три Брата* (№ 11 на рис. 2). Эта курганная группа стала всемирно известной благодаря обнаруженным в них деревянным повозкам, эти исследования были проведены в 1930-х гг. экспедицией под руководством П.С. Рыкова.

Курган (кург.) *Хамур* (№ 6 на рис. 1). Отметка находится в 9,5 км к западу от п. Песчаный. На современной карте этот объект также обозначен как курган (кург.) *Хамур* (№ 13 на рис. 2), а сам гребень на котором расположен курган называется «Хребет Хамур».

Курган (кург.) *Хуюртолга* (№ 7 на рис. 1). Отметка находится в 3,5 км к юго-западу от п. Манц. На современной карте этот объект представляет собой курганную группу, которая обозначена как кург. *Придорожный* (№ 10 на рис. 2).

Курган (кург.) *Цоорха* (№ 8 на рис. 1). Отметка находится в 6,6 км к юго-востоку от п. Нарта. На современной карте в данном районе обозначена небольшая безымянная группа курганов.

Курган (кург.) *Шаурта* (№ 9 на рис. 1). Отметка находится в 4,3 км к югу от оз. Цаган Хаг. На современной карте этот объект также обозначен как курган (кург.) *Шаурта* (№ 16 на рис. 2). В данном районе располагается курганная группа, протянувшаяся по гребню возвышенности на расстояние до 8 км.

ИКИ-БУРУЛЬСКИЙ РАЙОН

Курган (кург.) *Бор-Тоухон* (№ 10 на рис. 1). Отметка находится в 4,3 км к северо-западу от места максимального сближения балок Улан-Зуха и ДендERTA, на гребне возвышенности, в 3,7 км к северо-востоку от пункта Джеджекины. На современной карте в данном районе обозначена небольшая безымянная группа курганов.

Объект г. *Гарав-Хомур* (обозначен значком кургана) (№ 11 на рис. 1). Отметка находится в 1 км к западу от п. Приманыч. На современной карте в данном месте также обозначена гора, но название дано несколько иначе — г. *Харав-Хомур*. Возможно, в данном месте есть курганы, однако на современной карте таковых не обозначено.

Курган (кург.) *Гашун-Худук* (№ 12 на рис. 1). Отметка находится в 5,8 км к западу от п. Шатта. На современной карте в данном месте нет объектов, обозначенных, как курганы.

Курган (кург.) *Зюнгар-Зо* (№ 13 на рис. 1). Отметка находится в 4 км к юго-западу от безымянного водоема в балке Улан-Зуха, в районе урочища Прудовое. На современной карте данный объект обозначен курган (кург.) *Зюргар-Зо* (№ 19 на рис. 2).

Курган (кург.) *Ивля* (№ 14 на рис. 1). Отметка находится в 4,4 км к северо-западу от пункта Джеджекины. На современной карте данный объект также обозначен, как курган (кург.) *Ивля* (№ 20 на рис. 2).

Курган (кург.) *Межень-Толга* (№ 15 на рис. 1). Отметка находится в 13,2 км к юго-востоку от п. Ики-Бурул. Возможно, в данном месте есть курганы, однако на современной карте таковых не обозначено.

Курган (кург.) *Мушарет* (№ 16 на рис. 1). Отметка находится в 6,5 км к северо-востоку от п. Маныч. На современной карте в данном районе обозначена небольшая безымянная группа курганов.

Курган (кург.) *Санджин-Сала* (№ 17 на рис. 1). Отметка находится в 4,6 км к юго-востоку от пункта Цаган-Ташу. На современной карте данный объект также обозначен, как курган (кург.) *Санджин-Сала* (№ 22 на рис. 2). Он находится в средней части курганной группы, протянувшейся цепочкой с северо-запада на юго-восток на расстоянии до 8 км.

Курган (кург.) *Торунтын* (№ 18 на рис. 1). Отметка находится в 2,8 км к востоку от п. Приманыч. На современной карте данный объект также обозначен, как курган (кург.) *Торунтын* (№ 23 на рис. 2).

Курган (кург.) *Ут-Сала* (№ 19 на рис. 1). Отметка находится в 15 км к востоку с небольшим склонением на юг от п. Ут-Сала. Является восточным окончанием курганной цепочки протянувшейся с запада на восток на расстояние до 34 км.

Курган (кург.) *Хоюр-Болдук* (№ 20 на рис. 1). Отметка находится в 4,8 км к востоку от п. Кевюды. На современной карте данный объект также обозначен, как курган (кург.), однако название немного изменилось — *Хоюр-Болдун* (№ 24 на рис. 2).

Курган (кург.) *Хундулан* (№ 21 на рис. 1). Отметка находится в 1 км к югу от начала балки Хундула. Является восточным окончанием курганной цепочки протянувшейся с северо-запада на юго-восток на расстояние до 5 км. На современной карте данный объект также обозначен, как курган (кург.) *Хундулан* (№ 25 на рис. 2).

Объект г. *Шаред* (обозначен значком кургана) (№ 22 на рис. 1). Отметка находится в 3,9 км к востоку от п. Маныч. Является наивысшей точкой Калмыкии и расположена на хребте Чолун-Хамур. На этом хребте обозначено большое количество цепочек безымянных курганных групп.

Курган (кург.) *Шупта-Толга* (№ 23 на рис. 1). Отметка находится в 6,3 км к северо-востоку с небольшим отклонением к востоку от п. Шарет. На современной карте в данном месте нет объектов, обозначенных, как курганы.

Объект г. *Энчин-Хомур* (обозначен значком кургана) (№ 24 на рис. 1). Отметка находится в 7,8 км к северо-западу от п. Ики-Бурул. Возможно, в данном месте есть курганы, однако на современной карте таковых не обозначено.

ЧЕРНОЗЕМЕЛЬСКИЙ РАЙОН

Курган (кург.) *Бандит* (№ 25 на рис. 1). Отметка находится в 2,5 км к юго-западу от п. Рогульский. На современных картах в данном районе нет объектов, обозначенных как курганы. Вся местность занята песчаными дюнами.

Объект *Бичкин-Толга* (обозначен значком тригонометрического пункта) (№ 26 на рис. 1). Отметка находится в 11,8 км к северу от пункта Светлый Ерек, который находится в 18 км от п. Артезиан. На современных картах, в данном районе нет объектов, обозначенных как курганы или тригонометрические пункты, вся местность занята песчаными дюнами.

Объект *Гнездо* (обозначен значком тригонометрического пункта) (№ 27 на рис. 1). Отметка находится в 12,2 км к западу от пункта Светлый Ерек, который находится в 18 км от п. Артезиан. На современных картах, в данном районе нет объектов, обозначенных как курганы или тригонометрические пункты, вся местность занята песчаными дюнами (пески Хаксу-Эльсин).

Объект *Хош-Толга* (обозначен значком тригонометрического пункта) (№ 28 на рис. 1). Отметка находится в 3,7 км к западу от пункта Звездный. На современных картах, в данном районе нет объектов, обозначенных как курганы или тригонометрические пункты, вся местность занята песчаными дюнами.

ЛАГАНСКИЙ РАЙОН

Объект *Алабужинская* (обозначен значком тригонометрического пункта) (№ 29 на рис. 1). Отметка находится в 15 км к юго-востоку от п. Улан Хол. На современных картах в данном районе нет объектов, обозначенных как курганы или тригонометрические пункты, вся местность занята песчаными дюнами.

Объект *Бурты* (обозначен значком тригонометрического пункта) (№ 30 на рис. 1). Отметка находится в 10,7 км к югу с небольшим склонением на запад от пункта Белое Озеро. На современных картах в данном районе нет объектов, обозначенных как курганы или тригонометрические пункты, вся местность занята песчаными дюнами.

Объект *Улан-Нур* (обозначен значком тригонометрического пункта) (№ 31 на рис. 1). Отметка находится в 11,5 км к югу с небольшим склонением на восток от пункта Белое Озеро. На современных картах в данном районе нет объектов, обозначенных как курганы или тригонометрические пункты, вся местность занята песчаными дюнами.

Объект *Улан-Эрык* (обозначен значком тригонометрического пункта) (№ 32 на рис. 1). Отметка находится в 5,3 км к юго-востоку от пункта Белое Озеро. На современных картах в данном районе нет объектов, обозначенных как курганы или тригонометрические пункты, вся местность занята песчаными дюнами.

МАЛОДЕРБЕТОВСКИЙ РАЙОН

Объект *Малтартын-Толга* (обозначен значком кургана) (№ 33 на рис. 1). Отметка находится в 2,1 км к северо-западу от водоема в балке Царын-Гувль, данная местность сильно изрезана современной системой оросительных каналов. В данном районе нет объектов, обозначенных как курганы.

ОКТЯБРЬСКИЙ РАЙОН

Курган (кург.) *Касьянова Толга* (№ 34 на рис. 1). Отметка находится в 16,9 км к северо-востоку от п. Мирный. На современной карте данный объект также обозначен, как курган (кург.) *Касьянова Толга* (№ 38 на рис. 2).

Объект *Цаган Усна Толга* (№ 35 на рис. 1). Отметка находится на южной окраине п. Иджил. На современной карте в данном районе обозначен один безымянный курган.

САРПИНСКИЙ РАЙОН

Объект *Калмыцкие курганы* (№ 36 на рис. 1). Отметка находится в 6,3 км к северо-западу с небольшим склонением к северу от с. Садовое. На современной карте в данном районе обозначена небольшая безымянная группа курганов.

Курган *Нугра* (№ 37 на рис. 1). Отметка находится в 8,5 км к северо-западу с небольшим склонением к западу от п. Уманцево, в 3 км к северу от начала балки Нугра. На современной карте в данном районе обозначена небольшая безымянная группа курганов.

КЕТЧЕНЕРОВСКИЙ РАЙОН

Курган (кург.) *Амун Сала-Толга* (№ 38 на рис. 1). Отметка находится в непосредственной близости к западному берегу оз. Сарпа, в 15,5 км севернее п. Тугтун. На современной карте в данном районе обозначена небольшая безымянная группа курганов.

Курган (кург.) *Баглон-Толга* (№ 39 на рис. 1). Отметка находится в 18 км к юго-востоку от п. Аршань-Зельмень. К западу от данной отметки находится урочище Батыр-Мала, к востоку — урочища Уту-Сек и Доджин-Сек. На современной карте в данном районе обозначен один курган.

Объект *Гашиун-Бургушта* (обозначен значком кургана) (№ 40 на рис. 1). Отметка находится в 6,2 км к востоку от одноименного поселка. На современной карте в данном районе обозначена безымянная группа курганов.

Объект *Делям-толга* (обозначен значком кургана) (№ 41 на рис. 1). Отметка находится в 7,1 км к востоку от п. Кетченеры. На современной карте в данном районе обозначена безымянная группа курганов.

Курган (кург.) *Каменный* (№ 42 на рис. 1). Отметка находится в 5 км к югу от п. Годжур. На современной карте в данном районе обозначен курган (кург.) *Каменный* (№ 41 на рис. 2).

Курган *Кохан-Толга* (№ 43 на рис. 1). Отметка находится в 13,7 км к северо-западу с небольшим склонением к западу от п. Тугтун. В 2,5 км от объекта обозначенного на современной карте, как курган (кург.) *Горвун-Адрык* (№ 40 на рис. 2).

Курган *Нурга-Толга* (№ 44 на рис. 1). Отметка находится в 1,7 км к востоку от крупного пруда Нугра. На современной карте этот курган отображен, однако название немного изменено — *Нугра-Толга* (№ 42 на рис. 2).

Курган (кург.) *Разрытый* (№ 45 на рис. 1). Отметка находится в 8 км к северо-западу от п. Кегульта, на бугре Годжурском, в 0,9 км от границы Калмыкии и Ростовской области. На современной карте вся местность занята возделываемыми полями.

Объект *Таун-Толга* (обозначен значком кургана) (№ 46 на рис. 1). Отметка находится в 8 км к юго-западу со склонением к западу от пункта Шорвин Кец. На современной карте в данном районе нет обозначенных курганов и курганных групп.

Курган (кург.) *Унгилюгин-Толга* (№ 47 на рис. 1). Отметка находится в 12,8 км к северо-западу от п. Тугтун. На современной карте данный курган обозначен, как курган (кург.) *Чоха-Толга* (№ 44 на рис. 2).

Кекеев Э.А. Названия археологических памятников Республики Калмыкия (по картографическим данным XX в.)

Курган (кур.) *Хош-Толга* (№ 48 на рис. 1). Отметка находится в 1,6 км к северу от п. Бургсун. На современной карте в данном районе обозначена небольшая безымянная группа курганов.

Объект *Хурул* (обозначен значком кургана) (№ 49 на рис. 1). Отметка находится в 5,5 км к северу от п. Ергенинский. Находится на месте окончания бугра Кермен-Толга, на небольшом расстоянии от места слияния балок Соворгун и Шар-Элсн. На этом бугре расположены плотные курганные группы, протянувшиеся с запада на восток по гребню бугра с небольшим склонением на юг на расстояние более 11 км (на территории Калмыкии). На современной карте в данном районе обозначено несколько безымянных курганов, сама местность называется урочище Хурул.

Объект *Шар-Булук* (обозначен значком кургана) (№ 50 на рис. 1). Отметка находится в 9,7 км к востоку от п. Годжур. На современной карте в данном районе обозначена небольшая безымянная группа курганов.

Объект *Шопкин-Толга* (обозначен значком кургана) (№ 51 на рис. 1). Отметка находится в 6,2 км к востоку от п. Алтн-Булг. На современной карте в данном районе нет обозначенных курганов и курганных групп.

ЮСТИНСКИЙ РАЙОН

Объект *Газын-Толга* (обозначен значком кургана) (№ 52 на рис. 1). Отметка находится в 6,5 км к северо-западу от п. Тотал. На современной карте в данном районе нет обозначенных курганов и курганных групп.

Объект *Урга-Толга* (обозначен значком кургана) (№ 53 на рис. 1). Отметка находится в отдалении от населенных пунктов, ближайшим является п. Эрдниевский, находящийся 23,7 км к северо-востоку с небольшим склонением к востоку. На современной карте данный объект обозначен как бугор (буг.) *Урга-Толга*.

ЯШКУЛЬСКИЙ РАЙОН

Курган *?ай-Толга* (начало неразборчиво, № 54 на рис. 1). Отметка находится в отдалении от населенных пунктов, ближайшими являются п. Ялмта (14,8 км к юго-западу) и п. Чонта (14,1 км к северо-западу). На современной карте здесь обозначена небольшая безымянная группа курганов.

Курган *Абдыр-Толга* (№ 55 на рис. 1). Отметка находится в 7,8 км к востоку от п. Зюнгар. На современной карте в данном районе обозначена небольшая безымянная группа курганов.

Курган *Амта Толга* (№ 56 на рис. 1). Отметка находится в 9 км к северу с небольшим склонением к востоку от п. Чилгир. На современной карте в данном районе обозначена небольшая безымянная группа курганов.

Объект *Аремктын-Толга* (обозначен значком тригонометрического пункта) (№ 57 на рис. 1). Отметка находится в отдалении от населенных пунктов, ближайшим является п. Ниицян (в настоящее время заброшен), находящийся 10,1 км к юго-западу. На современной карте в данном районе нет обозначенных курганов и курганных групп.

Курган *Балтынский* (№ 58 на рис. 1). Отметка находится в 1,2 км к югу от п. Улан-Эрге. На современной карте в данном районе обозначена безымянная группа курганов.

Объект (к.) *Бур-Худук-Толга* (обозначен значком кургана) (№ 59 на рис. 1). Отметка находится в отдалении от населенных пунктов, ближайшим ориентиром является урочище Саган-Улан-Толга, находящееся 4,3 км к юго-западу. На современной карте в данном районе обозначена небольшая безымянная группа курганов.

Объект *Высокий Курган* (обозначен значком тригонометрического пункта) (№ 60 на рис. 1). Отметка находится в отдалении от населенных пунктов, ближайшим ориентиром является озеро Нурын-Хаг, находящееся 13,5 км к северу. На современной карте в данном районе обозначена небольшая безымянная группа курганов.

Курган *Джоха-Толга* (№ 61 на рис. 1). Отметка находится в отдалении от населенных пунктов, ближайшим ориентиром является оз. Дед-Хулсун, находящееся 2,8 км к юго-востоку. На современной карте в данном районе обозначена небольшая безымянная группа курганов.

Объект (г.) *Их-Сала* (обозначен значком тригонометрического пункта) (№ 62 на рис. 1). Отметка находится в отдалении от населенных пунктов, ближайшим является п. Привольный, находящийся 19 км к северо-востоку, с небольшим склонением к востоку. На современной карте данный объект обозначен как г. *Синий Бугор*.

Курган *Мерина-Шарльджин* (№ 63 на рис. 1). Отметка находится в отдалении от населенных пунктов, ближайшим является п. Нициян (в настоящее время заброшен), находящийся 5,7 км к югу. На современной карте в данном районе нет обозначенных курганов и курганных групп.

Объект (г.) *Му-Сала* (обозначен значком тригонометрического пункта) (№ 64 на рис. 1). Отметка находится в отдалении от населенных пунктов, ближайшим является п. Привольный, находящийся 11,1 км к северо-востоку, с небольшим склонением к северу. На современной карте данный объект также обозначен, как г. *Му-Сала*.

Объект *Нелям-Боро* (обозначен значком тригонометрического пункта) (№ 65 на рис. 1). Отметка находится в отдалении от населенных пунктов, ближайшим ориентиром является озеро Нурын-Хаг, находящееся 2,4 км к северо-западу. На современной карте в данном районе нет обозначенных курганов и курганных групп.

Курган *Немек Харт* (№ 66 на рис. 1). Отметка находится в отдалении от населенных пунктов, ближайшим ориентиром является озеро Большой Худжюр, находящееся 7,3 км к западу. На современной карте в данном районе обозначена небольшая безымянная группа курганов.

Объект (Бугор) *Таун-Унчук* (обозначен значком тригонометрического пункта) (№ 67 на рис. 1). Отметка находится в 3,9 км севернее слияния балок Таун-Унчук-Сала и Шарын-Сала. На современной карте в данном

**Кекеев Э.А. Названия археологических памятников Республики Калмыкия
(по картографическим данным XX в.)**

районе обозначена безымянная группа курганов, а сам бугор называется *Таун-Унчук*.

Объект (г.) *Тесерке-Толга* (обозначен значком тригонометрического пункта) (№ 68 на рис. 1). Отметка находится в отдалении от населенных пунктов, ближайшим является п. Утта (в 15,7 км к западу с небольшим склонением к югу). На современной карте в данном районе нет обозначенных курганов и курганных групп.

Курган *Халдеждын* (№ 69 на рис. 1). Отметка находится в 5,8 км к западу от п. Хар-Зуха. На современной карте в данном районе обозначена небольшая безымянная группа курганов.

Курган *Шарадрык* (№ 70 на рис. 1). Отметка находится в 3,6 км к северо-востоку с небольшим склонением к востоку от п. Олинг. На современной карте в данном районе обозначена небольшая безымянная группа курганов.

Объект *Шулка-Толга* (обозначен значком тригонометрического пункта) (№ 71 на рис. 1). Отметка находится в отдалении от населенных пунктов, ближайшим ориентиром является озеро Шарва, находящееся 7,2 км к западу. На современной карте в данном районе обозначена небольшая безымянная группа курганов.

Объект *Энчин-Эндырь* (обозначен значком тригонометрического пункта) (№ 72 на рис. 1). Отметка находится в 8,2 км к западу с небольшим склонением к северу от п. Шарва. На современной карте в данном районе обозначена небольшая безымянная группа курганов.

Объект *Эрых-Толга* (обозначен значком тригонометрического пункта) (№ 73 на рис. 1). Отметка находится в отдалении от населенных пунктов, ближайшие ориентиры отсутствуют. Однако данная местность обозначена как пески Эрик-Толга.

ЦЕЛИННЫЙ РАЙОН

Курган *Джэльдже* (№ 74 на рис. 1). Отметка находится в 3,1 км к северо-востоку от п. Хар-Бурук. На современной карте данный объект обозначен как курган (кург.) *Джэльдже* (№ 57 на рис. 2).

Курган *Мухутинский* (№ 75 на рис. 1). Отметка находится в 4,6 км к северо-востоку от п. Овата. На современной карте данный объект обозначен как курганы *Мугатинские* (№ 58 на рис. 2).

Объект *Пять Курганов* (обозначен значком тригонометрического пункта) (№ 76 на рис. 1). Отметка находится в 5,9 км к юго-западу от п. Кегульта. На современной карте данный объект обозначен как урочище *Пять Курганов* (№ 60 на рис. 2).

Объект *Тавун-Толга* (обозначен значком тригонометрического пункта) (№ 77 на рис. 1). Отметка находится в 4,7 км к юго-западу от п. Ялмта. На современной карте в данном районе обозначена небольшая безымянная группа курганов.

**Перечень археологических объектов (курганов)
по данным современной картографии**

ЯШАЛТИНСКИЙ РАЙОН

Курган (кург.) *Верблюды* (№ 1 на рис. 2). Отметка находится в 3,5 км к северу от п. Красный Партизан. В данном районе обозначена курганная группа.

Курган (кург.) *Хартогла* (№ 2 на рис. 2). Объект находится в 1,5 км к югу от п. Бага Тугтун. В данном районе обозначен одиночный курган.

ПРИЮТНЕНСКИЙ РАЙОН

Курган (кург.) *Братта* (№ 3 на рис. 2). Объект находится в 7,5 км к северо-востоку с небольшим отклонением к северу от п. Воробьевка. В данном районе обозначена курганная группа.

Курган (кург.) *Глубокая Балка* (№ 4 на рис. 2). Объект находится к югу с небольшим отклонением к западу в 6,1 км от п. Амтя Уста. В данном районе обозначена курганная группа.

Курган (кург.) *Годжур* (№ 5 на рис. 2). Объект находится в северной части Приютненского района, в 2,5 км от границы Калмыкии и Ростовской области, на гребне возвышенности к северу от которой находится балка Элиста, к югу — балка Бурата, в 11,9 км к северу от п. Воробьевка. В данном районе обозначена курганная группа.

Курган (кург.) *Мергень-Тоухун* (№ 6 на рис. 2). Объект находится в 2,8 км к северо-востоку от п. Нарта. В данном районе обозначена небольшая курганная группа.

Курган (кург.) *Мергень-Адрик* (№ 7 на рис. 2). Объект находится в 1,15 км к юго-западу от п. Нарта и в 4,5 км от кургана «Мергень-Тоухун». В данном районе обозначена небольшая курганная группа.

Курган (кург.) *Мухтинский* (№ 8 на рис. 2). Объект находится в 1,1 км от р. Маныч, в 2,2 км к югу от пункта Модта. В данном районе обозначена курганная группа. Судя по всему этот объект также обозначен на карте 1877 г. — «Военно-топографической пятиверстной карте Кавказского края». Однако в XIX в. курган имел другое название — *Танкинъ-села*.

Курган (кург.) *Никаноров* (№ 9 на рис. 2). Объект находится в 5 км к востоку от п. Приютное. В данном районе обозначена курганная группа.

Курган (кург.) *Придорожный* (№ 10 на рис. 2). Объект находится в 3,5 км к юго-западу от п. Манц. В данном районе обозначена курганная группа. Этот объект также обозначен на картах РККА (1925–1941 гг.), но под другим названием — *Хуюртолга* (№ 7 на рис. 1).

Курган (кург.) *Три Брата* (№ 11 на рис. 2). Отметка находится в 2,8 км к югу от п. Песчаный. Этот объект под тем же названием обозначен на картах РККА (1925–1941 гг.) — *Три Брата* (№ 5 на рис. 1).

**Кекеев Э.А. Названия археологических памятников Республики Калмыкия
(по картографическим данным XX в.)**

Курган (кург.) *Таун-Адрык* (№ 12 на рис. 2). Отметка находится в 5,5 км к северо-западу от п. Первомайский. Этот объект под этим же названием (с незначительной ошибкой) обозначен на картах РККА (1925–1941 гг.) — курган (кург.) *Тоун-Адрык* (№ 4 на рис. 1).

Курган *Хамур* (№ 13 на рис. 2). Отметка находится в 9,5 км к западу от п. Песчаный. Этот объект под этим же названием обозначен на картах РККА (1925–1941 гг.) — курган (кург.) *Хамур* (№ 6 на рис. 1).

Курган (кург.) *Хатинский* (№ 14 на рис. 2). Объект находится в 3,2 км к юго-востоку от п. Бургуста. В данном районе обозначена курганная группа.

Курганы *Хурул* (№ 15 на рис. 2). Объект находится в 4 км к востоку с небольшим отклонением к югу от кург. *Хамур*. В данном районе обозначена курганная группа.

Курган (кург.) *Шаурта* (№ 16 на рис. 2). Отметка находится в 4,3 км к югу от оз. Цаган Хаг. Этот объект под тем же названием обозначен на картах РККА (1925–1941 гг.) — курган (кург.) *Шаурта* (№ 9 на рис. 1). В данном районе обозначена курганная группа, протянувшаяся цепью по гребню возвышенности на расстояние до 8 км

ИКИ-БУРУЛЬСКИЙ РАЙОН

Курган (кург.) *Близнец* (№ 17 на рис. 2). Объект находится в 6 км к западу от Черноземельского канала, вдали от населенных пунктов. Ближайшим является п. Светлый, который находится в 14 км к югу, с небольшим отклонением к западу, от объекта. В данном районе обозначен одиночный курган.

Курган (кург.) *Зунда-Толга* (№ 18 на рис. 2). Объект (обозначенная высота — 8 м) расположен в 2,9 км к северо-западу от п. Зунда Толга, является одним из крупнейших курганов на территории Калмыкии. Данный курган также обозначен на картах XIX в., на которых он носил названия *К. Гелюнь-толга (Кольтюба)* («Военно-топографическая пятиверстная карта Кавказского края» 1877 г.) и *К. Гелюнталга* («Специальная карта Европейской России» 1882 г.).

Курган *Зюрган-Зо* (№ 19 на рис. 2). Отметка находится в 4 км к юго-западу от безымянного водоема в балке Улан-Зуха, в районе урочища Прудовое. Этот объект под тем же названием (с незначительной ошибкой) обозначен на картах РККА (1925–1941 гг.) — курган (кург.) *Зюрган-Зо* (№ 13 на рис. 1).

Курган *Ивля* (№ 20 на рис. 2). Отметка находится в 4,4 км к северо-западу от пункта Джеджекины. Этот объект под тем же названием обозначен на картах РККА (1925–1941 гг.) — курган (кург.) *Ивля* (№ 14 на рис. 1).

Объект (бугор) *Пять Курганов* (№ 21 на рис. 2). Объект расположен в 10,9 км к юго-западу от п. Чолун Хамур. Судя по всему этот объект также обозначен на карте 1877 г. — «Военно-топографической пяти-

верстной карте Кавказского края». Однако в XIX в. он имел другое название — В. *Толгунъ-толга*.

Курган (кург.) *Санджин-Сала* (№ 22 на рис. 2). Отметка находится в 4,6 км к юго-востоку от пункта Цаган-Ташу. Этот объект под тем же названием обозначен на картах РККА (1925–1941 гг.) — курган (кург.) *Санджин-Сала* (№ 17 на рис. 1). Объект находится примерно в середине группы курганов, цепочкой протянувшейся с северо-запада на юго-восток на расстояние до 8 км.

Курган (кург.) *Торунтын* (№ 23 на рис. 2). Отметка находится в 2,8 км к востоку от п. Приманыч. Этот объект под тем же названием обозначен на картах Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) (1925–1941 гг.) — курган (кург.) *Торунтын* (№ 18 на рис. 1).

Курган (кург.) *Хоюр-Болдун* (№ 24 на рис. 2). Отметка находится в 4,8 км к востоку от п. Кевюды. Этот объект под тем же названием (с незначительной ошибкой) обозначен на картах РККА (1925–1941 гг.) — курган (кург.) *Хоюр-Болдук* (№ 20 на рис. 1). В данном районе обозначен одиночный курган.

Курган (кург.) *Хундулан* (№ 25 на рис. 2). Отметка находится в 1 км к югу от начала балки Хундула. Этот объект под тем же названием обозначен на картах РККА (1925–1941 гг.) — курган (кург.) *Хундулан* (№ 21 на рис. 1). Является восточным окончанием курганной цепочки, протянувшейся с северо-запада на юго-восток на расстояние до 5 км.

Курган (кург.) *Цаган-Ташу-Толга* (№ 26 на рис. 2). Отметка находится в 9,2 км к северу с небольшим отклонением к западу от п. Зунда Толга. В данном районе обозначена небольшая курганная группа.

Курган (кург.) *Шашын-Толга* (№ 27 на рис. 2). Отметка находится в 0,5 км к северо-востоку от п. Шатта. В данном районе обозначена курганная группа.

ЧЕРНОЗЕМЕЛЬСКИЙ РАЙОН

Объект (бугор) *Барун-Толга* (№ 28 на рис. 2). Отметка находится в 10,7 км к северо-западу от Разъезда № 6. В данном районе нет обозначенных курганов.

Курган *Кордон-Толга* (№ 29 на рис. 2). Отметка находится в 5,5 км к северо-западу с небольшим отклонением к западу от п. Маныч. В данном районе обозначена небольшая курганная группа.

Курган (кург.) *Цепной* (№ 30 на рис. 2). Отметка находится в 11,5 км к востоку с небольшим отклонением к югу от п. Мелиоратор. В данном районе обозначена небольшая курганная группа.

МАЛОДЕРБЕТОВСКИЙ РАЙОН

Курганы *Водинские* (№ 31 на рис. 2). Отметка находится в 11,5 км к юго-западу от с. Плодовитое. В данном районе обозначена небольшая курганная группа.

**Кекеев Э.А. Названия археологических памятников Республики Калмыкия
(по картографическим данным XX в.)**

Курган (кург.) *Ильков* (№ 32 на рис. 2). Отметка находится в 2,2 км к северо-востоку от с. Малые Дербеты, в непосредственной близости от трассы Элиста–Волгоград. В данном районе обозначен одиночный курган.

Курганы *Отрезенские* (№ 33 на рис. 2). Отметка находится в 5,4 км к северо-востоку с небольшим отклонением к востоку от п. Краснопартизанский. В данном районе обозначена небольшая курганная группа.

Курган (кург.) *Сага-Толга* (№ 34 на рис. 2). Объект (обозначенная высота — 10 м) расположен в 10,3 км к северо-востоку от п. Ханата. Является одним из крупнейших курганов на территории Калмыкии. Данный курган также обозначен на карте XIX в. («Специальная карта Европейской России» 1882 г.), на которой он обозначен как курган (Кур.) *Цаганъ-толга*. В данном районе обозначена небольшая курганная группа.

САРПИНСКИЙ РАЙОН

Курганы *Доменские* (№ 35 на рис. 2). Отметка находится в 5,5 км к северу от п. Догзмакин. В данном районе обозначена цепь курганов, протянувшаяся по линии запад-восток с небольшим отклонением к югу по гребню холма на расстояние более 10 км.

Курган (кург.) *Перепелкин* (№ 36 на рис. 2). Отметка находится в 4,5 км к северо-востоку от п. Кировский. В данном районе обозначена цепь курганов, протянувшаяся по линии запад–восток с небольшим отклонением к югу по гребню холма на расстояние более 9 км.

Курган (кург.) *Совкин Хар-Толга* (№ 37 на рис. 2). Отметка находится в 15,8 км к юго-востоку с небольшим отклонением к западу от п. Аршань-Зельмень, в 8 км от оз. Сарпа. В данном районе обозначена небольшая курганная группа.

ОКТЯБРЬСКИЙ РАЙОН

Курган (кург.) *Касьянова Толга* (№ 38 на рис. 2). Отметка находится в 16,9 км к северо-востоку от п. Мирный. Этот объект под тем же названием обозначен на картах РККА (1925–1941 гг.) как курган (кург.) *Касьянова Толга* (№ 34 на рис. 1). В данном районе обозначена небольшая курганная группа.

КЕТЧЕНЕРОВСКИЙ РАЙОН

Курган (кург.) *Гал-Толга* (№ 39 на рис. 2). Отметка находится в 4,5 км к северо-востоку с небольшим отклонением к северу от п. Чкаловский. В данном районе обозначена небольшая курганная группа.

Курган (кург.) *Горвун-Адрык* (№ 40 на рис. 2). Отметка находится в 11,2 км к северо-западу с небольшим отклонением к западу от п. Тутгун.

На картах РККА (1925–1941 гг.) в 2,5 км от объекта обозначен курган *Кохан-Толга* (№ 43 на рис. 1). В данном районе обозначена небольшая курганная группа.

Курган (кург.) *Каменный* (№ 41 на рис. 2). Отметка находится в 5 км к югу от п. Годжур. Этот объект под тем же названием обозначен на картах РККА (1925–1941 гг.) как курган (кург.) *Каменный* (№ 42 на рис. 1). В данном районе обозначена курганная группа.

Курган (кург.) *Нугра-Толга* (№ 42 на рис. 2). Отметка находится в 1,7 км к востоку от крупного пруда Нугра. Этот объект под тем же названием (с незначительной ошибкой) обозначен на картах РККА (1925–1941 гг.) — курган (кург.) *Нурга-Толга* (№ 44 на рис. 1).

Курган (кург.) *Цаган-Толга* (№ 43 на рис. 2). Отметка находится в 2,6 км к северу с небольшим отклонением к востоку от п. Чкаловский. В данном районе обозначена небольшая курганная группа.

Курган (кург.) *Чоха-Толга* (№ 44 на рис. 2). Отметка находится в 12,8 км к северо-западу от п. Тугтун. Этот объект, но под другим названием обозначен на картах РККА (1925–1941 гг.) как курган (кург.) *Унгилюгин-Толга* (№ 47 на рис. 1).

Курган (кург.) *Шар-Дарялык* (№ 45 на рис. 2). Отметка находится в 2,6 км к западу с небольшим отклонением к югу от п. Низовый. В данном районе обозначена небольшая курганная группа.

ЯШКУЛЬСКИЙ РАЙОН

Курган (кург.) *Ацха-Хар-Толга* (№ 46 на рис. 2). Отметка находится в 6,6 км к северо-востоку от п. Яшкуль. В данном районе обозначена небольшая курганная группа.

Курган (кург.) *Итлик-Толга* (№ 47 на рис. 2). Отметка (обозначенная высота — 5 м) находится в 5,6 км к северо-востоку с небольшим отклонением к северу от п. Шарва, в 4,6 км к югу от оз. Озучин. В данном районе обозначен одиночный курган. Этот объект под другим названием обозначен на карте XIX в. («Специальная карта Европейской России» 1882 г.) — курган (Кур.) *Манджа-шара-толга*.

Курган (кург.) *Тесерка-Энкрик-Толга* (№ 48 на рис. 2). Отметка находится в 10,3 км к юго-востоку с небольшим отклонением к востоку от п. Шарва. В данном районе обозначена небольшая курганная группа.

Курган (кург.) *Унгуцунур* (№ 49 на рис. 2). Отметка находится в 8,7 км к северо-востоку с небольшим отклонением к востоку от п. Улан-Эрге. В данном районе обозначена небольшая курганная группа.

Курган (кург.) *Хар-Толга* (№ 50 на рис. 2). Отметка (обозначенная высота — 5 м) находится в 16,3 км к северу от п. Яшкуль, в 13,7 км к юго-востоку от п. Зюнгар. В данном районе обозначен одиночный курган.

**Кекеев Э.А. Названия археологических памятников Республики Калмыкия
(по картографическим данным XX в.)**

Курган (кург.) *Херена-Худук* (№ 51 на рис. 2). Отметка находится в 20,2 км к северо-востоку с небольшим отклонением к северу от п. Привольный, в 22,7 км к западу с небольшим отклонением к югу от п. Долан. В данном районе обозначен одиночный курган.

Объект (бугор) *Цаган-Толга* (№ 52 на рис. 2). Отметка находится в 1,9 км к востоку от оз. Озучин. В данном районе обозначена небольшая курганная группа.

Курганы *Чилгирские* (№ 53 на рис. 2). Отметка находится в 4,2 км к северо-востоку от п. Улан-Эрге. В данном районе обозначена небольшая курганная группа.

Курган (кург.) *Шарва-Толга* (№ 54 на рис. 2). Отметка находится в 2,2 км к востоку от п. Шарва. В данном районе обозначен крупный одиночный курган.

Объект (бугор) *Ялман-Улан-Толга* (№ 55 на рис. 2). Отметка находится в 2,2 км к северо-востоку от п. Яшкуль, в 1,7 км к северу от трассы Яшкуль–Астрахань. В данном районе обозначена небольшая курганная группа.

ЦЕЛИННЫЙ РАЙОН

Курган (кург.) *Бор-Нур* (№ 56 на рис. 2). Отметка находится в 12,6 км к северо-востоку от п. Ленинский. В данном районе обозначена небольшая курганная группа.

Курган (кург.) *Джальдже* (№ 57 на рис. 2). Отметка находится в 3,1 км к северо-востоку от п. Хар-Булук. Этот объект под тем же названием (с незначительной ошибкой) обозначен на картах РККА (1925–1941 гг.) — курган (кург.) *Джальдже* (№ 74 на рис. 1). Является одним из цепи курганов, протянувшейся по гребню возвышенности, ориентированного по линии запад–восток с небольшим отклонением к югу на расстояние до 25 км.

Курганы *Мугатинские* (№ 58 на рис. 2). Отметка находится в 4,6 км к северо-востоку от п. Овата. Этот объект под тем же названием (с незначительной ошибкой) обозначен на картах РККА (1925–1941 гг.) — курган (кург.) *Мухутинский* (№ 75 на рис. 1). В данном районе обозначена небольшая курганная группа.

Курган (кург.) *Муктын-Толга* (№ 59 на рис. 2). Отметка находится в 11,7 км к востоку с небольшим отклонением к югу от п. Ленинский. Является одним из цепи курганов, протянувшейся по гребню возвышенности, ориентированного по линии запад–восток с небольшим отклонением к югу на расстояние более 20 км.

Объект (урочище) *Пять Курганов* (№ 60 на рис. 2). Отметка находится в 5,9 км к юго-западу от п. Кегульта. Этот объект под тем же названием обозначен на картах РККА (1925–1941 гг.) — объект *Пять Курганов* (обозначен значком тригонометрического пункта) (№ 76 на рис. 1). В данном районе обозначена курганная группа.

Курган (кург.) *Теремтин-Толга* (№ 61 на рис. 2). Отметка находится в 14,9 км к северу с небольшим отклонением к западу от п. Чилгир. В данном районе обозначена небольшая курганная группа.

Курган (кург.) *Шокуньский* (№ 62 на рис. 2). Отметка находится в 11,3 км к востоку с небольшим отклонением к северу от п. Максимовка. В данном районе обозначена небольшая курганная группа. Является одним из цепи курганов, протянувшейся по гребню возвышенности, ориентированной по линии запад–восток с небольшим отклонением к югу, на расстояние более 22 км.

**Кекеев Э.А. Названия археологических памятников Республики Калмыкия
(по картографическим данным XX в.)**

Рис. 1. Курганы на территории Калмыкии, обозначенные на военных картах РККА (1925–1941 гг.)

Цифрами обозначены: 1. курган Верблюд; 2. курган Бислюрта; 3. курган Годжур; 4. курган Тоун-Адрык; 5. курган Три Брата; 6. курган Хамур; 7. курган Хуюртолга; 8. курган Цоорха; 9. курган Шаурта; 10. курган Бор-Тоухон; 11. г. Гарав-Хомур; 12. курган Гашун-Худук; 13. курган Зюнгар-Зо; 14. курган Ивля; 15. курган Межень-Толга; 16. курган Мушарет; 17. курган Санджин-Сала; 18. курган Торунтын; 19. курган Ут-Сала; 20. курган Хоюр-Болдук; 21. курган Хундулан; 22. г. Шаред; 23. курган Шупта-Толга; 24. г. Энчин-Хомур; 25. курган Бандит; 26. Бичкин-Толга; 27. Гнездо; 28. Хош-Толга; 29. Алабужинская; 30. Бурты; 31. Улан-Нур; 32. Улан-Эрык; 33. Малтартын-Толга; 34. курган Касьянова Толга; 35. Цаган Усна Толга; 36. Калмыцкие курганы; 37. курган Нугра; 38. курган Амун Сала-Толга; 39. курган Баглон-Толга; 40. Гашун-Бургуста; 41. Делям-толга; 42. курган Каменный; 43. курган Кохан-Толга; 44. курган Нурга-Толга; 45. курган Разрытый; 46. Таун-Толга; 47. курган Унгилюгин-Толга; 48. курган Хош-Толга; 49. Хурул; 50. Шар-Булук; 51. Шопкин-Толга; 52. Газын-Толга; 53. Урга-Толга; 54. курган ʻай-Толга; 55. курган Абдыр-Толга; 56. курган Амта Толга; 57. Аремктын-Толга; 58. курган Балтынский; 59. курган Бур-Худук-Толга; 60. Высокий курган; 61. курган Джоха-Толга; 62. г. Их-Сала; 63. курган Мерина-Шарльджин; 64. г. Му-Сала; 65. Нелям-Боро; 66. курган Немек Харт; 67. бугор Таун-Унчук; 68. г. Тесерке-Толга; 69. курган Халдеждын; 70. курган Шарадрык; 71. Шулка-Толга; 72. Энчин-Эндырь; 73. Эрых-Толга; 74. курган Джалдыже; 75. курган Мухутинский; 76. Пять курганов; 77. Тавун-Толга.

Рис. 2. Курганы на территории современной Республики Калмыкия, обозначенные на картах 2-й пол. XX в.

Цифрами обозначены: 1. курган Верблюд; 2. курган Хартолга; 3. курган Братта; 4. курган Глубокая Балка; 5. курган Годжур; 6. курган Мергень-Тоухун; 7. курган Мергень-Адрик; 8. курган Мухтинский; 9. курган Никаноров; 10. курган Придорожный; 11. курган Три Брата; 12. курган Таун-Адрык; 13. курган Хамур; 14. курган Хатинский; 15. курганы Хурул; 16. курган Шаурта; 17. курган Близнец; 18. курган Зунда-Толга; 19. курган Зюрган-Зо; 20. курган Ивля; 21. бугор Пять курганов; 22. курган Санджин-Сала; 23. курган Торунтын; 24. курган Хоюр-Болдун; 25. курган Хундулан; 26. курган Цаган-Ташу-Толга; 27. курган Шашын-Толга; 28. бугор Барун-Толга; 29. курган Кордон-Толга; 30. курган Цепной; 31. курганы Водинские; 32. курган Ильков; 33. курганы Отрезенские; 34. курган Сага-Толга; 35. курганы Доменские; 36. курган Перепелкин; 37. курган Совкин Хар-Толга; 38. курган Касьянова Толга; 39. курган Гал-Толга; 40. курган Горвун-Адрык; 41. курган Каменный; 42. курган Нугра-Толга; 43. курган Цаган-Толга; 44. курган Чоха-Толга; 45. курган Шар-Дарялык; 46. курган Ацха-Хар-Толга; 47. курган Итлик-Толга; 48. курган Тесерка-Энкрик-Толга; 49. курган Унгуцунур; 50. курган Хар-Толга; 51. курган Херена-Худук; 52. бугор Цаган-Толга; 53. курганы Чилгирские; 54. курган Шарва-Толга; 55. бугор Ялман-Улан-Толга; 56. курган Бор-Нур; 57. курган Джальдже; 58. курганы Мугатинские; 59. курган Муктын-Толга; 60. урочище Пять курганов; 61. курган Теремтин-Толга; 62. курган Шокуньский.

Кекеев Э.А. Названия археологических памятников Республики Калмыкия
(по картографическим данным XX в.)

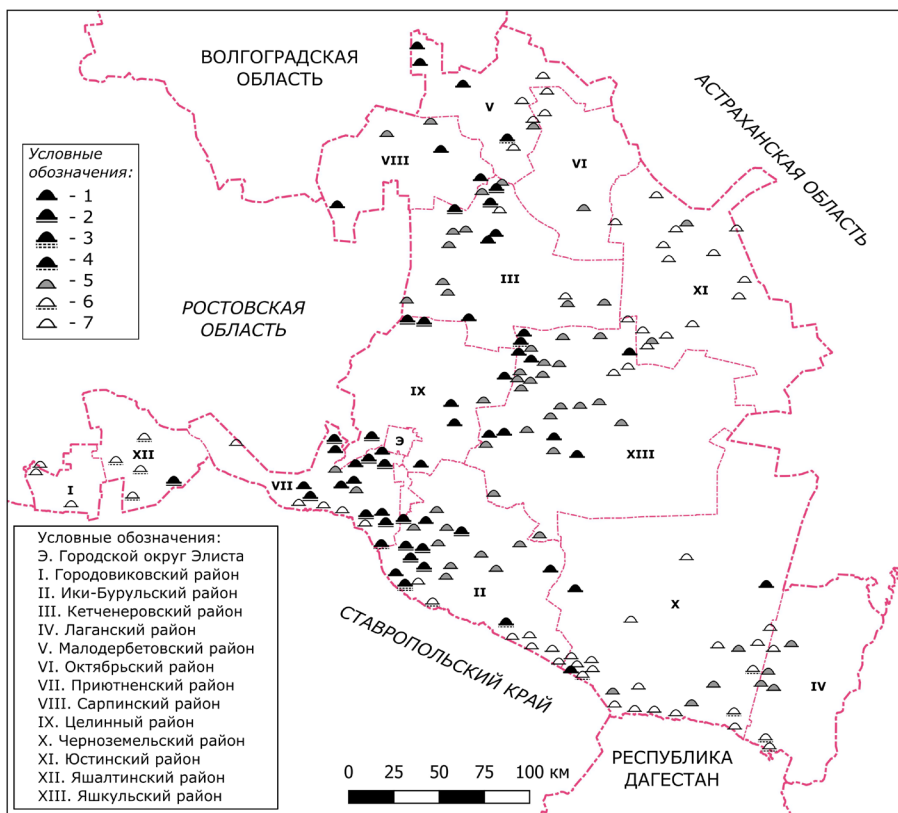

Рис. 3. Курганы на территории современной Республики Калмыкия обозначенные на картах 1870–1999 гг.

Цифрами на карте обозначены:

- 1 — объект, отмеченный только на современной карте;
- 2 — объект, отмеченный на картах РККА (1925–1941 гг.) и на современной карте;
- 3 — объект, отмеченный на двух картах XIX в. и на современной карте;
- 4 — объект, отмеченный на карте XIX в. и на современной карте;
- 5 — объект, отмеченный только на картах РККА (1925–1941 гг.);
- 6 — объект, отмеченный на двух картах XIX в.;
- 7 — объект, отмеченный только на одной из карт XIX в.

Курганы на территории современной Республики Калмыкия обозначенные на картах РККА (1925–1941 гг.)

№	Тип, название объекта	Географические координаты
Яшалтинский район		
1	курган Верблюд	46°07'44.6» с.ш. 42°42'04.7» в.д.
Приютненский район		
2	курган Бислюрта	46°10'57.1» с.ш. 43°48'47.3» в.д.
3	курган Годжур	46°19'15.4» с.ш. 43°45'20.9» в.д.
4	курган Тоун-Адрык	45°55'45.6» с.ш. 44°09'09.1» в.д.
5	курган Три Брата	46°12'34.6» с.ш. 44°09'29.5» в.д.
6	курган Хамур	46°14'31.8» с.ш. 44°01'52.2» в.д.
7	курган Хуюртолга	46°03'24.9» с.ш. 43°38'41.8» в.д.
8	курган Цоорха	46°03'54.1» с.ш. 43°56'19.1» в.д.
9	курган Шаурга	45°56'46.6» с.ш. 44°02'08.9» в.д.
Ики-Бурульский район		
10	курган Бор-Тоухон	45°48'23.9» с.ш. 44°30'24.6» в.д.
11	г. Гарав-Хомур	45°58'22.6» с.ш. 44°30'51.8» в.д.
12	курган Гашун-Худук	45°53'56.1» с.ш. 44°20'11.6» в.д.
13	курган Зюнгар-Зо	45°57'03.6» с.ш. 44°17'06.2» в.д.
14	курган Ивля	45°49'12.1» с.ш. 44°25'16.8» в.д.
15	курган Межень-Толга	45°45'23.7» с.ш. 44°48'24.8» в.д.
16	курган Мушарет	45°41'38.5» с.ш. 44°35'38.5» в.д.
17	курган Санджин-Сала	45°45'17.7» с.ш. 44°20'56.0» в.д.
18	курган Торунтын	45°58'16.6» с.ш. 44°34'26.8» в.д.
19	курган Ут-Сала	45°48'14.4» с.ш. 45°04'59.8» в.д.
20	курган Хоюр-Болдук	45°49'34.5» с.ш. 44°18'09.2» в.д.
21	курган Хундулан	45°43'04.0» с.ш. 44°25'42.8» в.д.
22	г. Шаред	45°38'45.8» с.ш. 44°34'57.7» в.д.
23	курган Шупта-Толга	45°40'55.3» с.ш. 44°54'55.4» в.д.
24	г. Энчин-Хомур	45°53'04.5» с.ш. 44°34'14.5» в.д.
Черноземельский район		
25	курган Бандит	45°04'49.2» с.ш. 45°43'18.3» в.д.

**Кекеев Э.А. Названия археологических памятников Республики Калмыкия
(по картографическим данным XX в.)**

26	Бичкин-Толга	45°06'46.4» с.ш. 46°26'06.4» в.д.
27	Гнездо	45°01'20.0» с.ш. 46°16'35.3» в.д.
28	Хош-Толга	45°17'00.4» с.ш. 46°36'24.3» в.д.
Лаганский район		
29	Алабужинская	45°18'56.3» с.ш. 46°59'03.7» в.д.
30	Бурты	45°07'02.1» с.ш. 46°45'07.1» в.д.
31	Улан-Нур	45°11'00.4» с.ш. 46°49'19.1» в.д.
32	Улан-Эрык	45°06'43.8» с.ш. 46°48'38.5» в.д.
Малодербетовский район		
33	Малтаргын-Толга	47°48'17.6» с.ш. 45°11'01.6» в.д.
Октябрьский район		
34	курган Касьянова Толга	47°37'23.1» с.ш. 45°27'22.9» в.д.
35	Цаган Усна Толга	47°25'10.3» с.ш. 45°31'27.6» в.д.
Сарпинский район		
36	Калмыцкие курганы	47°49'52.4» с.ш. 44°27'24.8» в.д.
37	Курган Нугра	47°46'13.2» с.ш. 44°09'39.4» в.д.
Кетченеровский район		
38	курган Амун Сала-Толга	47°32'15.5» с.ш. 44°57'49.3» в.д.
39	курган Баглон-Толга	47°30'22.8» с.ш. 44°48'36.8» в.д.
40	Гашун-Бургуста	47°14'23.7» с.ш. 44°35'33.6» в.д.
41	Делям-толга	47°18'17.7» с.ш. 44°37'59.4» в.д.
42	курган Каменный	46°58'20.5» с.ш. 44°27'40.2» в.д.
43	курган Кохан-Толга	47°27'14.8» с.ш. 44°52'42.8» в.д.
44	курган Нурга-Толга	47°24'49.5» с.ш. 44°38'35.9» в.д.
45	курган Разрытый	46°58'31.5» с.ш. 44°16'51.3» в.д.
46	Таун-Толга	46°57'50.8» с.ш. 45°23'40.4» в.д.
47	курган Унгилюгин-Толга	47°29'28.5» с.ш. 44°55'45.7» в.д.
48	курган Хош-Толга	47°18'41.2» с.ш. 44°41'42.5» в.д.
49	Хурул	47°04'07.7» с.ш. 44°32'39.3» в.д.
50	Шар-Будук	47°00'56.5» с.ш. 44°34'38.0» в.д.
51	Шопкин-Толга	46°58'17.0» с.ш. 45°40'46.3» в.д.
Юстинский район		
52	Газын-Толга	47°20'06.6» с.ш. 46°12'22.0» в.д.

53	Урга-Толга	46°47'10.3» с.ш. 45°59'11.2» в.д.
Яшкульский район		
54	курган ?ай-Толга	46°37'39.3» с.ш. 45°02'53.7» в.д.
55	курган Абдыр-Толга	46°25'25.5» с.ш. 45°18'14.5» в.д.
56	курган Амта Толга	46°33'58.5» с.ш. 45°04'48.6» в.д.
57	Аремктын-Толга	46°37'11.3» с.ш. 45°13'16.6» в.д.
58	курган Балтынский	46°17'30.3» с.ш. 44°50'38.3» в.д.
59	курган Бур-Худук-Толга	46°28'29.2» с.ш. 45°22'18.9» в.д.
60	Высокий курган	46°40'47.5» с.ш. 45°20'58.5» в.д.
61	курган Джоха-Толга	46°21'43.0» с.ш. 45°06'53.5» в.д.
62	г. Их-Сала	46°28'39.4» с.ш. 45°30'25.8» в.д.
63	курган Мери́на-Шарльджин	46°36'01.7» с.ш. 45°08'52.1» в.д.
64	г. Му-Сала	46°29'13.5» с.ш. 45°38'26.6» в.д.
65	Нелям-Боро	46°48'13.0» с.ш. 45°23'36.7» в.д.
66	курган Немек Харт	46°36'16.1» с.ш. 45°04'12.8» в.д.
67	бугор Таун-Унчук	46°02'59.0» с.ш. 44°54'19.5» в.д.
68	г. Тесерке-Толга	46°23'22.5» с.ш. 45°47'37.9» в.д.
69	курган Халдеждын	45°50'07.2» с.ш. 45°13'42.6» в.д.
70	курган Шарадрык	46°15'31.4» с.ш. 45°19'46.8» в.д.
71	Шулка-Толга	46°41'29.0» с.ш. 45°15'54.5» в.д.
72	Энчин-Эндырь	46°44'51.7» с.ш. 45°10'37.2» в.д.
73	Эрых-Толга	46°48'34.2» с.ш. 45°38'13.0» в.д.
Целинный район		
74	курган Джяльдже	46°20'02.3» с.ш. 44°04'35.3» в.д.
75	курган Мухутинский	46°52'42.0» с.ш. 44°25'55.2» в.д.
76	Пять курганов	46°54'06.5» с.ш. 44°19'11.0» в.д.
77	Тавун-Толга	46°30'12.4» с.ш. 44°50'55.6» в.д.

**Кекеев Э.А. Названия археологических памятников Республики Калмыкия
(по картографическим данным XX в.)**

Таблица 2

**Курганы на территории современной Республики Калмыкия
обозначенные на картах 2-й пол. XX в.**

№	Тип, название объекта	Географические координаты
Яшалтинский район		
1	курган Верблюд	46°07'51.9» с.ш. 42°42'07.0» в.д.
2	курган Хартолга	46°26'05.7» с.ш. 42°13'40.2» в.д.
Приютненский район		
3	курган Братга	46°16'29.2» с.ш. 43°48'18.7» в.д.
4	курган Глубокая Балка	45°58'40.4» с.ш. 44°08'07.8» в.д.
5	курган Годжур	46°19'13.6» с.ш. 43°45'24.1» в.д.
6	курган Мергень-Тоухун	46°07'50.0» с.ш. 43°55'21.8» в.д.
7	курган Мергень-Адрик	46°06'31.6» с.ш. 43°52'16.9» в.д.
8	курган Мухтинский	45°48'35.8» с.ш. 44°05'23.5» в.д.
9	курган Никаноров	46°05'59.2» с.ш. 43°35'36.9» в.д.
10	курган Придорожный	46°03'20.8» с.ш. 43°38'53.5» в.д.
11	курган Три Брата	46°12'32.9» с.ш. 44°09'16.5» в.д.
12	курган Таун-Адрык	45°55'43.5» с.ш. 44°09'14.8» в.д.
13	курган Хамур	46°14'29.6» с.ш. 44°01'40.4» в.д.
14	курган Хатинский	46°16'08.5» с.ш. 44°06'18.1» в.д.
15	курганы Хурул	46°14'04.1» с.ш. 43°58'29.2» в.д.
16	курган Шаурга	45°56'49.1» с.ш. 44°02'27.7» в.д.
Ики-Бурульский район		
17	курган Близнец	45°42'04.9» с.ш. 45°18'22.3» в.д.
18	курган Зунда-Толга	45°37'25.4» с.ш. 44°13'35.7» в.д.
19	курган Зюрган-Зо	45°57'00.8» с.ш. 44°17'01.1» в.д.
20	курган Ивля	45°49'12.1» с.ш. 44°25'16.8» в.д.
21	бугор Пять Курганов	45°27'18.5» с.ш. 44°58'49.1» в.д.
22	курган Санджин-Сала	45°45'10.6» с.ш. 44°20'53.4» в.д.
23	курган Хоюр-Болдун	45°49'18.9» с.ш. 44°18'15.5» в.д.
24	курган Хундулан	45°42'57.2» с.ш. 44°25'45.4» в.д.
25	курган Цаган-Ташу-Толга	45°41'27.5» с.ш. 44°13'50.3» в.д.
26	курган Шашын-Толга	45°55'20.1» с.ш. 44°25'00.0» в.д.

Черноземельский район		
27	бугор Барун-Толга	45°37'37.3» с.ш. 46°48'26.1» в.д.
28	курган Кордон-Толга	45°11'39.7» с.ш. 45°27'03.1» в.д.
29	курган Цепной	45°36'23.6» с.ш. 45°28'32.3» в.д.
Малодербетовский район		
30	курганы Водинские	48°05'46.1» с.ш. 44°20'33.3» в.д.
31	курган Ильков	47°58'54.8» с.ш. 44°42'01.7» в.д.
32	курганы Отрезенские	48°10'55.3» с.ш. 44°19'53.3» в.д.
33	курган Сага-Толга	47°44'12.3» с.ш. 45°00'01.6» в.д.
Сарпинский район		
34	курганы Доменские	47°25'10.2» с.ш. 43°48'43.0» в.д.
35	курган Перепелкин	47°40'44.5» с.ш. 44°32'40.8» в.д.
36	курган Совкин Хар-Толга	47°32'37.2» с.ш. 44°49'01.2» в.д.
Октябрьский район		
37	курган Касьянова Толга	47°37'29.1» с.ш. 45°26'49.4» в.д.
Кетченеровский район		
38	курган Гал-Толга	47°17'04.7» с.ш. 44°53'39.4» в.д.
39	курган Горвун-Адрык	47°26'18.9» с.ш. 44°54'13.4» в.д.
40	курган Каменный	46°58'30.5» с.ш. 44°27'08.4» в.д.
41	курган Нугра-Толга	47°24'53.1» с.ш. 44°38'28.4» в.д.
42	курган Цаган-Толга	47°16'12.9» с.ш. 44°53'10.6» в.д.
43	курган Чоха-Толга	47°29'36.6» с.ш. 44°55'48.8» в.д.
44	курган Шар-Дарялык	46°53'47.2» с.ш. 44°44'07.9» в.д.
Яшкульский район		
45	курган Ацха-Хар-Толга	46°13'57.6» с.ш. 45°24'05.8» в.д.
46	курган Итлик-Толга	46°47'00.7» с.ш. 45°05'56.4» в.д.
47	курган Тесерка-Энкрик-Толга	46°41'51.3» с.ш. 45°11'40.8» в.д.
48	курган Унгуцунур	46°20'55.5» с.ш. 44°58'01.2» в.д.
49	курган Хар-Толга	46°19'45.5» с.ш. 45°19'59.2» в.д.
50	курган Херена-Худук	46°44'06.0» с.ш. 45°51'07.2» в.д.
51	бугор Цаган-Толга	46°49'39.5» с.ш. 45°07'16.8» в.д.
52	курганы Чилгирские	46°20'37.5» с.ш. 44°53'20.0» в.д.
53	курган Шарва-Толга	46°44'05.1» с.ш. 45°05'55.6» в.д.
54	бугор Ялман-Улан-Толга	46°14'45.0» с.ш. 45°29'11.5» в.д.

Кекеев Э.А. Названия археологических памятников Республики Калмыкия
(по картографическим данным XX в.)

Целинный район		
55	курган Бор-Нур	46°29'26.0» с.ш. 44°37'05.2» в.д.
56	курган Джальдже	46°20'01.4» с.ш. 44°04'32.8» в.д.
57	курганы Мугатинские	46°52'48.3» с.ш. 44°25'59.7» в.д.
58	курган Муктын-Толга	46°24'06.3» с.ш. 44°38'22.0» в.д.
59	урочище Пять Курганов	46°54'07.1» с.ш. 44°18'48.5» в.д.
60	курган Теремтин-Толга	46°37'13.1» с.ш. 45°00'59.0» в.д.
61	курган Шокуньский	46°11'55.6» с.ш. 44°24'50.6» в.д.

Таблица 3

**Курганы на территории современной Республики Калмыкия,
обозначенные на разных картах 2-й пол. XIX — XX вв.**

Вариации названий объектов (серым выделены — изменившиеся названия; полужирным шрифтом и курсивом выделены изменившиеся части названий)

№	№ по группам	Военно-топографическая пятиверстная карта Кавказского края 1877 г.	Специальная карта Европейской России 1882 г.	Карты РККА (1925–1941 гг.)	Карты 2-й пол. XX в.	Район Калмыкии
1	1	К. Гелюнь-толга (Кольтюба)	К. Гелонгала		курган Зунда-Толга	Ики-Бурульский
2	2	К. Армянский	Б. Армянский			Лаганский
3	3	Красный кургань	К. Красный			Лаганский
4	4	К. Кумская вагага	Б. Кумская вагага			Лаганский
5	5	К. Лахматинь-Толга	К. Лахмагентагала			Ики-Бурульский
6	6	К. Майли-хара	К. Майли хара			Черноземельский
7	7	К. Тулгай	К. Тулга			Яшалтинский
8	8	К-ны Тюень-норь-толга	К. Тюеньнорь Толга			Яшалтинский
9	9	К. Халта толга	К. Халгачалга			Яшалтинский
10	10	К. Шувгурь-толга	К. Шевгурчалга			Яшалтинский
11	11	Эмта-худукь-толга	К. Эмта худ. Талга			Черноземельский
12	1	В. (вершина) Толзунь-толга			бугор Пять Курганов	Ики-Бурульский
13	2		Кур. Цазань-толга		курган Сага -Толга	Малодербетовский
14	3	К. Танкинь-села			курган Мухтинский	Приютненский
15	4		Кур. Мандожа-шара -толга		курган Итлик -Толга	Яшкульский
16	5			курган Хурьтолга	курган Придорожный	Приютненский
17	6			г. Их-Сала	г. Синий Бугор	Яшкульский
18	7			курган Унгилюгин -Толга	курган Чоха -Толга	Кетченеровский

**Кекеев Э.А. Названия археологических памятников Республики Калмыкия
(по картографическим данным XX в.)**

19							
20			курган Тәун-Адрык	курган Тәун-Адрык	Приютненский		
21			г. Харав-Хомур	г. Харав-Хомур	Ики-Бурульский		
22			курган Зюигар-Зо	курган Зюигар-Зо	Ики-Бурульский		
23			курган Хотор-Болдук	курган Хотор-Болдук	Ики-Бурульский		
24			курган Нузга-Толга	курган Нузга-Толга	Кетченеровский		
25			курган Джэльдже	курган Джэльдже	Целинный		
26			курган Мухутинский	курганы Мухутинские	Целинный		
27			курган Верблюд	курган Верблюд	Яшалтинский		
28			курган Годжур	курган Годжур	Приютненский		
29			курган Три Брата	курган Три Брата	Приютненский		
30			курган Хамур	курган Хамур	Приютненский		
31			курган Шаурга	курган Шаурга	Приютненский		
32			курган Ивля	курган Ивля	Ики-Бурульский		
33			курган Санджин-Сала	курган Санджин-Сала	Ики-Бурульский		
34			курган Торунтын	курган Торунтын	Ики-Бурульский		
35			курган Хундулан	курган Хундулан	Ики-Бурульский		
36			курган Касьянова Толга	курган Касьянова Толга	Октябрьский		
37			курган Каменный	курган Каменный	Кетченеровский		
38			г. Му-Сала	г. Му-Сала	Яшкульский		
			бугор Таун-Унчук	бугор Таун-Унчук	Яшкульский		

ПОЛОВЕЦКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ВОИНА У СЕЛА КРАСНЫЙ ПАРТИЗАН*

*Буратаев Евгений Гаврилович*¹

*¹ научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии
Калмыцкого научного центра РАН (г. Элиста).*

E-mail: burataev1981@mail.ru

Аннотация. В 1982 г. в ходе строительных работ на автодороге у села Красный Партизан Яшалтинского района, было обнаружено погребение в кургане. Исследованное специалистами погребение примечательно своим изваянием, не имеющим аналогов. Изваяние неоднократно упоминалось в публикациях разного времени, однако материалы описания погребения опубликованы не были. Они приводятся в настоящей статье на основании рукописи полевого отчета археологических работ 1982 г. в Республике Калмыкия (руководитель работ — Е.В. Цуцкин). Изучение сравнительного материала показывает, что погребение можно отнести к половецким памятникам золотоордынского времени (XIII — начало XIV вв.)

Ключевые слова: половцы, изваяние, курган, погребение, обряд, Золотая Орда, Яшалтинский район Республики Калмыкия, село Красный Партизан.

В сфере изучения археологических памятников средневековья особый интерес представляет период «поздних кочевников». Этот этап истории включает в себя довольно широкий диапазон этнических объединений, проживавших в Великой степи в разные хронологические отрезки в XI–XV вв. н. э. Археологическая интерпретация позднекочевнических погребений на территории Калмыкии предполагает их печенежско-огузскую, торческую, половецкую и золотоордынскую принадлежность [Круглов 2003: 13–82; Васюткин 1993: 11–27].

Примечательный погребальный комплекс, датированный периодом поздних кочевников, был открыт в 1982 г. у с. Красный Партизан Яшалтинского района Калмыцкой АССР. В течение полевого сезона 1982 г. наряду со спасательными археологическими раскопками в Сарпинской низменности археологическая экспедиция Калмыцкого научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики (далее — КНИИИФЭ) произвела срочное исследование кургана груп-

*Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Рис. 1. Географическое расположение курганной группы *Красный Партизан*. Яшалтинский район Республики Калмыкия

пы Красный Партизан. Археологические работы были осуществлены по заявке, поступившей с места нахождения памятника. Получив задание, небольшая группа археологов во главе с Е.В. Цуцкиным выдвинулась на место проведения строительных работ, где и провела необходимые мероприятия.

На месте ученые установили, что в процессе закладки насыпи автодороги к возведенному кормоцеху была разрушена насыпь кургана. В результате сноса части насыпи рабочими было обнаружено погребение с каменной скульптурой, датированное авторами раскопок позднекочевническим периодом. Каменное изображение руководитель раскопок назвал «надгробием». По словам рабочих несколько деталей надгробия были снесены в насыпь дорожного полотна и покрыты асфальтом.

Скульптурное изображение вошло в научный оборот под названием «надгробие» и отображено в ряде статей У.Э. Эрдниева и М.А. Очир-Горяевой [Эрдниев 1990: 129; Очир-Горяева 2009: 63]. Оба исследователя подчеркивают, что аналогий данному скульптурному изображению нет. В статье впервые публикуется материал описания погребения на осно-

вании машинописного текста полевого отчета, хранящегося в Научном архиве КалмНЦ РАН. Графическая часть полевого отчета (чертежи погребения, фотографии и рисунки археологических находок) в архиве отсутствует, ее судьба остается неизвестной.

Исследованный курган находился на территории животноводческого комплекса по откорму крупного рогатого скота мясосовхоза «Элистинский» Яшалтинского района Калмыцкой АССР. Комплекс расположен в 1 км на северо-востоке от села Красный Партизан. Насыпь кургана располагалась в 40 м к западу от кормоцеха (см. рис. 1).

Найденное изваяние или «надгробие» состояло из тулова и постамента. Общая высота скульптуры — 0,70 м. Изображение имеет утолщенную среднюю часть, над которой находилась полумесяц или рога (концами вверх). Тулово скульптуры под перекрестием переходит в прямоугольный конец, который вставлялся в специальное углубление в постаменте. На момент передачи изваяния специалистам сохранилось несколько небольших обломков постамента, однако в тексте полевого отчета эти фрагменты не отображены. Вокруг места нахождения изваяния рабочими было обнаружено скопление костей животных, часть из которых отложили в сторону. Однако информации о костях и фиксации вероятно жертвенного места вокруг надгробия в полевом отчете нет.

В ходе работ по зачистке курганной насыпи было обнаружено могильное пятно прямоугольной формы, ориентированное длинной осью по линии В–З. Длина пятна — 2,13 м, ширина — 0,67 м в восточной части и 0,80 м — в западной. Западная часть стенки была сильно разрушена. Дно могилы было зафиксировано на уровне — 175 см в средней части и — 169 см в восточной части ямы.

В процессе выемки засыпи могильной ямы встречены:

Кости овцы над погребением и в юго-западном углу на уровне 57 см.

Фрагменты костяных обкладок на уровне 84 см, в юго-восточном углу и рядом остатки дерева.

Берестяной предмет у северной стенки в 60 см к западу от восточной стенки на уровне 84 см (остатки колчана?).

На дне могильной ямы был открыт скелет взрослого человека, мужчины, лежащего вытянуто на спине, головой на запад. Череп лежал на правой стороне лицом к югу. Корпус расположен прямо. Правая рука вытянута строго вдоль туловища, левая согнута слегка в локте, и локтевая часть немного отведена в сторону от корпуса, кисть лежит в области таза. Кости таза расположены параллельно друг другу. Ноги вытянуты, стопы не соприкасались.

Над скелетом погребенного обнаружены остатки деревянного перекрытия. За головой, поперек ямы, проходила плашка, сохранившаяся длина которой составила 20 см, ширина — 5 см. Над черепом и в области груди сохранился тлен дерева, волокнами ориентированного

вдоль длинной оси ямы. Среди тлена обнаружено три фрагмента плашек. Вдоль южной стенки в продольном направлении сохранились следы плахи шириной 7 см, длина сохранившейся части — 55 см. Поперек правого предплечья лежала деревянная плашка шириной 4 см. Под ней были остатки плашек, ориентированные по длинной оси ямы. На правой бедренной кости лежала продольная и поперечная плахи. Реконструкция перекрытия не представлялась возможной, но можно предположить, что она состояла из продольных и поперечных плах.

На дне ямы также был обнаружен ряд находок. На головке правой бедренной кости погребенного лежала кольцевидная железная пряжка. Железное стремя было найдено на правой стопе. Между правой стопой и южной стенкой ямы был обнаружен фрагмент железных кольчатых удил. Железные черешковые наконечники стрел лежали между левым верхним плечевым суставом и северной стенкой подбоя на уровне 176 см. У тазобедренного сустава на уровне 173 см острием к ногам лежал железный кинжал. Острие кинжала было обломано и найдено рядом. Остатки берестяного колчана были зафиксированы на левом локте. Выше, в насыпи ямы нашли другой фрагмент колчана. Колчан был ориентирован вдоль длинной оси ямы, основанием к ногам. Ширина его составляла 11 см, длина не установлена [НА КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 29].

Что касается дальнейшей судьбы находок, то в фондах Национального музея республики Калмыкия им. Н.Н. Пальмова хранится ряд обнаруженных предметов: фрагменты бересты (колчана) очень плохой сохранности, железный кинжал с треугольным в сечении лезвием и фрагмент железных удил (кольцо). Костный материал захоронения должен был поступить в КНИИИФЭ, но в фондах хранилища КалмНЦ РАН (преемника этого института) он не выявлен.

По сопутствующему материалу погребение и курган были датированы позднекочевническим временем. При этом ритуал погребения носит мусульманский характер: череп погребенного был повернут на юг, к Мекке. Отслеживая мусульманскую обрядность погребений в целом, следует отметить наличие таких важных для канонического захоронений деталей, как ориентировка погребенного в сторону священной Каабы в г. Мекка, отсутствие внешних признаков могилы и отсутствие в погребении какого-либо инвентаря. Однако в нашем случае погребение снабжено постаментом-«надгробием», то есть было отмечено на поверхности, имело инвентарь с включениями предметов конской упряжи, что в целом характерно для кочевников средневековья XIII–XIV вв. К тому же отмеченный автором раскопок доворот лицевого отдела черепа погребенного на юг, вероятно, носит случайный характер как следствие проседания досок перекрытия.

В XIII–XIV вв. языческие верования и традиции кочевавших на этой территории племен стали постепенно смешиваться с пришлыми мусуль-

манскими верованиями [Васильев 2007]. Процесс проникновения новых религиозных взглядов в эти места шел, по-видимому, достаточно сложно, и, как представляется, затрагивал преимущественно верхушку обитавшего здесь этноса. Это явление объясняется некоторыми особенностями местного значения: удаленность от религиозных центров, отсутствие постоянных поселений, языковой барьер. Эти и многие другие факторы осложняли проникновение ислама в среду рядовых общинников. Как известно, новые веяния с неохотой, а порой даже враждебно встречаются тем или иным сообществом. Первым мусульманским проповедникам того времени приходилось подстраиваться под существующие религиозные традиции в обществе. В пользу этого мнения можно привести исследования Д.В. Васильева, который, рассмотрев и проанализировав комплекс погребений золотоордынского времени Казахстана, Татарстана, Поволжья и Юга России, выделил две основные группы погребений: погребения с соблюдением и без соблюдения мусульманских канонов ислама [Васильев 2007].

Процесс перехода от язычества к монотеизму вероятно отразился и на похоронном ритуале данного погребения. Но такое предположение справедливо лишь в том случае, если описанное скульптурное изображение («надгробие») действительно было изначально поставлено при погребении, а не перенесено из другого места. Кроме того, следует учесть признаки погребального обряда рассмотренного погребения: одиночное (вероятно воинское) захоронение, западная ориентировка костяка погребенного, оснащенность традиционным для кочевника колчанным набором со стрелами, наличие в могиле предметов конской упряжи, которые стали эквивалентом захоронения коня или его чучела. Отметим также наличие надгробия-изображения и надмогильной конструкции в виде каменной обкладки, о которой в полевом отчете не упоминалось, но о ее наличии говорилось в статьях и сообщениях непосредственного участника археологических работ сезона 1982 г. М.А. Очир-Горяевой [Очир-Горяева 2008: 205; 2009: 63]. Все это позволяет нам отнести комплекс погребения у с. Красный Партизан к половецким памятникам золотоордынского времени, то есть к XIII – началу XIV вв. Отсутствие в комплексе погребения предметов дорогого инвентаря, таких как меч, сабля, элементы брони, может свидетельствовать о том, что погребенный был представителем непривилегированного населения и, по всей видимости, в воинском отряде являлся рядовым лучником.

Вопрос интерпретации самого изображения или надгробия остается открытым. Не совсем ясна сама фигура и ее трактовка, однако наличие на поверхности насыпи каменной оградки, на что указала М.А. Очир-Горяева, подтверждает гипотезу о принадлежности данного погребального комплекса половецкому культурно-историческому сообществу.

Источники

Научный архив Калмыцкого научного центра РАН (НА КалмНЦ РАН).

Литература

Васильев Д.В. Ислам в Золотой Орде: Историко-археологическое исследование. Астрахань, Издательский дом «Астраханский университет» 2007. 192 с.

Васюткин С.М. О периодизации этнической истории средневековых кочевников Восточной Европы // Проблемы всемирной истории. Элиста: АПП «Джангар», 1993. С. 11–27.

Круглов Е.В. Печенеги и огузы: некоторые проблемы археологических источников // Степи Европы в эпоху средневековья: Сб. науч. трудов. Донецк: Донецкий национальный университет, 2003. Т. 3. С. 13–82.

Очир-Горяева М.А. Археологические памятники Волго-Маньчских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.). Элиста: Герел, 2008. 298 с.

Очир-Горяева М.А. Стрелы и колчаны золотоордынцев // Сокровища культуры Калмыкии. М.: Наследие, 2009. С. 63.

Эрдниева У.Э. Об идеологических представлениях древних племен (на археологических материалах Калмыкии) // Вопросы археологии юга Восточной Европы. Сб. науч. трудов. Элиста: КГУ, 1990. С. 122–132.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ИЗ КУРГАННОЙ ГРУППЫ ДЮКЕР В КАЛМЫКИИ (по материалам полевого отчета Е.В. Цуцкина и по коллекции КалмНЦ РАН)*

*Шарманджиева Цагана Владимировна¹,
Манджиева Влада Владимировна²*

¹ младший научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра РАН (г. Элиста).

E-mail: tsaganashm@gmail.com

² младший научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра РАН (г. Элиста).

E-mail: vlada.mandzhieva@mail.ru

Аннотация: В статье представлены результаты анализа археозоологического материала из курганной группы Дюкер (Республика Калмыкия), в котором было исследовано 24 кургана с костным материалом и разновременными погребениями. В ходе работы было осуществлено детальное описание костных останков животных, обнаруженных в погребениях с разной культурно-хронологической принадлежностью, определение их видового состава, а также их сравнение. Костный материал изучен в ходе камеральной работы и последующей паспортизации. При описании костных остатков использовались анатомические атласы, определители и рабочие коллекции позвоночных животных. Результаты исследования показывают, что в целом в погребальном памятнике Дюкер костные останки коллекции принадлежали домашним животным следующих видов (перечисление дано в порядке убывания частотности находок): мелкий рогатый скот (*Ovis aries*), лошадь (*Equus caballus*), собака (*Canis familiaris*), крупный рогатый скот (*Bos taurus*).

Ключевые слова: археозоология, животные останки, курганная группа Дюкер, археология, остеологический материал, Республика Калмыкия.

В последнее время изучение археозоологического материала погребальных памятников стало особенно актуальным. Подробный археозоологический анализ костного материала позволяет раскрыть следующие аспекты жизни древних обществ: описание и выявление ведущих

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

направлений животноводства; условий содержания разводимого скота с определением их видовых особенностей; подсчет объема и специфики мясного потребления в установившейся системе жизнеобеспечения древнего населения [Антипина 2003; Асылгараева 2013].

Представляемая коллекция происходит из спасательных раскопок курганной группы Дюкер, проводившихся летом в 1982 г. на территории Октябрьского района Республики Калмыкия. Группа находится в 6,5 км к югу от пос. Джангар. В ходе работ при исследовании курганной группы Дюкер были установлены хронологические рамки слоев погребения: эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья [Очир-Горяева 2008: 96]. Общие сведения и погребальный инвентарь данной курганной группы описан в литературе [Буратаев 2017]. Однако археозоологический (костный) материал, обнаруженный во время раскопок и хранящийся в КалмНЦ РАН, ранее специально не изучался.

Цель исследования заключается в комплексном изучении археозоологического материала из погребений курганной группы Дюкер. Прежде всего мы осуществили количественный учет и определили видовой состав останков позвоночных животных из коллекций фондохранилища КалмНЦ РАН. В качестве дополнительного источника был привлечен полевой отчет археологической экспедиции КНИИИ-ФЭ 1982 г. под руководством Е.В. Цуцкина, где частично был описан изучаемый остеологический материал [НА КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 29]. Сравнение полевого отчета с имеющимися костным материалом показывает неполноту последнего: часть его утрачена вследствие сложной судьбы костных коллекций, хранившихся ранее в ненадлежащих условиях.

Данное исследование основывается на системном подходе определения и описания костей животных по общепринятым археозологии методикам [Антипина 2003]. Обработка костного материала проводилась в процессе ручной переборки и паспортизации. При описании костных остатков использовалась специальная литература, анатомические атласы, определители и рабочие коллекции позвоночных животных [Зеленевский, Васильев, Логинова 2005; Хрусталева, Михайлов, Шнейберг 2004; Вракин, Сидорова, Панов 2001]. Таксономическая идентификация костей животных определялась до видового уровня, где фиксировалась степень раздробленности кости. Статистическую обработку полученных результатов проводили при помощи прикладных программ Microsoft Office Access и Microsoft Office Excel.

В погребальном памятнике Дюкер комплексы костей животных встречаются нечасто. В полевом отчете указано, что они зафиксированы в 23 погребениях, а также в 2 ровиках и 1 насыпи курганов. В коллекциях фондохранилища КалмНЦ РАН хранятся кости лишь из 15 погребений.

Согласно полевому отчету по культурно-хронологической принадлежности они распределены так: 1 погребение ямной культуры, 1 — катакомбной, 1 — срубной, 12 — сарматского времени, 3 — хазарского, 3 — поздних кочевников, 1 — золотоордынского и 1 — неопределенного времени. Из приведенных данных видно, что значительная часть погребений принадлежит сарматскому времени.

Сохранившиеся костные останки из погребений Дюкер в основном принадлежат домашним животным: крупному и мелкому рогатому скоту, лошадям и собакам. В остеологических комплексах по частоте встречаемости костей преобладает мелкий рогатый скот (56,5 %). Несколько реже в них присутствуют останки лошади (34,8 %). Очень низка в погребениях доля крупного рогатого скота (4,35 %) и собак (4,35 %). При этом кости собаки представлены только как сопровождающее животное (см. табл. 3 в конце статьи). Сравнение количества костного материала, указанного в полевых отчетах, и фактическим наличием костей, имеющих в коллекции, показало, что данные незначительно разнятся.

При анализе и описании костного материала использовались такие определения, как напутственная пища и сопровождающее захоронение животных. Напутственная пища представляет собой именно мясные части животных, кости или фрагменты костей. Сопровождающие захоронения представлены в погребениях в виде целых скелетов, сохранившихся, следовательно, при укладывании в захоронение туши или чучела животного.

Кости животных из погребений эпохи бронзы (ямная, катакомбная, срубная культуры).

Ямная культура в курганной группе Дюкер представлена одним погребением: погребение 6 кургана 31. Согласно полевому отчету здесь были найдены кости конечностей и ребро ягненка. В коллекции фондохранилища сохранились трубчатые кости без эпифизов и ребро ягненка.

Одно погребение принадлежит *катакомбной культуре* — погребение 8 кургана 27. Согласно полевому отчету здесь были найдены кости овцы: череп, кости конечностей, позвонки, ребра. В коллекции фондохранилища имеются кости овцы (плечевая, бедренная, фрагменты метаподии и позвонка) в плохой сохранности.

Срубная культура также была представлена одним погребением — погребение 1 кургана 27. Согласно полевому отчету здесь были обнаружены позвонки овцы, а в ногах погребенного была захоронена собака прямо над стопами ног. Однако эти кости не сохранились в коллекции. Не исключено, что захоронение собаки было совершено преднамеренно к ранее умершему человеку [Буратаев 2018].

Таким образом, для погребений Дюкера бронзового века характерно отсутствие погребального инвентаря или же скудное его количество, а также бедность ритуальной пищи в виде костей овец [Шилов 1982].

Кости животных из погребений сарматского времени. В полевом отчете указаны 12 погребений, а также ровик, которые содержали непутственную мясную пищу и в которых, соответственно, сохранились кости каких-либо животных. Однако в коллекции хранилища КалмНЦ РАН сохранился костный материал лишь из 5 погребений сарматского времени (см. табл. 3).

Из данных отчета следует, что среди костных останков животных преобладают кости овцы, которые были найдены в 10 сарматских погребениях, а также в ровике. Значительно реже встречаются кости собаки. В трех погребениях (в погребении 1 кургана 10, в погребении 3 кургана 11, в погребении 1 кургана 28) найденные кости животных не поддаются установлению видовой принадлежности. Останки животных представлены в основном тазовыми костями и костями задней конечности в сочленении. В погребениях кости животных располагались по большей части возле верхней части туловища погребенного (50 %), гораздо реже в нижней части (35,7 %). В ряде погребений кости животных находились в северо-западном углу ямы (7,15 %) и на дне северной части ямы (7,15 %) (см. табл. 1).

В погребениях сарматского времени встречаются следующие анатомические наборы мелкого рогатого скота: тазовые, бедренные и большеберцовые кости овец. Кости задних конечностей овцы были обнаружены в четырех погребениях данной курганной группы: в погребении 1 кургана 2, погребении 1 кургана 12, погребении 1 кургана 17 и погребении 1 кургана 21.

Кости лошади встречены лишь в погребении 1 кургана 11 и в погребении 1 кургана 12. Следует отметить, что в полевом отчете кости лошади не фиксировались, они были идентифицированы авторами позже, по материалам коллекций КалмНЦ РАН. Лошади сарматских погребений были представлены костями таза, бедра, голени, стопы и пястей, то есть полной задней конечностью.

Среди костных останков имеются кости животных, не поддающиеся точной атрибуции. Это связано с плохой сохранностью костей животных, которые были встречены в одном погребении сарматского времени: в погребении 1 кургана 12.

Также в двух погребениях были обнаружены захоронения собак, которые являлись сопровождающими животными: в погребении 1 кургана 9 и погребении 1 кургана 10 (см. табл. 2).

Таким образом, в погребениях сарматского времени преобладает мелкий рогатый скот. Традиционно в погребении оказывается задняя конечность овцы в сочленении. Также в могильниках встречаются кости лошади в погребальных ритуалах и скелеты собак как сопровождающих животных. Анализ анатомической структуры фрагментов костей животных в погребениях не выявляет четких закономерностей [см., напр., Яворская, Коробкова 2011].

Кости животных из погребений хазарского времени. В рассматриваемом погребальном памятнике Дюкер встречено лишь три погребения хазарского времени: погребение 1 кургана 15; погребение 6 кургана 27; погребение 5 кургана 31.

Из отчета следует, что в погребении 1 кургана 15 обнаружены три вида животных: лошадь, мелкий и крупный рогатый скот. Кости лошади в захоронении представлены неполным скелетом: череп, позвонки, крестец, ребра и кости конечностей. Рядом с погребенным лежали кости мелкого рогатого скота: кости конечностей ягненка и скелет овцы.

Видовой состав погребения 6 кургана 27 представлен костями лошади, мелкого рогатого скота и грызунов. Положение указанных животных в погребениях таково: крестец лошади лежал на блюде, неполный скелет овцы лежал в средней части блюда рядом с погребенным, а кости ягненка, представленные черепом и костями конечностей, располагались у бедра погребенного. Кроме того, в полевом отчете описаны две пары черепов сусликов и хорьков, находившихся рядом с погребенным (табл. 1).

В погребении 5 кургана 31 обнаружены расчлененные костяки овцы и ягненка, которые являлись сопровождающими животными.

Сравнение данных из отчета и фондов костехранилища показало, что костный материал из погребений хазарского времени сохранился целиком.

В большом кургане 15, который богат различным остеологическим материалом, обнаружены кости лошади, мелкого и крупного рогатого скота. Кости лошади представлены почти полным скелетом, то есть фрагментами черепа, ребрами, позвонками, крестцом и костями стоп. Кости мелкого рогатого скота, были встречены в насыпи кургана и представлены трубчатыми костями без эпифизов. В погребении находились позвонки, крестец и метаподии овцы. Следует отметить связанный с этим погребением факт нахождения в данном погребении костей задней конечности крупного рогатого скота: здесь имелись тазовые кости, крестец и большеберцовая кость — это единственный случай такого рода. Также в кургане 15 были встречены кости животных в плохой сохранности, поэтому идентифицировать их не удалось.

В погребении 6 кургана 27 археозоологический материал был представлен костями неопределенного животного, лошади и мелкого рогатого скота. К костям лошади относятся фрагменты нижней челюсти, крестец, позвонки и таранной кость. Костный материал мелкого рогатого скота представлен позвонками, ребрами, крестцом и астрагалами овцы. Обнаружены фрагменты мозгового отдела черепа животного в данном погребении, но вид из-за плохой сохранности определить не удалось.

В погребении 5 кургана 31 находились кости лошади, мелкого рогатого скота. Кости лошади представлены тремя костями стоп, таранной

и пяточной костями. Мелкий рогатый скот представлен плохо сохранившимися костями ягненка и неполным скелетом овцы. Также в этом погребении были найдены позвонок и фрагмент трубчатой кости в плохой сохранности, поэтому определить вид животного не удалось.

В двух погребениях (курган 15, погребение 1 и курган 31, погребение 5) были найдены останки сопровождающих животных. В обоих случаях были встречены скелеты овцы и лошади.

По мнению П.М. Кольцова, при похоронах хазарского времени покойников снабжали разнообразным инвентарем и напутственной пищей, остатки которой встречаются в виде костей животных, преимущественно овец и лошадей. Часто в могилу клали ритуальных животных: лошадей (взнузданная и оседланная шкура) и баранов (шкура или целый остов) в сочетании друг с другом. Помимо целого скелета коня в могилах встречаются их чучела, в виде сложенной или растянутой шкуры [Кольцов 2016: 81–86]. Эти выводы подтверждаются и погребениями хазарского времени исследуемого нами могильника. Во всех трех погребениях был найден богатый археозоологический материал, который представлен полным скелетом мелкого рогатого скота и лошади.

Кости животных из погребений поздних кочевников. В данной курганной группе всего четыре погребения, которые относят к позднекочевническому времени: погребения 4, 5 и 9 кургана 27, погребение 1 кургана 32. Следует отметить, что ряд костных находок, относящихся к этим погребениям и имеющихся в коллекции КалмНЦ РАН, в отчете не отражен.

Анализ показал, что в погребениях эпохи поздних кочевников встречаются кости лишь двух видов животных: мелкий рогатый скот и лошади. В двух погребениях встречены кости мелкого рогатого скота: в погребении 4 кургана 27 было найдено ребро овцы, а в погребении 9 кургана 27 — плечевая кость, лопатка, ребра и метаподии. Также в погребении 9 кургана 27 были встречены кости лошади: пяточная и таранная кости, два предплечья, пара большеберцовых костей и стопа. В погребении 1 кургана 32 были встречены фрагменты зубов животного, вид которого определить не удалось.

Захоронения сопровождающих животных (лошадей) были обнаружены в трех погребениях поздних кочевников: погребения 4 и 5 кургана 27, погребение 1 кургана 32. Погребение человека с конем или его чучелом — традиция, распространенная среди кочевнических народов. По мнению В.А. Ларенок, погребения человека у поздних кочевников почти всегда сопровождалось захоронением с конем, что подтверждается и нашими данными [Ларенок, Ларенок 2005].

Кости животных из погребений золотоордынского времени. В погребальном памятнике Дюкер имеется одно золотоордынское погребение: погребение 1 кургана 13. В этом погребении обнаружено сопровож-

ждающее захоронение лошади. В фондохранилище хранятся следующие кости лошади: череп, передние и задние конечности, кость предплечья и кости хвоста. Следует заметить, что захоронение лошади рядом с погребенным является характерной чертой погребального обряда золотоордынского времени. Например, в золотоордынском погребении на территории Малодербетовском районе было найдено сопровождающее животное — лошадь, от которой сохранились лежащие в анатомическом порядке череп, кости ног, отрубленные по 4-й сустав, хвост и черный тлен от шкуры [Верещагин, Кольцов 2012]. Таким образом, захоронение лошади рядом с погребенным является одной из характерных черт золотоордынского погребального обряда.

Кроме того, в курганной группе Дюкер встречаются единичные погребения более раннего или неопределенного времени, в которых также имеется остеологический материал.

Кости животных из погребений с неопределенной датировкой. Погребение 3 кургана 27, не имеющее определенной культурно-хронологической принадлежности, содержит кости собаки. В коллекции они представлены: трубчатыми костями без эпифизов, костями голени, пястными костями, ребрами, позвонками.

Таким образом, исследование археозоологического материала курганной группы Дюкер позволяет нам сделать вывод о том, что наупутственная пища характерна для всех культурно-хронологических групп.

Эпоха бронзы характерна наличием костей мелкого рогатого скота, которые были найдены в двух погребениях ямной и катакомбной культуры. В этих погребениях найдены кости мелкого рогатого скота, а именно трубчатые кости без эпифизов, ребро, плохой сохранности плечевая, бедренная, фрагмент метаподии, позвонок.

В погребениях сарматского времени было найдено множество костей мелкого рогатого скота (44,4 %) и традиционно в погребении оказывается задняя конечность в сочленении. Примерно одинакова доля костей лошади (22,2 %) и собаки (22,2 %). Доля неопределимых костей животных составляет 11,1 % от общего количества.

В эпоху хазарской культуры и поздних кочевников был найден богатый археозоологический материал, который представлен полным скелетом мелкого рогатого скота (47,13 %) и лошади (46,5 %). Доминирующую позицию имеют кости лошади в виде сопровождающих животных. Кости крупного рогатого скота составляют всего 1,91 %. Доля неопределимых костей животных — 3,76 %.

В единственном погребении золотоордынского времени были найдены только кости лошади в виде сопровождающего животного. Здесь обнаружены фрагменты черепа, кость предплечья и кости хвоста.

Определенные нами кости данной курганной группы принадлежат четырем видам домашних животных (если не считать грызунов в одном

из захоронений): лошадь, крупный рогатый скот, мелкий рогатый скот (овца), собака.

Наибольшее количество останков принадлежит мелкому рогатому скоту. В погребениях найдены кости всех отделов скелета. Среди отделов во всех выборках преобладают останки «мясных частей» проксимальных отделов конечностей. Это свидетельствует о том, что кости мелкого рогатого скота являются типичной напутственной пищей.

Останки лошади по количеству костей занимает второе место. Среди отделов во всех выборках преобладают останки позвоночного столба, ребер и кости конечностей. Это указывает на то, что лошадь являлась сопровождающим животным.

Кости собаки обнаружены лишь в трех погребениях. Судя по размерам костей, собаки были некрупные. В погребениях найдены кости всех отделов скелета, которые были целые и не раздроблены. Это указывает на то, что собаки являлись сопровождающими животными и не употреблялись в пищу.

Наименьшее количество костей принадлежит крупному рогатому скоту, которые встречались только в одном погребении хазарского времени.

Полученные данные важны для понимания истоков формирования и развития изучаемой стороны погребального обряда.

Источник

Научный архив КалмНЦ РАН.

Литература

Антипина Е.Е. Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты // Новейшие археозоологические исследования в России. К столетию со дня рождения В.И. Цалкина. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 7–33.

Асылгараева Г.Ш. Исследования остеологических материалов Нижегородского кремля // Поволжская археология. 2013. № 3 (5). С. 103–116.

Буратаев Е.Г. Материалы из курганной группы Дюкер // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2017. № 3 (3). С. 76–90.

Буратаев Е.Г. Погребения бронзового века могильника Дюкер в Октябрьском районе Республики Калмыкия // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2018. № 4 (8). С. 46–61.

Верещагин В.В., Кольцов П.М. Погребение кочевника золотоордынского времени с лошадью, упряжью и вооружением // Вестник Прикаспия: археология, история и этнология. 2012. № 3. С. 55–59.

Вракин В.Ф., Сидорова М.В., Панов В.П. Практикум по анатомии с основами гистологии и эмбриологии сельскохозяйственных животных. М.: Колосс, 2001. 272 с.

Зеленевский Н.В., Васильев А.П., Логинова Л.К. Анатомия и физиология животных. М.: Академия, 2005. 464 с.

Кольцов П.М. Археологическая карта Республики Калмыкия. Ики-Бурульский, Приютненский, Целинный, Черноземельский районы. Элиста: Джангар, 2016. 299 с.

Ларенок В.А., Ларенок П.А. Погребение кочевника-тюрка из могильника Северный-II // VII Донские археологические чтения: сб. науч. тр. Ростов-н/Д: Ростовское отделение ВООПиК, 2005. С. 16–41.

Очир-Горяева М.А. Археологические памятники волго-маньчских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.). Элиста: Герел, 2008. 298 с.

Хрусталева И.В., Михайлов Н.В., Шнейберг Я.И. Анатомия домашних животных. М.: Колосс, 2004. 704 с.

Шилов В.П. Проблема освоения открытых степей Калмыкии от эпохи бронзы до средневековья // Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков. Элиста: КНИИИФЭ, 1982. С. 24–53.

Яворская Л.В., Коробкова Е.А. Жертвенные комплексы в погребальном обряде ранних кочевников (по материалам могильников бассейна реки Аксай Есауловский) // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии: Материалы VII Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Ростов-н/Д: изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С. 241–244.

Таблица 1. Археозоологический материал курганной группы Дюкер по полевому отчету

Курган	Потребение	Пол, возраст погребенного	Поза погребенного	Археозоологический материал			Культурно-хронологическая принадлежность
				Вид	Описание	Положение	
31	6	подросток	скорченно на левом боку, головой на В	овца (ягненок)	ребра и кости ног в слабо потревоженном состоянии	на дне входной ямы	ямная культура
27	8	подросток	скорченно на правом боку, головой на СВ	овца	череп, кости конечностей, позвонки, ребра	на дне входной ямы	кагакомбная культура
27	1	взр.	скорченно на левом боку с завалом на спину	овца	позвонки (2 шт.)	в верхней части грудной клетки погребенного под подбородком	срубная культура
1	1	жен., мол.	вытянуто на спине, головой на С	овца	длинные кости ног с тазовой костью, альчик	за головой погребенного	сарматский период
2	1	взр.	разрушено	овца	крыло таза, эпифиз трубчатой кости, альчик	за бедром погребенного	сарматский период
10	1	взр.	вытянуто на спине, головой на СВ	—	фрагмент нижней челюсти и ребра	в СЗ углу ямы	сарматский период
10	1	взр.	вытянуто на спине, головой на СВ	овца	альчик с просверленным в середине отверстием	около правого колена погребенного	сарматский период

11	3	взр.	вытянуто на спине, головой на С	—	кости конечности	у левого предплечья погребенного	сарматский период
12	1	взр.	вытянуто на спине	овца	кости конечности и часть таза	за головой	сарматский период
17	1	взр.	вытянуто на спине, головой на Ю	овца	кости конечности и часть таза	перед лицом погребенного	сарматский период
20	1	взр.	вытянуто на спине, головой на З	овца	кость конечности	на правом колене погребенного	сарматский период
21	1	взр.	вытянуто на спине, головой на С	овца	кости конечности, альчик и часть таза	за головой погребенного	сарматский период
28	1	взр. (разрушено)	вытянуто на спине, головой на В	овца	длинная трубчатая кость	у правого колена погребенного	сарматский период
28	1	взр. (разрушено)	вытянуто на спине, головой на В	—	мелкие фрагменты костей	около правого плеча погребенного	сарматский период
30	1	разрушено	вытянуто на спине, головой на В	овца	кости в анатомическом порядке: часть позвоночного столба, ребра, кости ног	у правой ноги, ниже колена погребенного	сарматский период
31	ровик	—	—	овца	часть позвоночного столба, часть хвоста, крестец	на дне северной части ямы	сарматский период
31	3	разрушено	разрушено	овца	сочлененные позвонки (3 шт.)	перед грудью погребенного	сарматский период

Шарманджиева Ц.В., Манджиева В.В. Сравнительный анализ археозоологического материала из курганной группы Дюкер в Калмыкии

15	ровик	—	—	лошадь	череп лошади (3 шт.)	в заполнении СВ ровика	хазарский период
15	1	взр.	вытянуто на спине с разворотом на правую сторону, головой к З	—	крестец (1 шт.), таз (1 шт.), большая берцовая кость (1 шт.)		хазарский период
15	1	взр.	вытянуто на спине с разворотом на правую сторону, головой к З	лошадь	позвонки и крестец	у западной стенки подбоя в ЮЗ углу	хазарский период
15	1	взр.	вытянуто на спине с разворотом на правую сторону, головой к З	овца	часть позвоночного столба и ребро	у западной стенки подбоя в ЮЗ углу	хазарский период
15	1	взр.	вытянуто на спине с разворотом на правую сторону, головой к З	лошадь	ребра (15 шт.)	за головой погребенного	хазарский период
15	1	взр.	вытянуто на спине с разворотом на правую сторону, головой к З	лошадь	кость конечности	за головой погребенного	хазарский период
15	1	взр.	вытянуто на спине с разворотом на правую сторону, головой к З.	овца (ягненок)	кость конечности	за пяточной костью левой стопы	хазарский период
27	6	муж.	вытянуто на спине, головой на ЮВ	лошадь	крестец	на блюде с СВ края	хазарский период
27	6	муж.	вытянуто на спине, головой на Ю	овца	часть позвоночного столба, череп, кость конечности	в средней части блюда параллельно оси подбоя	хазарский период

27	6	муж.	вытянуто на спине, головой на Ю	грызун	череп (2 шт.)	между С краем блюда и СВ стенкой подбоя	хазарский период
27	6	муж.	вытянуто на спине, головой на Ю	грызун	череп (2 шт.)	один череп на блode, другой у правого локтя погребенного	хазарский период
27	6	муж.	вытянуто на спине, головой на Ю	овца (ягненок)	череп, кости конечностей	у бедра погребенного	хазарский период
27	6	муж.	вытянуто на спине, головой на Ю	овца	кости конечности	с 3 стороны снаружи блюда, вплотную у правой плечевой погребенного	хазарский период
27	на- сыпь	—	—	—	скопление трубчатых костей	в ЮВ секторе кургана	неопределен- ная
27	на- сыпь	—	—	—	скопление костей	в ЮВ секторе кургана	неопределен- ная
27	на- сыпь	—	—	—	крупная кость	в ЮВ секторе кургана	неопределен- ная
27	на- сыпь	—	—	—	скопление костей	в Ю секторе кургана	неопределен- ная

Таблица 2. Захоронение сопровождающих животных курганной группы Дюкер по полевому отчету

Курган	Погребение	Археозоологический материал	Культурно-хронологическая принадлежность	
27	1	кости собаки	скелет: череп, позвоночный столб, кости конечностей (передние и задние)	срубная культура
9	1	кости собаки	фрагменты черепа, кости конечностей, ребра	сарматский период
10	1	кости собаки	фрагмент нижней челюсти, крестец, трубчатые кости без эпифизов, ребра, позвонки	сарматский период
15	1	кости овцы	скелет: череп, кости конечностей (передние и задние)	хазарский период
15	1	кости лошади	скелет: череп, кости конечностей (передние и задние)	хазарский период
31	5	кости овцы	скелет: череп, кости конечностей (передние и задние), копыта	хазарский период
31	5	кости ягненка	скелет: череп, позвоночный столб в анатомическом порядке, ребра, правая лопатка, кости конечностей (передние и задние)	хазарский период
27	4	кости лошади	неполный скелет: череп, кость конечности, копыто	эпоха поздних кочевников
27	5	кости лошади	скелет: череп, нижняя челюсть, кость конечности, копыта	эпоха поздних кочевников
32	1	кости лошади	неполный скелет: череп, кость конечности	эпоха поздних кочевников
13	1	кости лошади	скелет: череп, кости конечностей (передние и задние), кости хвоста	период Золотой Орды
27	3	кости собаки	скелет: череп, кости конечностей (передние и задние)	неопределенная

Таблица 3. Археозоологический материал курганной группы Дюкер из фондохранилища КалмНЦ РАН

Курган	Потребение	Пол, возраст погребенного	Поза погребенного	Археозоологический материал		Культурно-хронологическая принадлежность
				Вид	Описание	
31	6	подросток	скорченно на левом боку, головой к В	овца (ягненок)	трубчатые кости без эпифизов, ребро (1 шт.)	ямная культура
27	8	подросток	скорченно на правом боку, головой на СВ	овца	плечевая кость плохой сохранности (1 шт.), бедренная кость (1 шт.), фрагмент метаподии, позвонок (1 шт.)	катакомбная культура
2	1	взр.	разрушено	овца	фрагмент тазовой кости (1 шт.), большая берцовая кость (1 шт.), эпифиз бедренной кости (1 шт.)	сарматский период
11	3	взр.	вытянуто на спине, головой на С	лошадь	бедренная кость (1 шт.), большая берцовая кость (1 шт.), фрагменты таза	сарматский период
12	1	взр.	вытянуто на спине	лошадь	3-я пястная кость (1 шт.), проксимальная фаланга (1 шт.), средняя фаланга (1 шт.), кости запястья (2 шт.), фрагмент 4-й пястной кости	сарматский период
12	1	взр.	вытянуто на спине	—	кость из отвала: фрагмент ребра	сарматский период

Шарманджиева Ц.В., Манджиева В.В. Сравнительный анализ археозоологического материала из курганной группы Дюкер в Калмыкии

12	1	взр.	вытянуто на спине	овца	большая берцовая кость (1 шт.), фрагмент таза, альчик (1 шт.), фрагмент эпифиза	сарматский период
17	1	взр.	вытянуто на спине, головой на Ю	овца	таз (1 шт.), большая берцовая кость (1 шт.), бедренная кость (1 шт.), альчик (1 шт.), эпифизы трубчатых костей (3 шт.)	сарматский период
21	1	взр.	вытянуто на спине, головой на С	овца	мелкие фрагменты костей	сарматский период
15	1	взр.	вытянуто на спине с разворотом на правую сторону, головой к З	лошадь	проксимальная фаланга (3 шт.), средняя фаланга (2 шт.), дистальная фаланга (3 шт.), таранная кость (2 шт.), пяточная кость (1 шт.), фрагменты черепа (2 шт.), позвонки: шейные, поясничные (6 шт.), крестец (1 шт.), ребра (5 шт.), 3-я пястная кость (2 шт.)	хазарский период
15	1	взр.	вытянуто на спине с разворотом на правую сторону, головой к З	овца	альчик (3 шт.), позвонки (2 шт.), метаподии (3 шт.), крестец (1 шт.)	хазарский период
15	1	взр.	вытянуто на спине с разворотом на правую сторону, головой к З	КРС	крестец (1 шт.), таз (1 шт.), большая берцовая кость (1 шт.)	хазарский период
15	1 (на-сыпь)	взр.	вытянуто на спине с разворотом на правую сторону, головой к З	овца	трубчатые кости без эпифизов (4 шт.)	хазарский период

15	б/п	—	—	—	кости плохой сохранности	хазарский период
15	б/п	—	—	—	фрагменты зубов	хазарский период
15	б/п	—	—	—	ребра (15 шт.)	хазарский период
27	6	муж.	вытянуто на спине, головой на Ю	—	фрагменты черепа	хазарский период
27	6	муж.	вытянуто на спине, головой на Ю	овца	позвонки (10 шт.), крестец (1 шт.), ребра (2 шт.), альчики (10 шт.)	хазарский период
27	6	муж.	вытянуто на спине, головой на Ю	лошадь	крестец (1 шт.), таранная кость (1 шт.), проксимальная фаланга (1 шт.), позвонки (1 шт.), фрагмент нижней челюсти.	хазарский период
31	5	взр.	вытянуто на спине, головой к СВ	—	позвонки плохой сохранности (1 шт.)	хазарский период
31	5	взр.	вытянуто на спине, головой к СВ	овца	метаподия (4 шт.), альчик (4 шт.), фрагменты позвонков (10 шт.), фрагмент черепа, фаланги (6 шт.), крестец (1 шт.), ребро (1 шт.)	хазарский период
31	5	взр.	вытянуто на спине, головой к СВ	овца (ягтенок)	трубчатые кости плохой сохранности без эпифизов	хазарский период

Шарманджиева Ц.В., Манджиева В.В. Сравнительный анализ археозоологического материала из курганной группы Дюкер в Калмыкии

31	5	взр.	вытянуто на спине, головой к СВ	лошадь	3-я пястная кость (3 шт.), проксимальная фаланга (3 шт.), средняя фаланга (2 шт.), дистальная фаланга (2 шт.), пяточная кость (1 шт.), таранная кость (2 шт.), кости запястья (3 шт.)	хазарский период
31	5	взр.	вытянуто на спине, головой к СВ	—	фрагмент трубчатой кости без эпифиза	хазарский период
27	4	взр.	разрушено	овца	ребро (1 шт.)	эпоха поздних кочевников
27	9	жен.	вытянуто на спине, головой на ЮВ	лошадь	пяточная кость (1 шт.), таранная кость (1 шт.), предплечье (2 шт.), большая берцовая кость (2 шт.), 3-я пястная кость (1 шт.)	эпоха поздних кочевников
27	9	жен.	вытянуто на спине, головой на ЮВ	овца	плечевая кость (1 шт.), лопатка (1 шт.), ребра (5 шт.), метаподии (2 шт.)	эпоха поздних кочевников
32	1	взр.	вытянуто на спине, головой к ЮЗ	—	фрагменты зубов	эпоха поздних кочевников
13	1	жен.	вытянуто на спине, головой на З	лошадь	кость предплечья (1 шт.)	период Золотой Орды
27	3	—	—	собака	позвонки (8 шт.), ребра (5 шт.), трубчатые кости без эпифизов (4 шт.), малая берцовая кость (1 шт.), большая берцовая кость (1 шт.), пястные кости (4 шт.)	неопределенная

История и этнография народов
Юга России

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КАЛМЫКОВ И КУБАНСКОГО СУЛТАНА БАХТЫ-ГИРЕЯ: ТАКТИКА И СТРАТЕГИЯ ПОГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА (середина — вторая половина 1720-х гг.)*

Сень Дмитрий Владимирович¹

¹доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра РАН (г. Элиста).

E-mail: dsen1974@mail.ru

Аннотация: в статье исследуются актуальные вопросы биографии кубанского султана Бахты-Гирея, а также его отношений с калмыцкими элитами и с ногайцами — представленных на фоне политических усобиц как в Крымском ханстве, так и в Калмыцком ханстве середины — второй половины 1720-х гг. На основании новых данных сделан акцент на стратегическом характере взаимоотношений калмыцких элит и крымского царевича, на заметной роли калмыков в попытках Бахты-Гирея Дели-султана упрочить свое положение в ногайских (кубанских) владениях Гиреев и даже за их пределами.

Ключевые слова: Бахты-Гирей, Дондук-Даши, Дондук-Омбо, Калмыцкое ханство, Крымское ханство, Кубань, набеги, ногайцы, нойоны, Османская империя, Россия, Церен-Дондук.

Актуальность темы определяется несколькими обстоятельствами.

Во-первых, в свете новейших исследований [Грибовский, Сень 2012; 2013; Сень, Грибовский 2015]** стало очевидным, что политическая биография султана Бахты-Гирея органично вписывается в контекст нескольких больших тем, позволяя актуализовать многие важные аспекты в их изучении. Среди них — история русско-крымско-османского пограничья на Юге и разнообразных реакций конформизма/сопротивления местного населения на установление так называемых линейных границ нового (европейского) типа; эволюция

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

** С 2016 г. автор данной статьи исследует жизнь султана Бахты-Гирея без соавторства с В.В. Грибовским.

набеговой системы Крымского ханства в новых исторических условиях [Артамонов 1985: 71–88; Сень 2016а: 54–59]; деятельность пограничных администраций России, Крымского ханства и Османской империи по соблюдению «нового пограничного порядка» и контролю над трансграничным и незаконным (с точки зрения империй!) перемещением местных сообществ.

Во-вторых, актуально определить новые перспективы в источниковедении истории элит Крымского ханства, или так называемых «Гиреев второго плана» [Сень 2016б: 457–473] — на примере султана Бахты-Гирея, сына крымского хана Девлет-Гирея II, обладавшего правами на крымский престол и сыгравшего заметную роль в политической истории не только Крымского ханства, но и народов Северного Кавказа, а также Калмыцкой степи. Дело в том, что документальные источники об этом человеке, успевшем побывать в сане и нурадына, и калги, а также в статусе «самовольного» и «действительного» султана на Кубани, отложились в фондах нескольких российских федеральных и государственных архивов: за последние годы в них обнаружено и введено в научный оборот значительное количество источников. Наибольшим эвристическим потенциалом обладают документы, выявленные в фондах следующих российских архивов:

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи Министерства иностранных дел РФ (г. Москва);

ГАВО — Государственный архив Воронежской области (г. Воронеж);

ГАРО — Государственный архив Ростовской области (г. Ростов-на-Дону);

РГА ВМФ — Российский государственный архив военно-морского флота (г. Санкт-Петербург);

РГАДА — Российский государственный архив древних актов (г. Москва);

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив (г. Москва).

Учитывая интерес, проявленный к личности Бахты-Гирея крымскими и османскими властями, правомочно ставить вопрос о поиске восточных источников по указанной теме, обозначенный в нашей статье 2016 г. Турецкие архивисты опубликовали несколько лет назад сборник документов по истории Крымского ханства, в том числе о деятельности Бахты-Гирея за 2-ю пол. 1720-х гг. [Osmanlı Belgelerinde Kırım Hanlığı 2013: 127, 129]*. Мы не сомневаемся в том, что фонды одного из крупнейших исторических архивов Турции — *Vaşbakanlık Osmanlı Arşivi* (ВОА, Istanbul) содержат многие другие документы о Бахты-Гирее и его жизнедеятельности. Недаром имя этого султана неоднократно упо-

* Выражаю благодарность к.и.н. И.А. Мустакимову за их перевод.

минается в подробном обзоре документов из нескольких фондов ВОА по истории Крымского ханства, относящихся к переписке турецких султанов с крымскими ханами [Desaive 1972: 566, 569, 570, 571]. Значение таких документов трудно переоценить: содержание султанского *наме-и-хумаюн* позволило, наконец, не только документально подтвердить пребывание Бахты-Гирея в сане калги [Desaive 1972: 566], но и определить максимально точную на сегодня дату назначения его калгой-султаном — в сентябре 1710 г. [Desaive 1972: 566]. Вместе с тем, была подтверждена и уточнена наша с В.В. Грибовским гипотеза о времени назначения Бахты-Гирея калгой, высказанная на основе изучения других источников — в период между второй половиной сентября 1709 г. и началом лета 1711 г. [Грибовский, Сень 2013: 102].

В ходе многолетней архивной эвристики выяснилось, что разные этапы жизненного пути султана Бахты-Гирея получили заметное, в силу объективных причин, отражение в документальных источниках. К примеру, российские власти целенаправленно собирали информацию о султанине Бахты-Гирее. Сам же султан, активно влияя на русско-крымско-османские отношения, регулярно давал немало информационных поводов для включения разнообразных сведений о себе в российскую делопроизводственную документацию. Хронология подобных источников, созданных уже при жизни Бахты-Гирея, охватывает период 1700–1729 гг.

Сегодня, в результате работы с документами Национального архива Республики Калмыкия (далее — НАРК), появились аргументы для уточнения авторского мнения о том, что *«ни в одном из этих российских архивов не отложился (не обнаружен?) крупный документальный комплекс по интересующей нас теме»* [Сень 2016б: 464]. Полагаем, что проблематично выйти на новый уровень решения исследовательских задач, а также обобщения уже накопленного наукой материала, без обращения к новым документальным источникам по теме калмыцко-ногайских и калмыцко-крымских отношений, а также роли калмыков в военной и политической жизни Дели-султана и в жизни всего южного пограничья. Весьма содержательны в указанном отношении документы фонда И-36 («Состоящий при калмыцких делах при Астраханском губернаторе») НАРК. Это, главным образом, российская делопроизводственная документация XVIII в. — как оригинальная, так и копия (отпуска), адресатами и адресантами которой выступали многочисленные представители российских властей (генерал-фельдмаршал князь М.М. Голицын, астраханский губернатор А.П. Волынский, астраханский обер-комендант М.И. Чириков, а также такие несомненные знатоки «калмыцких дел», как В.П. Беклемишев, Д.Е. Бахметев, его сын И.Д. Бахметев и др.), видные представители калмыцких элит — ханша Дармабала, нойоны Дондук-Омбо, Церен-Дондук, Дондук-Даши, духовный лидер калмыков-буддистов Шакур-лама и др.

В ряде случаев именно такие документы «с мест» становились необходимой основой для информирования высшего российского руководства, а также Коллегии иностранных дел о регулярно меняющейся (в том числе в связи с «подрывной деятельностью» в южном пограничье Бахты-Гирея) обстановке в калмыцких улусах, для выработки имперскими властями новых решений на «калмыцком» и на «крымском» направлениях восточной политики России. Эти документы (а их выявлены десятки!) существенно расширили наши представления о жизни султана Бахты-Гирея и в 1720-е гг., и в более раннее время, о его претензиях на захват власти в Крыму и, вместе с тем, о действиях султана по закреплению своей *неформальной* власти на Кубани; о географии его походов и составе их участников; о контактах султана с калмыцкими элитами, с полиэтничным населением Северного Кавказа и, прежде всего, Кубани; о формах и методах «нейтрализации» Россией мятежного султана, и пр. Исследователям темы также стоит обратить внимание на документы о султани Бахты-Гирее, отложившиеся в фонде Р-145 («Пальмов Николай Николаевич»), в том числе выявленные этим выдающимся ученым в центральных архивах страны в первой трети XX в.

В-третьих, по-прежнему актуально исследовать комплекс причин, позволивших Бахты-Гирею обрести огромное и долгосрочное влияние на дестабилизацию обстановки в степном порубежье, в том числе путем эффективного использования им своей неофициальной власти. Почти всегда Бахты-Гирей сталкивался с недостатком ресурсов в ходе подготовки и осуществления своих масштабных планов и почти всегда успешно решал подобные проблемы, талантливо привлекая к своим военным и иным акциям представителей разных сообществ и групп, в том числе азовских бешлеев, казаков-некрасовцев, калмыков, кабардинцев, ногайцев, черкесов и др. В новых исторических условиях султан Бахты-Гирей безнаказанно позволял себе то, что уже не позволяли себе открыто ни крымские ханы, ни их официальные представители: совершать успешные и богатые «добычей» походы, либо создавать для своих подданных, недовольных «новым пограничным порядком», необходимые условия для продолжения набегов.

По сути, султан был последним крупным политиком и военачальником в Крымском ханстве и на Северном Кавказе, которому удавалось проводить набеги без санкции государственной власти в условиях начавшегося и активизировавшегося в первой четверти XVIII в. установления на Юге линейных границ. Следовательно, актуально выяснить, каким образом авторитет неофициальной власти Бахты-Гирея оказался связан с традиционным для степного порубежья образом жизни его пестрого населения: с организацией набегов на земледельческие территории и с поддержанием сложной системы реципрокций (практик обмена дарами и услугами), в которую добровольно-принудительно вовлекались

элиты и рядовое население местных пограничных сообществ. Особенно интересным и показательным в данном отношении предстает опыт многолетнего взаимодействия султана Бахты-Гирея с калмыками. Неслучайно многие жизненные проблемы и стратегии калмыков 1720-х гг. соотносились с тем привычным для Калмыцкой степи выбором социального поведения, который одним из немногих военных лидеров предлагал именно он, и который все реже осмеливались инициировать хан Аюка и калмыцкие нойоны.

В новейшей российской историографии имеются основательные исторические работы [Батыров 2006; Очиров 2002; Цюрюмов 2007], в которых часть документов из фондов И-36 и Р-145 НАРК введена в научный оборот. При этом, В.В. Батыров впервые в исторической науке попытался исследовать взаимоотношения калмыков и Бахты-Гирея, почти целиком опираясь на архивные документы из фонда И-36 НАРК. Ему же принадлежит аргументированная мысль о связи идеального образа Бахты-Гирея, как воина и правителя, с другими факторами его массовой поддержки калмыками. У.Б. Очиров высказал мнение о том, что именно благодаря Бахты-Гирею произошел кардинальный перелом во взаимоотношениях между калмыками и ногайцами, а также справедливо указал на схожесть их некоторых культурных характеристик. Правда, он несколько модернизировал, на наш взгляд, направленность военно-политического союза калмыков и Бахты-Гирея, якобы направленного на создание нового государства — «калмыцко-ногайского ханства» [Очиров 2002: 81]. А.В. Цюрюмов справедливо обратил внимание на роль «кубанского фактора» в усобицах калмыцкой знати 1720-х гг., а также на связь тогдашних событий с последующей откочевкой на Кубань части калмыков в начале 1730-х гг. [Цюрюмов 2007: 199–217]. В.Т. Тепкеев постарался выявить роль и место султана Бахты-Гирея в эволюции калмыцко-крымских, калмыцко-кабардинских, калмыцко-кубанских отношений 1710-х — первой половины 1720-х гг., опираясь на выявленные им новые документальные источники не только из фондов федеральных архивов, но и из НАРК [Тепкеев 2018а; 2018б; 2018в]. В частности, им удачно показан противоречивый характер отношений между Бахты-Гиреем и ханом Аюкой, а также между Бахты-Гиреем и старшим сыном Аюки — Чагдорджабом.

1720-е гг. занимают особое место как в политической биографии Бахты-Гирея Дели-сутана, так и в истории его взаимоотношений с калмыками. Калмыцкие элиты заметно активизировали свои связи с мятежным султаном после смерти хана Аюки в 1724 г. К слову, при Аюке Бахты-Гирей и конфликтовал с калмыцкими элитами, и мирился с ними. Наиболее заметной здесь для него и для калмыков стала кампания 1717 г. по возвращению с Кубани едисанцев и джембуйлуковцев (енбулуков), ханских подданных [Очиров 2002: 79; Батыров 2006: 40], в ходе кото-

рой быстро стали налаживаться отношения между старшим ханским сыном — Чагдорджабом и Бахты-Гиреем. Отписки казанского губернатора П.С. Салтыкова царю Петру I от 14 февраля 1717 г. (по сведениям астраханского обер-коменданта М.И. Чирикова) позволяют узнать, что Чагдорджаб виделся с Бахты-Гиреем «*по сую сторону Кубани в урочище в кубанском городке Мажоре*» [РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1717 г. Д. 4. Л. 1]. Чагдорджаб помог Бахты-Гирею разгромить хатай-кипчаков, выступивших на стороне противника Дели-султана — калги Менгли-Гирея, и вывел с Кубани часть едисанцев и джембуйлуковцев. Чагдорджаба устраивала перспектива политического сотрудничества с Бахты-Гиреем: возможно именно этим был продиктован его отказ кабардинцам напасть совместными силами на Дели-султана [Кабардино-русские отношения 1957: 19]. Вероятно, двух лидеров связывало нечто большее, чем получение выгоды от временного военного союза, хотя «неровный» характер их взаимоотношений периодически давал о себе знать [Тепкеев 2018а: 280].

При этом мы скептически относимся к известию русского источника о том, что Чагдорджаб был женат на сестре Бахты-Гирея — вдове якобы черкесского владельца Бургун Кучюка [Тепкеев 2018а: 284]. Насколько известно, Девлет-Гирей II, отец Бахты-Гирея, не поддерживал тесных отношений ни с черкесами (т. е. с западными адыгами), ни с кумыками. Наконец, В.М. Бакунин, другой осведомленный современник описываемых событий, ничего не пишет о родстве этой девятой жены Чагдорджаба с Дели-султаном, а лишь замечает, что она была вдовой *брагунского* владельца Кучюка, проживая неподалеку от казачьего Щедрина (точнее, Шадринского) городка, к которой Чагдорджаб приезжал по зимам [Бакунин 1995: 34]. Полагаем, что речь идет об одном и том же человеке, которого можно соотнести с представителем кумыкских элит (вероятно, из рода Таймазовых, являвшихся князьями/владельцами в Брагунах на Северо-Восточном Кавказе). Наша гипотеза находит определенное подтверждение в исследовании А.С. Шмелева [Шмелев 2004]*. Так, 4 мая 1693 г. яицкие казаки общались со слов посланцев хана Аюки, что калмыки ходили «войною» на владение Чеполова и «*...их де всех разорили и к себе во владенье побрали и ныне те люди у них в улусех и кочуют с ними вместе*». Бежавший вскоре после этого от калмыков башкир уточнил данную информацию. Нападение калмыков, как выяснилось, было совершено на Брагунское владение, причем хан Аюка, оправдываясь перед Москвой, заявил, что не знал о том, что *брагунский Кучук-мурза* — российский подданный. Если верить хану, то калмыки вернули Кучук-мурзе пленных. 28 марта 1694 г. хан Аюка сообщал в своем письме, что Кучук брагунский взял с собой «*...восемьсот юрт людей, отъехал от нас и подался на Терках*» царю «*в вечное холопство*» [Шмелев 2004: 234].

* Автор выражает благодарность к.и.н. Ю. Идрисову, указавшему нам на данную работу А.С. Шмелева.

По данным 1724 г., хан Аюка «в прошлых годах» лично отправил на Кубань к Бахты-Гирею своих 40 человек, «которые Бакта-Гирею султану в разорении российских деревень и предводителми были» [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 22. Л. 219–219об.]. Причем эти калмыки (если речь в более позднем документе шла о той же самой группе) проживали после указанных событий при Бахты-Гирее [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 22. Л. 286]. Тот же Аюка, связанный с Бахты-Гиреем тайным уговором, не оказал ему ни малейшего сопротивления при осуществлении набега в 1717 г. на территории Пензенского и Симбирского уездов [Бакунин 1939: 202]. Летом того же года состоялся масштабный набег Бахты-Гирея на Воронежскую, Казанскую и Нижегородскую губернии, в котором принимали участие кубанцы, азовские бешлеи, некрасовцы и калмыки. Более того, на уровне ханской власти калмыки отказались помогать российским властям в преследовании Бахты-Гирея. В одном из документов НАРК говорилось, что это было сделано калмыками сознательно — в память о том, как российские власти не оказали помощи калмыкам хана Аюки, разбитого под Астраханью Бахты-Гиреем в 1715 г. (см. у В.Т. Тепкеева новые данные об этой военной кампании [Тепкеев 2018а: 255–259]). Известно о противоречивых и даже о недружественных поступках хана Аюки в отношении Бахты-Гирея [Тепкеев 2018а: 274, 278, 282, 295] и, вместе с тем, об их взаимоотношениях как «названного отца» и «названного сына» [Тепкеев 2018а: 327, 339]!

Мы не согласны с В.Т. Тепкеевым в том, что активная деятельность Бахты-Гирея на Кубани «заставила калмыков искать более тесные связи с Россией» [Тепкеев 2006: 39]. Напротив, Аюка и Чагдорджаб вели по отношению к своему российскому сюзеру двойную дипломатию. С одной стороны, в условиях наметившегося витка новых усобиц в Калмыцком ханстве стареющему Аюке поддержка России была очень желательной. С другой стороны, «ничейное» подданство Бахты-Гирея являлось отличным прикрытием для продолжения набегов на российские и другие окраины, что в начале XVIII в. еще являлось обычной практикой для калмыцких элит, как и для других, близким им, пограничных сообществ. К тому же примирение с Бахты-Гиреем не давало возможности противникам усиления ханской власти в Калмыкии использовать его в своих интересах, поскольку Аюка с трудом удерживал контроль в Калмыцком ханстве, включая конфликтное пространство внутри своей многочисленной семьи. Кроме того, Дели-султан являлся привлекательной фигурой для тех политических сил Калмыцкого ханства (собственно говоря, и не только этого ханства — почему многие реакции калмыков на действия «ребелизанта» Бахты-Гирея представляются типичными для населения степного порубежья), которые противодействовали тревожному и «убыточному» для себя процессу стабилизации границ.

Наконец, калмыки понимали, что Бахты-Гирей играет не последнюю роль в решении исключительно острой для них проблемы: возвращению контроля над ханскими подданными — едисанцами и джембуйлуковцами. Так, еще в декабре 1726 г. ханша Дармабала при встрече с российским представителем А. Нечаевым резко отозвалась в том смысле, что им *«за свое как не стоять, только де они виноваты не будут»*, если заберут с Кубани едисанцев и енбулуков [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 113]. Между тем, Россия активно предпринимала меры, направленные на удержание ногайцев на российской территории и на противодействие их миграциям на Кубань. В 1721 г. Петр I приказал астраханскому губернатору А.П. Волынскому, чтобы *«джетысаны и джембулуки все были раскосованы врознь по всем колмыцким улусам»* [АВПРИ. Ф. 127. Оп. 1. 1754 г. Д. 1. Л. 4об.]. Исполнение царского указа губернатор поручил подполковнику В.П. Беклемишеву.

Жесткие условия российских властей нашли отражение в присяге калмыцких владельцев 1724 г. Калмыкам полагалось никаких «татар» в улусах своих не держать и ушедших «собою» без указа не возвращать: *«А когда позволено будет и отданы будут, то особливими улусами не отнюдь держать, но раскосовать всех врознь...»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 22. Л. 201об.]. Но оказалось, что в распределении ногайских семей по калмыцким улусам не был заинтересован Чагдорджаб, который все больше превращался в единоличного правителя Калмыцкой степи. Будучи женат на ногайке Хандазе, он, как указывает В.М. Бакунин, состоял через нее в свойственных отношениях с кем-то из едисанских или джембуйлукских мурз, пользуясь их поддержкой. Не менее существенно и то, что он контролировал сбор налогов с указанных ногайских групп [Бакунин 1995: 33]. В феврале 1722 г. Чагдорджаб умер, оставив завещание о том, чтобы ногайцы были разделены между его семью сыновьями. В 1724 г. умер хан Аюка, после чего в Калмыцком ханстве разразилась новая волна усобиц [Бакунин 1939: 204–205], которая привела к очередной дестабилизации ситуации на южном порубежье. Например, ногайцы стали массово откочевывать на Кубань к Бахты-Гирею.

Заметим, что крымский хан Саадет-Гирей постарался как можно скорее перевести в Крым ногайцев, бежавших на Кубань во время калмыцкой усобицы еще в последние годы жизни хана Аюки, чтобы не допустить чрезмерного усиления Бахты-Гирея*. Для их переправы в 1723 г. из Крыма был направлен нурадын-султан с 5-тысячным вой-

* Пленные из Крыма, *«вышедшие»* на российскую сторону, рассказали 11 сентября 1723 г. в Бахмутской канцелярии о слухах насчет движения *«во время жатвы хлеба»* из Крыма через Тавань *«орды великой»*, направлявшейся на Кубань *«на Бахты Гирей Салтана»* [РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 3. Л. 179об.] Вероятно, тогда Бахчисарай был больше озабочен ликвидацией общей напряженности на Кубани и «смирением» кубанцев [РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 3. Л. 199об.].

ском. Но крымцам удалось переправить через Тамань только ногайцев кипчакского эля и около 1 тыс. едисанцев. От кипчаков отошли хатаи, которые вместе с едисанцами и джембуйлуковцами в общем количестве до 10 тыс. кибиток откочевали к Азову. Таким образом, по сообщению астраханского губернатора А.П. Вольнского, Бахты-Гирей остался в местечке Копыл *«вне силы»* [Кочекаев 1988: 133]. Неслучайно Бахты-Гирей вскоре стал уговаривать отошедших к Азову хатай-кипчаков вернуться на Кубань, *«обнадеживая их, что он им никакого зла не учинит. И в том им обещается присягою, на что-де они склоняютца»* [РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 3. Л. 206]. Известно, что осенью 1724 г. в причерноморскую степь *«с салтаном Бахтигереем пришло нагайцев тысяч с семь с женами и детьми»* [Эварницкий 1903: 1110]. Бегство ногайцев от калмыков продолжались и в 1725 г. [Курбанов 1995: 25].

Калмыки активизировали свои набеги на Кубань, а также усилили прочие связи с кубанским регионом, тоже начиная с середины 1720-х гг. Обращает на себя внимание, что это происходило в ходе обострившейся борьбы за власть среди калмыцких элит — даже после того, как совместно с российскими администраторами решился непростой вопрос о наместнике в ханстве, которым стал Церен-Дондук. Таким образом, набеговая активность калмыков на кубанском направлении была связана не только с попытками увести оттуда едисанцев и джембуйлуковцев, но и с другими «прагматическими» основаниями, отчасти подогреваемыми султаном Бахты-Гиреем. Уже 1725–1726 гг. отмечены походами на Кубань калмыков Церен-Дондука и других владельцев, в ходе которых калмыками угонялся скот, а однажды они разбили *«меж Азова и Кубани сто арб торговых татар»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 22. Л. 160].

Подчеркнем, что чуть раньше, в 1723–1724 гг., калмыцкие элиты также предпринимали активные действия, пытаясь завязать (развить?) контакты с Бахты-Гиреем, на что в науке раньше обращалось недостаточное внимание. Мотивация поступков нойонов была различной: начиная от попыток напрямую решить с Бахты-Гиреем вопрос о возврате едисанцев и джембуйлуковцев до выстраивания ими собственной линии поведения в отношениях с кубанцами и с Бахты-Гиреем. Так, еще зимой 1723 г., во время *«замешания»* у калмыков, нойон Досанг отправил на Кубань к Дели-султану своего посланца [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 22. Л. 302–302об.]. По некоторым данным, Бахты-Гирей, собрав войско, якобы намеревался увести на Кубань из улусов оставшихся там едисанцев и джембуйлуковцев. Другой калмыцкий владетель тоже отправил своего посланца к Бахты-Гирею — а тот, в свою очередь, прислал своих людей для переговоров [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 22. Л. 303–303об.].

Подчеркнем, что корреспонденцией с Дели-султаном примерно в то же время стали обмениваться Дондук-Даши и Дондук-Омбо, что вызвало обеспокоенность многих знатных калмыков из улусов ханши Дарма-

балы, впрочем, также вступившей в контакты с Бахты-Гиреем [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 22. Л. 310об.]. Подвластные ханше калмыки беспокоились, чтобы переписка Дондук-Даши и Дондук-Омбо не привела бы *«их калмыцкие улусы от кубанцов в разорение»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 22. Л. 310]. По данным от 1 октября 1724 г. едисанские мурзы выразили желание снова быть с калмыками и вернуться в улусы, заявив, что они ушли на Кубань, боясь разорения. В ответ на это Дондук-Омбо и Дондук-Даши отправили на Кубань своего человека договариваться об этом с Бахты-Гиреем [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 22. Л. 232об.].

А ведь султан располагал различными основаниями и ресурсами для контроля за указанными группами, действуя не только в русле политики *«террора и устрашения»*, как категорично писал об этом В.В. Батыров [Батыров 2006: 39], а В.Т. Тепкеев недавно привел тот же устаревший тезис [Тепкеев 2018а: 266], несмотря на большое количество документальных источников, сообщающих о гибком подходе Дели-султана к управлению населением кубанского региона. Так, в 1724 г. ушедшие едисанцы и джембуйлуковцы *«восприяли себе в команду командиром»* родного брата Бахты-Гирея [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 22. Л. 331об.]. Кроме того, взаимодействуя с потенциальными союзниками, Дели-султан активно использовал аманатство [Тепкеев 2018а: 268], договорные отношения и клятвы, раздачу подарков и обмен услугами, информацией, переписку, личные встречи.

Обратим внимание, что Бахты-Гирей тоже был заинтересован в развитии связей с калмыками, поскольку в 1723 г. у него произошла ссора с «татарами» (точнее, с одной из групп кубанских ногайцев), во время которой те убили младшего брата Бахты-Гирея. Султан, в свою очередь, лишил жизни нескольких хатай-кипчакских мурз [Фелицын 1904: 6; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 3. Л. 206]. Новым «официальным» кубанским султаном, а, точнее, ханским наместником на Кубани, стал сын крымского хана Саадет-Гирея — его нуредын-султан Салат-Гирей, затем принимавший Бахты-Гирея в Копыле [Фелицын 1904: 7]. В.В. Батыров справедливо полагает, что Бахты-Гирей уделял большое внимание поддержке калмыков, и что он *«вступил в переговоры с ханшей Дарма-Балой и калмыцкими нойонами, прося сохранить “прежнюю приязнь”*» [Батыров 2006: 40].

Таким образом, мы установили, что 1723–1724 гг. можно считать временем заметно активизировавшихся и улучшившихся взаимоотношений наиболее влиятельной части калмыцких элит и султана Бахты-Гирея, что имело для каждой из сторон важные последствия. При этом, еще за несколько лет до описываемых событий какая-то часть калмыцкой знати (не считая хана Аюки) относилась к Дели-султану менее дружелюбно. Недаром калмыцкий посланец Денджин, прибывший в Астрахань 16 февраля 1721 г., дал следующую оценку отношению калмыцких

владельцев к Бахты-Гирею: *«Сердечного дружелюбия не имеют, кроме слов прелестных чрез своих людей, которые живут при нем, Бакты Гирее»* [Тепкеев 2018а: 297].

В 1724 г. Дели-султан поддержал мятеж крымских мурз во главе с могущественным Джан-Темиром (Тимуром) Ширинским против хана Саадет-Гирея, а затем выступил против другого своего дяди — Менгли-Гирея II (1724–1730 гг.), назначенного ханом по воле Стамбула. Переговоры Бахты-Гирея с калмыцкой знатью на время оказались прерваны... По сведениям калмыка Аритара, посланца Нитар-Дорджи, отправленного на Кубань к Салат-Гирею (в документе ошибочно — «Салди-Гирею») крымские жители *«взяли Бахты-Гирея в Крым для того, что хотят его в Крыме учинить... ханом»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 22. Л. 331]. Сам же хан Саадет-Гирей, *«уведав про оное, уехал к турецкому султану»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 22. Л. 331].

Данный сюжет необходимо осветить в том смысле, что вместе с В.В. Грибовским мы уже затрагивали малоизученный в науке вопрос о *возможных* претензиях Бахты-Гирея на ханский престол. Сегодня у автора статьи появились дополнительные аргументы в пользу данного мнения.

Во-первых, еще в 1717 г. фигура Бахты-Гирея рассматривалась разными силами в качестве претендента на ханский трон после смещения Каплан-Гирея и явной неудачи Порты с назначением нового хана в лице Кара-Девлет-Гирея. Часть крымской знати выступила за назначение на престол именно Бахты-Гирея: недаром к нему в Копыл в том же году прибыл Джан-Темир (Тимур) Ширинский. Правда, А.В. Цюрюмов и В.В. Батыров ошибались, утверждая, что приезд ширинского бея означал для Бахты-Гирея поддержку со стороны Крыма [Цюрюмов, Батыров 2006: 33]. Напротив, тогда с ним пытались договориться, предлагая стать и ханом, и калгой [Тепкеев 2018а: 273, 274]. Однако, на предложение Джан-Темира занять ханский трон Дели-султан ответил отказом, а калмыкам он сообщил, что официально получил Кубань *в свой удел*.

Ухудшение отношений между Россией и Османской империей, наметившееся к 1717 г., побудило Порту оказать Дели-султану определенные знаки милостивого отношения. Весной того же года в кубанский Копыл прибыл зять крымского хана (Саадет-Гирея?) Айтемир (Янтемир) Аджи, который передал, что *«турецкой салтан обещает его Бакты-Гирея пожаловать в Крым ханом»* [Материалы ВУА 1871: 312]. Однако, как сообщал источник, *«Бакты-Гирей в Крым на ханство не похотел, и Антемир... просил его, чтоб он принял Кубань и был на Кубане калгой салтаном»*. С последним предложением Бахты-Гирей согласился, отменив договоренность с ханом Аюкой и Чагдорджабом о совместном походе на кубанцев, поскольку он *«кубанцов и черкес и других принял»* [Материалы ВУА 1871: 312]. Другой источник уточняет, что в обмен

на согласие служить хану Айтемир-мурза *«прибавил»* чести Бахты-Гирею *«и назвал его калгою салтаном, и ныне де его Бахты-Гирея называют калга султан»* [Материалы ВУА 1871: 304].

Саадет-Гирей продолжил в 1717 г. политику разных уговоров Бахты-Гирея, направив к нему своего сына, с которым Дели-султан повел себя жестко [Материалы ВУА 1871: 308]. При этом толмач Б. Шаров, невольно оказавшийся свидетелем разговора двух султанов, привел такие слова ханского сына «Марак-Гирея»: *«...мене де хан не за тем к тебе прислал, што с тобою в Русь мне своих товаришеш давать; до тебе мене прислал де с любовию, што де ты хану нашему назвался сыном* (выделено нами. — Д. С.), *я де и сам у тебе в руках»* [Материалы ВУА 1871: 308].

Итак, к лету 1717 г., казалось, Бахты-Гирей снова был возведен в сан калги. Однако обратим внимание на одну существенную деталь. Его калгайство носило нетрадиционный, особый (разовый?) для Крыма характер, распространяясь *только* на Кубань: «официальным» же калгой на протяжении всего правления Саадет-Гирея являлся Сафа-Гирей [Le Khanat de Crimée 1978: 366], вероятно, приходившийся братом [Фидарова 2007: 38] правящему хану. Бахты-Гирей, конечно, осознавал специфику своего калгайства, сообщая калмыкам, что *«Кубань ведает он Бахты-Гирей по прежнему»*, и что *«Кубань стала быть по прежнему его»* [Материалы ВУА 1871: 311]. Формальной зависимостью от ханской милости Дели-султан, впрочем, не особенно дорожил, что видно из сообщения толмача Б. Шарова: *«А слушать де я Турка, ни Крыму, не хочу»* [Материалы ВУА 1871: 307]. Посланец черкасских князей Султан-Алий Абешев, приехавший в Санкт-Петербург в феврале 1718 г., весьма точно охарактеризовал действительно особый статус Бахты-Гирея следующими словами: *«Понеже Бахты-Гирей Дели-Салтан на Кубани салтаном учинился собою, и крымские ханы не хотят того, чтоб он тамо был, и возможно чаять, что он по николиком времени с Кубани выбит будет, а в Крым не поедет...»* [РГАДА. Ф. 115. 1718 г. Д. 1. Л. 28–28об.].

Во-вторых, в 1724 г. ситуация в Крыму вновь привлекла к себе внимание амбициозного Бахты-Гирея, недавно подавившего мятеж хатай-кипчаков. Любопытно, что разные группы современников неоднозначно отреагировали на известия о новом «взлете» Дели-султана на пути к ханскому престолу. Так, кабардинцы (*«которые под протекцией турецкого султана»*), временно находившиеся на Кубани при Салат-Гирее, негативно отреагировали на известие от 15 декабря 1724 г. о том, что Бахты-Гирей якобы стал ханом. Из одного доношения на имя А.П. Волинского следует, что кабардинцы возвратились домой, заявив: *«Ежели де в Крыму Бахты-Гирей солтан учинился ханом, то де им под турецкою де протекциею быть невозможно»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 22. Л. 331об.].

По сведениям за 20 октября 1724 г. от Бахты-Гирея к нойонам Дондук-Даши и Дондук-Омбо приезжали посланцы с сообщением, «*что поехал он по призыву в Крым*», поскольку крымцы Саадет-Гирея «*от себя выгнали, а его Бакта-Гирея принимают к себе на ханство. А Ноен де Омбу он Бакта-Гирей взял с собою в Крым*» [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 22. Л. 236–236об.]*. Затем документы фиксируют в ноябре 1724 г. пребывание Бахты-Гирея в Крыму «*в Вохнищах*», т. е. в местности на р. Салгир между Бахчисараем и Карасу-Базаром. Мятежники потерпели поражение — новым крымским ханом стал Менгли-Гирей. Мятежный султан вновь решился привлечь калмыков для борьбы со своими противниками, запросив военную помощь у Дондук-Омбо, Дондук-Даши и ханши Дармабалы. Как и в 1717 г., ногайцы стали «разменной монетой» (или даже козырной картой!) в реализации Бахты-Гиреем его амбициозных планов: он пообещал калмыкам вернуть с Кубани оставшуюся часть едсанцев и джембуйлуковцев [Батыров 2006: 41].

Итак, удалось выяснить, что в 1723–1724 гг., занявших особое место во взаимоотношениях калмыцких элит и Бахты-Гирея (обоснование см. выше), проявилась *еще одна характерная черта*: Дели-султан решился активно использовать военный потенциал калмыков в качестве важного ресурса для поддержания и укрепления режима своей личной власти, в том числе основанной на символическом капитале его культурного, политического и военного сотрудничества с местными пограничными сообществами. Важно обратить внимание на другое: калмыки *согласились* с таким положением вещей, причем авторитет Бахты-Гирея в калмыцком обществе стал быстро расти.

Причины столь примечательного явления стоит искать в разных основаниях (сакральное и профанное), находившихся, однако, в одной системе традиционных культурных ценностей калмыков.

С одной стороны, союз с Бахты-Гиреем был выгоден калмыцким нойонам. В условиях усиливавшегося контроля российских властей над кочеванием калмыков, включая переправу ими Волги с «луговой» стороны на «нагорную» и обратно, в условиях нового «пограничного порядка» и новых дипломатических договоренностей России и Османской империи, калмыки, как и ногайцы, по-прежнему стремились пересекать российско-османское порубежье, организуя столь необходимые и привычные им набеги, в том числе в целях захвата ясыря и отгона скота. Реализовать присущийномадам тип отношений, сложившийся между кочевыми и седентарными обществами, теперь можно было почти безнаказанно и максимально успешно, действуя с территории едва ли не

* См. в том же деле л. 310 об.: о смещении с крымского престола дяди султана Бахты-Гирея — Саадет-Гирея, ошибочно названного Салат-Гиреем и о призвании крымцами на престол Каплан-Гирея. О той же ситуации написано в письме Церен-Дондука [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 22. Л. 291об.].

одной только Кубани, имея известные обязательства по отношению к Дели-султану.

С другой стороны, калмыки и другие современники активно приписывали Бахты-Гирею многочисленные комплиментарные характеристики, связанные с его высоким для номадов статусом воина, предводителя, лидера, обладающего необычными способностями. Харизматичная фигура удачливого военного лидера быстро завоевала авторитет и известное доверие среди калмыков. Согласимся с В.В. Батыровым, обратившим внимание на подобные оценки и полагающим, что Бахты-Гирей являл собой для калмыков «идеал воина-кочевника» [Батыров 2006: 43, 50]. Вновь вспомним о соответствующем прозвище султана — «Дели-султан», данным ему современниками за непредсказуемый характер, и не вполне верно трактуемом европейскими авторами, как «бешеный», «безумный» султан. По всей видимости, современники Бахты-Гирея — крымские татары, ногайцы, калмыки, адыги — вкладывали в прозвище султана иной смысл. К примеру, крымскотатарский хронист Халим-Гирей писал о Бахты-Гирее как о человеке, *прославившемся* в народе под прозвищем «Джихан Дели», тут же, правда, назвав царя Петра I «Дели Петро» (в переводе К. Усеинова на русский язык — «шаловой Петр») [Халим Гирай-султан 2008: 115]. Таким же «шаловым» («Дели») Халим-Гирей именовал крымского хана Крым-Гирея (1758–1764, 1768–1769) [Халим Гирай-султан 2008: 157].

В русле описанного выше характерного отношения калмыков к Бахты-Гирею интересно отметить другой нюанс. Все родовые группы калмыков имели свои отличительные этнические маркеры: «генеалогическая/родовая легенда, знак собственности (тамга, тавро), божества-покровители, клич (уран), сакральный цветовой маркер (өлгү)...» [Шараева 2017: 8]. К числу таких маркеров относились и легенды о родоначальниках и родовых нойонах, причем среди последних указывались, как правило, реальные исторические личности: Йовһн-Мерген, Мазан-Баатр, Митр-Дорж-нойон (Нитар-Дорджи), Бамбар и др. [см., напр.: Алексеева, Борманджинов 1999: 4]. Среди субэтнических калмыцких групп встречаются роды «мангатов», которые, по мнению специалистов по калмыцкой этнографии, имеют татарское происхождение (слово «*маңһд*» переводится с калмыцкого языка как «татарин», «татарский»). При этом у мангатов, живших среди донских калмыков, родовым нойоном считался Бахты-Гирей (Бахта-Керетен) [Алексеева, Борманджинов 1999: 4]*. Вполне возможно, что калмыки приняли к себе какую-то ногайскую группу, откочевавшую с Кубани и ранее подчинявшуюся Бахты-Гирею (отбитую им ранее у калмыков?).

* Выражаем благодарность д.и.н. У.Б. Очирову за консультацию о мангатах и возможном нойонстве Бахты-Гирея, а также за предоставление текста столь редкого издания.

Такая гипотеза возможна еще и потому, что если рассматривать этимологию этнонима «*маңһд*» среди подобных, «*то они маркируют представителей тех национальностей, с которыми связывают возникновение группы: серки — черкесы..., маңһд — татары*» [Шараева 2017: 85]. При этом современники, конечно, могли именовать собственно ногайцев-тюрок «татарами», таких свидетельств достаточно много, например, в документах XVIII в. Любопытно отметить, что среди мангатских родов донских калмыков имелись роды «*хар-маңһд*» (ногайцы) и «*хасг-маңһд*» (казахские татары) [Алексеева, Борманджинов 1999: 17]. Не менее важно обратить внимание на присутствие в период XVII–XVIII вв. различных *тюркоязычных* групп в составе Калмыцкого ханства [Очиров 2008: 98–102], аккумулируя другие аргументы для верификации гипотезы о нойонстве Бахты-Гирея у мангатов именно в данном контексте.

Многие калмыки, судя по всему, отзывались о Бахты-Гирее самым положительным образом. Калмыцкая знать охотно завязывала с ним персональные связи. Нойон Дондук-Даши являлся названным братом Бахты-Гирея [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 196]. Весьма был дружен с Дели-султаном и наместник Калмыцкого ханства Церен-Дондук [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 348]. В 1726 г. калмыки убеждали российского представителя в том, что Бахты-Гирей прежде делал калмыкам «*добра... много, и ево де крымцам и россиянам отдать не можно...*» [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 112об.]. Удивительно на первый взгляд, но тогда же калмыки говорили, что если Бахты-Гирей перейдет к ним в улусы и станет чинить России обиды, то россияне пусть за это взыскивают с них, с калмыков! Шакур-лама утверждал, что «*...де он Бахти-Гирей человек великой, крымского хана сын...*» [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 163]. Калмыки же «*разглашали*» о том, что «*будто ево (Бахты-Гирея. — Д. С.) никто застрелить не может, и что во время боя стрелы, на него пущенные, плетью отбивает*» [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 244]. Характерно, что для российского офицера подобная информация оказалась на вроде «басен», реплика о чем нашла отражение в тексте соответствующего документа: «*...разглашают басни [как знатныя, так и протчия]*». Скорее всего, фрагмент источника, заключенного в аутентичные для времени его составления скобки, можно отнести не к составу «басен» о султанах Бахты-Гирее, а к *социальным и количественным* характеристикам калмыков, распространявшим о нем подобные известия.

Сомнительно полагать, что султан ничего не знал о подобной информации, и что он никак не участвовал в создании образа, столь привлекательного для пограничных сообществ с их развитой воинской культурой. Именно в таком ключе мы рассматриваем малообъяснимый, на первый взгляд, поступок Бахты-Гирея, однажды *отпустившего* трех калмыков, нанятых по совету донского войскового атамана А. Лопатина

для его убийства. Приехав из Черкаска к Бахты-Гирею, калмыки *«весь секрет сами ему объявили, и он, их подаря (т. е. одарив. — Д. С.), от себя отпустил (выделено нами. — Д. С.)»* [Бакунин 1939: 229]. Но, по сути, Дели-султан подарил незадачливым наемным убийцам наивысшую ценность — жизнь. Данный частный случай, кроме того, вписывается в пространство реципрокций, успешно «работавших» на общественный авторитет и на признание личности, ответственной за перераспределение материальных благ и ресурсов, т. е. самого султана Бахты-Гирея.

Безусловно, славе Бахты-Гирея, тоже обеспечивавшей ему широкую поддержку парамилитарных сообществ, в том числе калмыков, способствовали многолетние и многочисленные удачные походы (набеги), которые он зачастую возглавлял лично. Современники не могли не видеть взаимосвязи между двумя данными обстоятельствами. Обращаем на это внимание еще и потому, что в первой половине 1720-х гг. Бахты-Гирею было за 40 лет, но он предпочитал (старался?) вести привычный кочевой образ жизни и, собственно говоря, продолжал «эксплуатировать» тот харизматичный образ удачливого предводителя, который формировался в течение нескольких десятилетий! Наконец, именно как воин он встретил смерть: столкнувшись в сабельном (конном?) бою с кабардинцами в 1729 г., приехав с крымцами и с кубанцами в Большую Кабарду *«с сераскер-султаном (своим родным братом. — Д. С.) и Аслам-беком (т. е. Рослан-беком Кайтукиным. — Д. С.) для взятия их, кабардинских владельцев, и перевезения со всем их владением в Крым»* [АВПРИ. Ф. 115. 1731–1732 г. Д. 2. Л. 137]. В заключение сюжета о формировании и осмыслении в культурной памяти калмыков образа Бахты-Гирея, необходимого для раскрытия темы, отметим, что он *«пользовался среди степняков большим уважением и авторитетом, о нем ходили легенды; его имя оставило след в калмыцком фольклоре»* [История Калмыкии 2009: 411]. Вероятно, под именем Байхтан-Эретына (Бахты-Каратына/Керетена) этот султан-чингисид вошел в сказочную традицию калмыков [Храбрый Мазан].

Бахты-Гирей тоже оказывал калмыкам многочисленные услуги, выделяя их среди других своих традиционных сторонников. Он активно развивал с ними практики обмена подарками и услугами (реципрокции), накопив на данном поприще огромный опыт, успешно конвертируемый им в отношении зависимости патронально-клиентельного типа, характерные для его связей с калмыками, ногайцами и частью адыгов. Истоки подобного опыта уходят корнями в рубеж XVII–XVIII вв., когда султан Бахты-Гирей только начинал создавать на Кубани систему реципрокций и дополнения своих ограниченных военных, пищевых, материальных и иных ресурсов. Азовский воевода С.Б. Ловчиков писал И.А. Толстому от 8 июля 1702 г. в Эдирне (Адрианополь): *«...И о сем, благодетелю моему, ведомо чиню: от кубанцов чинится многое воровство и под горы царского пресветлого величества, которые по Волге и до Саратова,*

также под городки донских казаков частые набеги чинят. А наипаче из них калмыцкие мурзы новокрещенные, которые, изменя царскому пресветлomu, отъехали на Кубань и воруя горши всех. И поakaет им всем Бахтигирей салтан кубанской, и на воровство их посылает, и лошади свои дает. Так же китат (sic! — Д. С.) кипчаки многое озорничество чинят, и пишут сами, что салтану кубанскому не судимы» [РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1702 г. Д. 1. Л. 151об.–152]*. Щедрость и удачливость Дели-султана, к слову, всегда ускользавшего от врагов, тоже были порукой в налаживании его системных связей с номадами и с другими пограничными сообществами. В той же связи мы рассматриваем дарения, к которым Бахты-Гирей неоднократно прибегал в обращениях с калмыками. Так, в одном из сообщений толмача Б. Шарова, предшествовавших набегу Бахты-Гирея на Россию летом 1717 г., говорилось: «А калмыкам султан льстит так и дарит весьма много» [Материалы ВУА 1871: 308]. Пытаясь расположить калмыков к участию в ставшем потом «знаменитым» набеге 1717 г., султан Бахты-Гирей «Калмыцким лутчим людем всем дал в подарки по коню» [Материалы ВУА 1871: 309]. Щедрый дар Дели-султана вызвал ответную реакцию: «И оные Калмыки, совокупясь, все пошли для воровства в Русь, с ним же Бахты-Гиреем султаном» [Материалы ВУА 1871: 309].

Конечно, реципрокции сами по себе не могли иметь исключительной силы (хотя являлись важнейшим фактором накопления лидером/вождем/предводителем необходимого ему социального капитала), но могли сопровождаться угрозами, впрочем, имевшими разные основания. Тот же источник сообщал, что калмыки отговаривались от участия в набеге, заявляя, что у них кони «худы», на что Бахты-Гирей ответил им угрозой: «Я... вас роздам по своих людах, десяти человеком своим людем калмыка одного, чтоб они его везли на подводах на своих лошадеях». А российскому посланнику Б. Шарову он сказал: «Я... надеюсь на [А]юку хана и на Четеря, калмык всех беру с собою **по своей воле** (выделено нами. — Д. С.)» [Материалы ВУА 1871: 308]. В ходе развития столь неоднозначных отношений калмыки стали связывать удачу во многих делах с благополучием и с жизнью Бахты-Гирея. Недаром российские власти считали почти невозможным нанять убийц из числа калмыков, которых можно было бы подослать к Дели-султану [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 255об.]. Вконец истощавшие и оборванные калмыки, возвращавшиеся весной 1728 г. из кубанского похода, с гордостью говорили российским представителям, что они стояли у Кубани три месяца, и хотя нужду терпели, но «однако ж **зделали ползу** (выделено нами. — Д. С.), понеже Бакта-Гирея оставили на Кубане ж действительным султаном. И тако ж с ними кубанцы, и... крымцы, и... турки помирились» [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 323].

* За предоставление документа благодарим к.и.н. П.А. Авакова.

В этой же части статьи, чтобы не возвращаться к сюжету о ханских амбициях Бахты-Гирея, отметим, что впоследствии Дели-султан не оставлял мыслей о захвате власти в Крыму, имея законное право стать ханом. Если судить по сохранившимся документам и их контексту, Бахты-Гирей рассчитывал после фактического захвата власти принудить Порту либо назначить его ханом, либо полагал необходимым все время «расшатывать» крымский трон, добиваясь тем самым упрочения своего положения на Северном Кавказе. Не исключено, что он был готов к реализации разных сценариев, живо реагируя на неоднократное обострение обстановки в Крыму в 1720-е гг. В 1727 г. калмыки отмечали, что Бахты-Гирей *«желает, согласясь с черкасы, Кубань завоевать и в Крым идти, и в Крыме б быть ему ханом, и кто де войною ему поможет, тому и служить будет верно...»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 163–163об.]. В апреле 1727 г. посланец Дели-султана заявил российскому представителю Я. Татариннову, что султан намерен *«Кубань взяв, в Крым идти, и в Крыму быть ханом. И ежели де русские с ними, то де они Азов и Тавань возмут. А Кубань де и горы все и без войны их будут»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 206об.]. При этом Бахты-Гирей выражал готовность служить императору Петру II, что выглядит с его стороны риторической уловкой. Поясним свою мысль: далеко за пределами Северного Кавказа и Калмыцкой степи Дели-султан являлся признанным военно-политическим лидером и авторитетным предводителем, опытейшим переговорщиком с российскими администраторами и с военными чинами, поднаторевшим в уговорах, в лицемерных обещаниях, в обманах собеседников, конечно, не собиравшимся переходить в подданство (холопство) к «белому царю».

Удачную и, вместе с тем, эмоциональную оценку этой харизматической личности дал в 1717 г. российский толмач Б. Шаров, видевшийся с Бахты-Гиреем: *«...а в словах своих оный султан зело непостоянен, бес, а не человек, только поношение человеком* (выделено нами. — Д. С.)» [Материалы ВУА 1871: 307]. Последовательно выступая в роли дестабилизатора ситуации на северокавказском порубежье, султан Бахты-Гирей был крайне опасным для России, Крыма и Османской империи самостоятельным участником сложной межимперской политической игры, сформировавшимся на волне развивавшегося в Крымском ханстве недовольства стабилизацией русско-турецкой границы. Не замечая этого очевидного контекста, В.Т. Тепкеев напрасно приписывает действиям Бахты-Гирея и некоторым событиям из истории калмыцко-кубанских и калмыцко-крымских отношений характер *направленного* межимперского противостояния (*«Российская и Османская империя для достижения своих внешнеполитических целей периодически сталкивали приграничные народы друг с другом...»* [Тепкеев 2018в: 33]).

Документально не подтверждается и утверждение Ю.В. Приймака о причастности Порты к усилению власти Бахты-Гирея и к его действи-

ям по созданию якобы «сепаратистского анклава под эгидой Порты», тем более — «некого государственного образования» [Приймак 2011: 149]. Неверно расставлены указанным автором и многие другие акценты: при характеристике ногайского (кубанского) и калмыцкого вопросов и роли в них султана Бахты-Гирея [Приймак 2011: 148–151], к тому же ошибочно названного «самовластным сераскером». Так, по мнению Ю.В. Приймака, деятельность Бахты-Гирея развивалась в русле «скрытых экспансионистских устремлений Порты в направлении земель степного Предкавказья и Кабарды» [Приймак 2011: 149–150]. В действительности дело обстояло ровным счетом наоборот: Бахты-Гирей выстраивал свою систему сдержек и противовесов среди местных фронтирных элит, почти не соотнося свои действия с интересами османских и крымских правителей. Собственно, это и отражало многолетние амбициозные устремления этого человека, вполне сумевшего их реализовать на Северном Кавказе.

Стамбульский двор, наряду с Санкт-Петербургом и Бахчисараем, активно участвовал в нейтрализации Дели-султана и не поддерживал его специально; тем более, он не рассматривал его в качестве союзника в борьбе за влияние на народы Северного Кавказа. Без этого, собственно, невозможно понять и оценить феномен лидерства Бахты-Гирея, столь опасного для империй, и его многолетнего пребывания именно в кубанском регионе. Подробная аргументация данного утверждения содержится в наших с В.В. Грибовским многочисленных опубликованных работах о Бахты-Гирее. Новые аргументы в пользу указанной концепции приводятся ниже по тексту данной статьи.

Бахты-Гирей поддержал Джан-Темира (Тимура) Ширинского, отступившего на Кубань в 1725 г. после поражения мятежа, о котором написано выше. Спасаясь от ареста, мятежный Джан-Темир Ширинский случайно бежал именно к Бахты-Гирею, куда вскоре выступил и сам хан Менгли-Гирей II. Это происшествие вызвало обеспокоенность в Стамбуле, причем Порта поставила в известность о нем российского посланника [Фелицын 1904: 9], начав подготовку масштабной акции против Бахты-Гирея, включая отправку партии янычар в Азов [Фелицын 1904: 9–10]. Обращает на себя внимание мнение некоторых наблюдателей о готовности Бахты-Гирея с «Ширинбеем и с его партизанами» нанести удар по Крыму» [Фелицын 1904: 10–11]. В итоге войска Бахты-Гирея и Джан-Темира были разбиты, их предводители бежали в Малую Кабарду, причем калмыцкая знать, включая ханшу Дармабалу, отправила на Кубань посланцев для выяснения подробностей [Батыров 2006: 42]. К слову, Джан-Темир оставался на Северном Кавказе и общался с калмыками после гибели Дели-султана в 1729 г., однако не приобрел влияния и авторитета Бахты-Гирея. Еще весной 1726 г. Бахты-Гирей и Джан-Темир скрывались в «горах во владениях Абазинских черкес». Несколько позже, но «того же лета», Бахты-Гирея оттуда ушел, а Джан-Темир — остал-

ся, причем Дели-султан *«ему при уходе обещал, что придет калмыки его выручить»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 68 об.–69].

В том же году Дели-султан вновь вступил в борьбу за власть на Кубани, в который раз прибегнув к помощи калмыков. Тайши, оппозиционно настроенные к наместнику ханства Церен-Дондуку, находили прибежище на Кубани, откуда вместе с ногайцами Бахты-Гирея нападали на пограничные османские территории, укрываясь от преследования пограничных османских и крымских администраций в российских владениях. Недаром в документе тех лет встречаем мнение о том, что калмыки *«всегда желают»*, чтобы между россиянами и турками-османами война была для того, чтобы им под защитой российских войск *«под Кубань и под Крым ходить для воровства»*, и что они *«болши тиатца, чтоб мир нарушить...»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 244].

Так, только в 1726 г. калмыки совершили с Бахты-Гиреем несколько нападений на османский Азов [Цюрюмов 2007: 202]. Один из таких походов был совершен осенью 1726 г. [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 41 об., 42], после чего Бахты-Гирей планировал направиться в поход против черкесов *для отгона овец*. А тогда, в октябре 1726 г., Бахты-Гирей и калмыки *«били»* под азовские слободы и *«взяли в слободах»* около 1 тыс. *«жителей мужеска полу и женска, и малых робят»*. Калмыцкую группировку численностью до 1 тыс. чел. возглавил нойон Дондук-Даши, оставшийся в степи и предусмотрительно отсутствовавший под Азовом. Азовские бешлеи сумели организовать погоню и захватить в плен нескольких калмыков [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 66]. Бахты-Гирей и Дондук-Даши остановились *«на вершинах Манача»* близ Соленого озера, откуда Дели-султан направил Салат-Гирею и едисанцам предложение о мире, в противном же случае он выражал готовность *«воеватца»* с ними [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 66об.].

Крымский хан Менгли-Гирей II указывал в письме на имя генерал-фельдмаршала М.М. Голицына, полученном 3 февраля 1727 г., что Бахты-Гирей и Джан-Темир *«и ныне»* пребывают в *«Абазинских горах»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 16]. И хотя, скорее всего, информация о месте укрывательства обоих мятежников устарела, обратим внимание на следующую деталь: *«...только Бакты-Гирей в тех горах не живет много. Но по-воровски с оных гор съезжает в степь... где, совокупясь с калмыками, в кубанские страны и в перекопские степи завсегда ходит и ворует»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 16]. При этом хан сетовал, что если раньше отправлявшихся в набег калмыков было мало, то теперь их насчитывалось около 400 чел., которые захватили у крымцев множество рогатого скота и овец. В челобитной кабардинских князей Х. и И. Мисостовых на имя Петра I находим такие слова: *«Мы на поле в кошах стояли, как ваш, так и наш неприятель Бахтагирей-Солтан приехал с калмыцкими и напал на Хотокчуку-Бега, из его конских та-*

бунов 1000 лошадей отогнал» [История Кабардино-Балкарии 2005: 68]. В.В. Батыров справедливо заметил, что периодически у Дели-султана возникали трудности с финансами: *«Как обычно, Бахты-Гирей не платил своим людям (что не вполне верно, так как «плата» могла заключаться не только в денежном виде. — Д. С.). Платой за службу было его разрешение нападать на Кубань. Оно привлекало в лагерь Бахты-Гирея всех желающих быстро обогатиться»* [Батыров 2006: 44].

Не забывал Дели-султан и о себе, точнее, о поддержании собственной ресурсной базы, столь необходимой ему в борьбе за фактическую власть на Кубани и за привлечение самых разнообразных союзников. В ходе январского набега 1718 г. кубанцев на Черкасск под руководством самого Бахты-Гирея был захвачен *ясырь*, а также *«вещи»* и *«богач»* донских казаков [ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1473. Л. 41–42]. В 1721 г. Бахты-Гирей вторгся в Большую Кабарду и угнал там *«в трех кабаках»* скот [АВПРИ. Ф. 115. 1722 г. Д. 5. Л. 6]. Недаром астраханский губернатор А.П. Волынский в письме Петру I от 5 декабря 1721 г. заметил, что *«лучшее богатство (у кабардинцев. — Д. С.) было скот, но и то все крымцы обобрали, а ныне князей кормят уздени, и всего их мерзкого жителя и описать невозможно»* [РГАДА. Ф. 9. Отд. I. Кн. 30. Л. 129]. Летом 1717 г. состоялся мощнейший набег Бахты-Гирея на Воронежскую, Казанскую и Нижегородскую губернии, в ходе которого было захвачено большое количество русского *ясыря*, позже отбитого донскими казаками [РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1717 г. Д. 4. Л. 93 об.–94, 96, 102–103; ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1471. Л. 44.]. В 1723 г. Р. Кайтукин, заручившись поддержкой Бахты-Гирея в борьбе со своими противниками, пообещал ему *«со всякого двора по два ясыря»* [Фелицын 1904: 5].

В декабре 1727 г. нойоны Бату и Бодонг с 4-тысячным отрядом совершили вместе с Бахты-Гиреем набег на Кубань, где захватили большое количество скота [Цюрюмов, Батыров 2006: 47]. Нападавшим тогда удалось отбить у ногайцев 20 000 лошадей, которых они отогнали в свои улусы [Фелицын 1904: 27]. В другой раз калмыцкая группировка, возглавляемая нойонами Бату, Бодонгом, Лубжой и Бахты-Гиреем, отбила на Кубани у едисанцев и джембуйлуковцев 11 226 лошадей, а также захватила 540 чел. [Фелицын 1904: 27–28]. Скот и люди также были отправлены калмыками в свои улусы, но, что примечательно, Дели-султан, судя по всему, не участвовал в разделе захваченного, судя по контексту документов, полностью доставшегося калмыкам. Однако вскоре калмыки помогли Бахты-Гирею вооруженным путем вновь обрести положение фактического правителя Кубани.

Если наша гипотеза верна, то оказанная Бахты-Гиреем услуга (участие в двух походах, захват скота/ясыря и, что более существенно, его отказ от своей доли) была возвращена ему калмыками с лихвой! Как мы видим, набеги и военные планы Бахты-Гирея носили различную на-

правленность, но, прежде всего, связанную с целенаправленным пополнением его ограниченной ресурсной базы, включая материальную. Для успешного решения более глобальных и стратегических задач султану Бахты-Гирею необходимо было не только возглавлять походы, *но также регулярно охранять, одаривать, снабжать пропитанием своих союзников, бороться с их врагами и пр.*, сохранять свои многолетние и устойчивые патронатно-клиентельные отношения с теми же номадами. Ясырь и скот можно уверенно отнести к числу ресурсов, очень важных для Бахты-Гирея и, одновременно, исключительно ценных в глазах столь необходимых ему союзников в лице военизированных сообществ.

Султан Бахты-Гирей продолжал умело вмешивался во внутрикалмыцкие усобицы: в 1726 г. он объединился с наместником Церен-Дондуком и направился громить донские городки, а также калмыков *«Четеря и Досанга Петра тайши»*, покинувших Калмыцкое ханство и откочевавших на Дон [Фелицын 1904: 4]. С помощью калмыков Дели-султан стал в 1726 г. готовить поход на Кубань, находясь *«за Кумой»*, причем данное известие серьезно обеспокоило российские власти [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 20об.–25]. В.П. Беклемишев стал предпринимать активные усилия для того, чтобы сорвать выступление калмыков на Куму к Бахты-Гирею. В конце 1726 г. подполковник В.П. Беклемишев доносил в Коллегию иностранных дел о том, что направил в улусы черноморского дворянина С. Казанцова к ханше, к Церен-Дондуку, к Шакур-ламе с письмами, чтобы они не помогали Бахты-Гирею войсками и не принимали бы его к себе, и на кубанцев бы войной не ходили [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 36об.]. Среди калмыцкой знати начались разногласия по данному вопросу, а В.П. Беклемишев продолжил уговаривать Шакур-ламу [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 22об.–23., 136, 139]. В феврале 1727 г. Шакур-лама уверял В.П. Беклемишева, что ему с зайсанагами удалось остановить поход, и что Бахты-Гирей прислал к нему своего татарина с просьбой, *«чтоб он его не оставил и приговаривал бы владельцам, чтоб они шли войною на Кубань...»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 139].

Салат-Гирей пытался, в свою очередь, договориться о ненападении с Церен-Дондуком. Его посланец передал Церен-Дондуку, *«чтоб они войною на Кубань не ходили, и обиды им, кубанцом, никакой не делали и взятое у них им возвратили...»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 112]. Повторимся, что мнения калмыцкой знати об оказании помощи Бахты-Гирею разделились: *«Иные приговаривали идти, а другие отговаривали»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 42]. Против похода выступили зайсанги Церен-Дондука и *«ближние люди Дарма-Балы»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 36]. Еще в январе 1727 г. калмыки *«ни на кубанцов не пошли, ни в улусы не возвратились»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 36]. Известия о готовящемся походе калмыков вместе с Бахты-Гиреем на Кубань встревожило крымского хана Менгли-Гирея II, объявившего генерал-

фельдмаршалу М.М. Голицыну о сборе войска в Крыму и на Кубани: «а начальник над тем будет один султан и перекопский бей» [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 17об.–18.]. Хотя многие нойоны все-таки привели своих воинов на Куму, но поход на Кубань был отложен [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 141].

Заметим, что нойон Дондук-Омбо и Бахты-Гирей пытались привлечь к походу кабардинцев, которые дали предварительное согласие. Обещая калмыкам поддержку со стороны черкесов (какой, все же, талантливый переговорщик!), Бахты-Гирей вновь стал уговаривать калмыков идти в поход на Кубань, но безрезультатно: «И войско всю зиму простояло без дела...» [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 42об.]. Имеются сведения, что Церен-Дондук и Бахты-Гирей пытались выступить на кубанцев, но «за большими снегами» не сумели этого сделать, хотя пытались не «единожды» [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 29. Л. 24об.]. Однако, перед окончательным уходом калмыков в улусы Бахты-Гирей стал просить калмыков оставить ему людей, что те и сделали: оставили 300 чел., в том числе 150 — из улуса Дондук-Омбо [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 42об.]. Заметим, что кубанских «татар» при Бахты-Гирее находилось тогда немногим более 40 человек, и он снова сумел выйти из ситуации с нехваткой людей, поскольку постоянной ударной группировки у султана никогда не было! К слову, известны случаи, когда при Бахты-Гирее оставалось и 6, и 29 чел., что не мешало ему собирать новые силы и вынашивать амбициозные планы. Примечательно, что о дальнейших планах Дели-султана российский информатор ничего тогда сообщить не смог, поскольку «что намеряется делать (Бахты-Гирей. — Д. С.), того прежде времени не объявляет, и в одном месте болши дву дней не живет, опасается, чтоб ево не поймали» [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 43].

В феврале 1727 г. российскому резиденту в Стамбуле И.И. Неплюеву пришлось выслушивать, как пишет А.В. Цюрюмов, «крепкие турецкие выговоры о калмыцких делах». Особенно турки негодовали из-за союза калмыков с Бахты-Гиреем, а также из-за захвата калмыками султанского посла Осман-мирзы аги, направлявшегося с письмом из Стамбула в Азов [Цюрюмов 2007: 202]. Императорской грамотой от 15 февраля 1727 г. Церен-Дондуку в числе прочих указаний запрещалось поддерживать Бахты-Гирея. После событий на Куме Салат-Гирей решил тоже активизировать действия против калмыков и Бахты-Гирея. В марте 1727 г. на калмыков напали кубанские ногайцы, отогнав у них в степи у «сарпинских вершин» 3 тыс. лошадей и несколько верблюдов [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 148об.]. Бахты-Гирей тогда оказал калмыкам крупную услугу, прислав из-за Кумы своих «послов» с известием, что кубанцы хотят их «воевать»: «И Дундук-Омбо своего улусу с калмыки собрався и прислал Бакчерге, и Бакчерга де своим велел збиратца ж и ехать для охранения своих улусов...» [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 149]. В конце марта 1727 г. Дели-

султан снова предупредил калмыков о том, что Салат-Гирей выступил с Кубани на калмыков с 10 000 воинов, что вызвало откочевку калмыков на луговую сторону Волги и отгон ими конских табунов [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 149об.]. Поход Салат-Гирея на калмыков, по сути, провалился, поскольку Волгу, рано вскрывшуюся ото льда, преодолеть не удалось: «*Волга уже худа была...и затем кубанцом нельзя было чрез Волгу переехать*» [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 152об.].

На обратном пути одна из групп кубанцев численностью 94 чел. подверглась нападению самого Бахты-Гирея. Дели-султан быстро выступил с Кумы и разбил противника за Маньчем, «*дошед до реки Дон-гузду*»: 17 чел. попали в плен, остальных — «*побили*». После этого султан отправил в Царицын двух калмыков с двумя бывшими русскими пленниками, заявив, что впредь собирается извещать коменданта о возможных выступлениях со стороны кубанцев, поскольку имеет с ними «*ссору немалую*» [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 167]. Таким образом, слова В.В. Батырова о том, что Дели-султан «*добровольно взял на себя обязательства по охране границ России от набегов кубанцев*» [Батыров 2006: 47] являются преувеличением.

Другое дело, что в 1727–1728 гг. российские власти активизировали действия по «нейтрализации» непредсказуемого Дели-султана, рассматривая самые разные варианты: от его призывания в «протекцию» империи до организации заказного убийства. Однажды вернулись ни с чем нанятые генерал-майором А. Таракановым для убийства Бахты-Гирея трое калмыков, которым в случае успеха обещалась огромная сумма в 5 тыс. руб. [Батыров 2006: 48]. Отметим исключительную осторожность Дели-султана во время кочевания с одной территории на другую, а также во время остановок между кочеванием/походами.

Между тем, российскими властями предполагались и более «щадящие» меры по усмирению Дели-султана. Например, генерал-фельдмаршал М.М. Голицын писал В.П. Беклемишеву, что если Бахты-Гирей согласится войти в протекцию [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 159], то его следует отвезти в город, который подполковник сам «*за способнее разсудит, и там бы ево содержать тайно до указа, дабы не проведали на Кубане и в Азове*» [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 159–159об.]. Другой вариант содержания Бахты-Гирея предполагал его отправку в Хоперскую крепость. Заметим, что, если начать с событий более раннего времени, то российские власти все-таки рассчитывали переманить Бахты-Гирея в российское подданство. За несколько лет до описываемых событий обер-коменданту г. Астрахани был послан указ, предусматривавший, что если Дели-султан пожелает быть «*под рукой*» Петра I и кочевать близ Астрахани, то с ним следует ласково обходиться [РГАДА. Ф.89. Оп. 1. 1717 г. Д. 4. Л. 2]. Правда, в 1718 г. черкесы, поделившиеся информацией с кабардинцами, собирались поймать Бахты-Гирея, чтобы «*в том его царскому величеству службу свою показать*» [РГАДА.

Ф. 115. 1718 г. Д. 1. Л. 26–28об.]. А вот в рамках конкретной для российских властей «проблемы Бахты-Гирея» 1720-х гг. наблюдаются более радикальные способы ее решения. Такой «новый» для российских администраторов и военных чинов подход отражал серьезнейшее отношение России к реально возросшему влиянию Бахты-Гирея на дестабилизацию обстановки в южном пограничье и даже за его пределами, к масштабу его «подрывных» действий против империи. Недаром обнаружилось опасное для России связи Бахты-Гирея даже с башкирами [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 245], о чем можно встретить отрывочные упоминания в литературе [Очиров 2002: 80].

Российские власти неслучайно активизировались в связи с готовившимся походом Бахты-Гирея и калмыков на Кубань, решая в начале 1727 г. вопрос о его «перезывании» или поимке, или убийстве. От Царицынской линии в степь тогда были отправлены две «партии» во главе с капитанами Державиным и Елагиным [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 21об.]. Кроме того, В.П. Беклемишев («который у калмыцких дел») должен был добиваться личной встречи с Дели-султаном. Другой подполковник — И.М. Квашнин-Самарин — был определен М.М. Голицыным в Транжамент для принятия комиссии о призыве Бахты-Гирея под российскую протекцию.

Впрочем, еще 17 ноября 1726 г. был издан императорский указ, «пущенный» через Верховный тайный совет, в котором тоже шла речь о призывании Бахты-Гирея и Джан-Темира Ширинского в российскую протекцию [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 71]. В нем содержались инструкции, доведенные до исполнителей в начале 1727 г. Так, В.П. Беклемишеву, если тому станет известно о возвращении Бахты-Гирея из похода или о его пребывании в калмыцких улусах, надлежало ехать туда в «самой скорости» и «трудитца и призывать ево, Бакты-Гирея, а ежели с ним и Джантемира Ширинбея под протекцию всякими возможными образы, хотя и не требуя от них в том письменного или какова другава обнадешивания...» [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 73]. Подобные действия повелевалось чинить осторожно, «дабы не могло произойти эха до Азова и протчей турецкой области...». Императорский указ от 15 февраля 1727 г., полученный генерал-фельдмаршалом князем М.М. Голицыным 27 февраля того же года, также предполагал меры по призыванию Бахты-Гирея в российскую протекцию: «А ежели не пойдет, **то б поймать или хотя и убить...** (выделено нами. — Д. С.)» [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 21]. 29 марта 1727 г. князь М.М. Голицын рапортовал не только о срыве похода калмыков на Кубань, но также об отправке В.П. Беклемишеву указа о поимке или об убийстве Бахты-Гирея в случае его отказа принять российскую протекцию. В таких условиях Дели-султан действительно мог опасаться за свою жизнь; причем, «имея страх, дабы не был пойман», Дели-султан никогда не кочевал на одном месте более двух суток [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 26].

Дальнейшее развитие ситуации нашло отражение в аналитической переписке подполковника и царицынского воеводы В.П. Беклемишева с вышестоящим начальством. В частности, он отмечал, что если сам Бахты-Гирей не пойдет на примирение, то его поимка с помощью российских войск представляется ему недостижимой задачей, так как Дели-султан *«ото всех в страхе на одном месте не живет и не бес караулов ж у него»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 255]. Если же попытаться застать его врасплох, то Бахты-Гирей со своими людьми, как точно выразился В.П. Беклемишев, *«для таковых случаев... имеют они лошадей резвых. И сколько от кубанскова салтана за ним посылаемы, но и от всех ухораниваетца, а когда и наезжали, то уходят»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. 255об.]. Подполковник скептически отнесся к поиску наемных убийц среди калмыков, как знатных, так и простых. По его мнению, если кто-то из простых калмыков решится застрелить или зарезать Дели-султана, то ему *«самому убиту быть»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 255об.]. Поимку Бахты-Гирея, часто бывающего на Куме, В.П. Беклемишев предлагал поручить донским казакам, которые там живут и занимаются звериной ловлей [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 255об.]. При этом он полагал возможным объединить усилия с кубанцами и даже с Салат-Гиреем для поисков Бахты-Гирея в степи [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 255 об.–256].

В инструкции И. Бахметеву, данной из Коллегии иностранных дел на основании императорского указа, «состоявшегося» в Верховном тайном совете 24 января 1728 г., вновь предусматривались разные меры по нейтрализации султана, вплоть до убийства. Для решения этого вопроса капитану лейб-гвардии Ивану Шувалову надлежало иметь секретный разговор с атаманом Войска Донского А. Лопатиным, для начала попытавшись призвать султана в российскую протекцию. В случае же отказа следовало поймать или убить его, *«ибо на то убийство... есть желание и повеление от стороны турецкой, за что повелено обещать им донским казаком некоторую сумму»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 30. Л. 10]*. Причем, судя по всему, речь шла о другом случае, нежели об описанном нами выше, когда того же А. Лопатина привлекли к организации убийства Бахты-Гирея с помощью донских калмыков.

Возвращаясь к истории с реализацией императорского указа от 17 ноября 1726 г., отметим, что исполнительный В.П. Беклемишев продолжал добиваться личной встречи с Бахты-Гиреем. Несмотря на определенные трудности и на некоторое противодействие со стороны ханши Дармабалы, опасавшейся перехода Бахты-Гирея под российскую протекцию [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 27. Л. 33, 55–55об.], встреча все-таки состоялась 14 июля 1727 г. Случилось это при посредничестве нойонов Бату и Дон-

* За указание на документы в данном архивном деле из фонда И-36 НАРК благодарим к.и.н. А.А. Курапова.

дук-Даши (названного брата Дели-султана!), переправившихся к Бахты-Гирею с помощью В.П. Беклемишева на нагорную сторону Волги [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 27. Л. 57об.]. В разговоре с султаном В.П. Беклемишев передал ему все российские предложения о принятии *«высокой протекции Е.И.В.»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 27. Л. 83об.]. Любопытная деталь: незадолго до того российский представитель известился о приезде хатай-кипчаков к Бахты-Гирею для *«призывания»* его на Кубань. Дели-султан высокомерно ответил мурзам, что они призывают его не вовремя, ибо его приглашают перейти в российскую протекцию, *«и потому де кубанцы и без нужды будут ево...»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 27. Л. 41об.].

Между тем, во второй половине 1727 г. Бахты-Гирей вновь уговаривал калмыков выступить с походом на Кубань. 14 июля 1727 г. с Кубани прибыли его посланцы, сообщая, что *«некоторая партия»* ждет его там с радостью, *«а протчие ж zelo опасаются»*. Тогда Дели-султан стал призывать калмыцких нойонов быстрее отправляться на Кубань. В итоге *«все до одного»* владельцы присягали между собой, решив принять у себя Бахты-Гирея (в отсутствие императорского указа!) и *«воевать»* едисанцев, джембуйлуковцев и кубанцев [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 27. Л. 84об.]. Соответствующие уговоры калмыков со стороны Бахты-Гирея продолжились и в дальнейшем [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 27. Л. 214 об.–215]. Пытаясь увлечь калмыков к началу похода, расчетливый Бахты-Гирей в том же 1727 г. стал кочевать близ *«Митешкина острова»* на нагорной стороне Волги, что вызвало откочевку к нему части калмыков с луговой стороны Волги: *«...и кочуют близ Бахты-Гирея, а и прочие их калмыцкие войски походом на Кубань не замедлят»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 27. Л. 239]. Кубанским же татарам он жестко заявлял, что если те хотят воевать с ним, *«тоб в том стояли, а буде хотят поддаться под владение его, то б о том дали ему знать»* [Фелицын 1904: 22]. На решение калмыков о поддержке Бахты-Гирея, помимо фактора его авторитетного мнения и настойчивых уговоров, мог также повлиять направленный против них весенний поход султана Салат-Гирея. В любом случае, российское правительство уже не могло удержать калмыков от похода ни уговорами, ни угрозами, ни запретом продавать им порох и свинец [Батыров 2006: 48].

В поход на Кубань выступили со своими воинами многие нойоны, включая Дондук-Омбо, Дондук-Даши и Дасанга, а также войска наместника Калмыцкого ханства — Церен-Дондука. Отметим характерный для Бахты-Гирея прием по выстраиванию ситуативно выгодных ему комбинаций: он попытался привлечь дополнительный воинский контингент для усиления калмыков в лице кабардинцев [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 157 об.–158]. Вероятно, одним из мероприятий начинавшегося похода стало вторжение Бахты-Гирея вместе с нойонами Бату и Бодонгом на Кубань в декабре 1727 г., где было захвачено большое количество

скота [Цюрюмов 2007: 202]. Для начала (или после этого?) Бахты-Гирей соединился с несколькими зайсангами при урочище Донгузла в 3 тыс. чел. «*наперед на приступ*», а Церен-Дондук выступил следом со всем войском [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 315].

Обратим внимание на то, каким образом повел себя перед возможным столкновением с калмыками султан Салат-Гирей. Он выступил с войсками в количестве 1 600 чел. навстречу противнику и «*стал у Бакты-Гиреева тестя Азамат-мурзы*», отправив нарочного к калмыкам [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 344] спросить у них о причине прихода. При этом он твердо заявил, «*...что он на Кубане командует по указу крымского хана, а Бакта-Гирей де отогнан с Кубану по крымскому ж указу*» [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 344 об.–345]. Церен-Дондук ответил, что он пришел, «*чтоб Бакти-Гирея султана **оставить на Кубане по-прежнему султаном*** (выделено нами. — Д. С.)» [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 345]. Насколько известно из источников, боестолкновения не случилось, и Салат-Гирей отступил.

После этого Церен-Дондук оставил Бахты-Гирея «*у реченного тестя его Азамат-мурзы в городке Копыле*» с 1 тыс. калмыков. К слову, документы о тесте Дели-султана позволяют вновь актуализовать дискуссию о составе его семьи и о «брачной дипломатии» султана, начатую нами в одной из статей [Сень 2016б: 470]. Оказывается, Копыл неслучайно интересовал Бахты-Гирея и в 1728 г., и много раньше, например, еще в 1717 г. Тогда к этой крепости тяготела какая-то ногайская группировка, с которой Дели-султан был связан через брачные узы с дочерью ногайского Азамат-мурзы. Примечательно, что небезопасные для Дели-султана хатай-кипчаки, а также джембуйлуковцы остались на Кубани при том же Азамат-мурзе, приняв Бахты-Гирея через «пересылку» с Церен-Дондуком к себе в Копыл «*за владельца*», в чем ему и присягали [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 345]. Салтанаульцы же примкнули к Салат-Гирею. Правда, в другом источнике говорилось, что Салат-Гирей ушел в горы с салтанаульцами и с джембуйлуковцами, а едисанцы и хатай-кипчаки присягнули Бахты-Гирею.

Благодаря калмыкам Бахты-Гирей вновь упрочил свою неофициальную власть на Кубани (основу его действительно феноменального положения в системе власти Крымского ханства), которую он упорно выстраивал в течение многих лет. Вконец истощавшие и оборванные калмыки, возвращавшиеся весной 1728 г. из кубанского похода, с гордостью говорили А. Иванову и Я. Татаринову, что стояли у Кубани три месяца, и хотя нужду терпели, но «*однако ж **зделали ползу*** (выделено нами. — Д. С.), *понеже Бакта-Гирея оставили на Кубане ж действительным султаном*» [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 323]. При этом очевидцы свидетельствовали, что большая часть калмыков шла «*теши, а лошади их едва и простые брели*», что люди питались невейной пшеницей,

«которую они в воде разводя, и разболтавши, пили» [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 323].

Дальнейшие события показали, что обоим султанам была выгодна временная передышка: Салат-Гирей и Бахты-Гирей *«через пересылку присягами утвердились, что быть им в согласии и одному противу другога не воевать»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 324]. Интересно, что крымский хан Менгли-Гирей II так и не выступил против калмыков, ограничившись соответствующим письменным требованием к киевскому губернатору князю Трубецкому [Цюрюмов 2007: 203], и был вынужден тогда примириться с Бахты-Гиреем. Однако хатай-кипчаки, действовавшие якобы по *«присылке»* от Салат-Гирея (впрочем, со счетов нельзя сбрасывать застарелый конфликт хатай-кипчаков и Дели-султана, уходящий корнями в 1723 год, если не раньше!), вскоре вознамерились схватить Бахты-Гирея и передать его Салат-Гирею. Осторожный Бахты-Гирей вновь избежал опасности, укрывшись с шестью своими людьми в горах [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 347об.].

Наместник Церен-Дондук, узнав о поражении Бахты-Гирея, *«зело был печален, понеже они с ним весьма дружны»*, а когда прошлой зимой (т. е. 1727–1728 гг.) они направлялись в поход на Кубань, то *«кочевали обще»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 348]. Султан Салат-Гирей сумел оперативно собрать войска после своего бесславного отступления, намереваясь окончательно расправиться с Бахты-Гиреем. Из доношения Я. Татаринова полковнику И.Д. Бахметеву от 13 апреля 1728 г. следует, что при Салат-Гирее в то время находились едисанцы, запорожцы и черкесы, всего *«тысяч з десять»*, а также *«вора Игнашки Некрасова сын Мишка з донскими казаками во шти стах человеках»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 335]. Быть может, параллельно с готовящимся наступлением на Бахты-Гирея Салат-Гирей действительно вступил в контакт с хатай-кипчаками, судя по всему, нелояльно относившимися к Бахты-Гирею.

В какой-то степени виной тому оказался сам... Бахты-Гирей. Дело в том, что вскоре после своей фактической победы над султаном Салат-Гиреем он стал уговаривать калмыков покинуть Кубань и уйти в свои улусы. Дели-султан сообщил своим давним союзникам о якобы готовящемся нападении многотысячного войска Салат-Гирея на калмыцкие улусы, что ускорило отход с Кубани калмыцких воинов и знати. При этом верный себе и своему статусному положению Бахты-Гирей снабдил калмыков пищей, выдал им по одному бычку и по одной суме невяной пшеницы на 10 чел. [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 378об.]. *«И тако они владельцы с ним утвердяся присягами, возвратились к своим улусам, а при нем Бакты-гирее оставили Яманова родственника зайсанга Череня Отхаева (который и прежде бывал при нем) и командированных... Калмык 450 человек...»* [Фелицын 1904: 36]. Кроме того, предусмотрительный Дели-султан отправил вместе с возвращавшимися

домой калмыками 10 своих человек, чтобы те «уведали», какая последует с российской стороны реакция на кубанский поход, и не будет ли чего чиниться калмыкам [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 324]. Но о каких присягах шла выше речь, и что еще могло связывать калмыков с Бахты-Гиреем в ходе похода на Кубань? Невольно обращает на себя внимание тот факт, что вопрос о едисанцах и джембуйлуковцах тогда явно отошел на второй план в отношениях сторон...

У.Б. Очиров полагает возможным говорить о совпадении интересов калмыцкой знати и Бахты-Гирея по вопросу создания некоего государства, которое Дели-султан полагал видеть на берегах Кубани, а с 1727 г. он якобы стал включать в свой будущий политический проект и Крымский полуостров [Очиров 2002: 81]. Напротив, мы считаем, что сама идея формальной легитимной власти (прежде всего, государственной власти) противоречила той оригинальной системе социальных и иных отношений, которую Бахты-Гирей сумел выстроить на Северном Кавказе ценой многолетних приобретений и потерь. Пересекая/нарушая границы, откидывая условности, необходимые в межгосударственных отношениях, Дели-султан именно в условиях «вакуума» официальной власти стал наиболее заметным лидером на Кавказе в указанный период. Неоднократно лишавшийся официальных должностей, он в течение 1710-х–1720-х гг. оставался едва ли не главным самостоятельным политическим игроком на Северном Кавказе, располагавшим огромным влиянием, простиравшимся далеко за его пределы. Говоря другими словами, создание нового государства противоречило его идеалам, ценностям и, главное, его установке на безграничный контроль над пограничной жизнью региона, раздираемого внутренними усобицами и борьбой за влияние сразу нескольких государств и самых разных местных этнических элит. Что касается калмыцкой знати, то с помощью Бахты-Гирея она стремилась расширить пространство очередного политического маневра, новых жизненных планов, как для себя, так и для своих подданных, не спешивших отказываться от набеговых практик.

Мы обнаружили в НАРК несколько документов, позволяющих дополнительно аргументировать авторскую точку зрения. Оказывается, что между калмыками и Бахты-Гиреем в ходе или даже до начала кубанского похода 1728 г. была достигнута договоренность о том, что после того, как Бахты-Гирей станет «действительным султаном» и завоюет кубанцев, «и тем усилится, и тогда б ему Дондук-Омбе и с улусом своим отсюда от кочевьев к нему Бакта-Гирею и жить тамо, в чем де и присягами утвердились» [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 348]. В 1732 г. Дондук-Омбе сумел-таки увести часть подвластных ему калмыков на Кубань [Цюрюмов 2007: 206–217], что ознаменовало начало одного из самых серьезных кризисов в Калмыцком ханстве после смерти хана Аюки. Свой интерес на «кубанском направлении» имелся так-

же у наместника Церен-Дондука. Он также договорился с Бахты-Гиреем, что если тот усилится на Кубани, *«то всем калмыцким улусом зимовать и летовать между рек Волги и Кубани, и ему Бахты-Гирею их калмыков охранять, а им калмыком... то ж чинить»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 348об.]. Что касается самого Бахты-Гирея, то, по всей видимости, он не собирался отказываться от выгодного ему во всех отношениях положения фактического «правителя» Кубани. Возможно, что на излете своего жизненного пути Дели-султан все же переоценил свои возможности и степень покорности подвластного ему ногайского населения Кубани.

Очередное возвращение Дели-султана на Кубань в качестве фактического правителя вызвало оживленную переписку среди встревоженных российских властей [Фелицын 1904: 37]. Кубанский поход привел к очередному дипломатическому конфликту между Россией и Османской империей, о чем резидент И.И. Неплюев доносил уже 23 февраля 1728 г. [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 297–298об.; Д. 29. Л. 56–56об.]. Порта грозила России активизацией военных действий со стороны крымского хана, а российские власти поручили все тому же В.П. Беклемишеву *«отвращать»* калмыков от похода и обязательно *«сыскать»* Церен-Дондука. Но усилия российских властей оказались тщетными и запоздалыми... Более того, новая *«конференция»* И.И. Неплюева с османскими дипломатами, состоявшаяся 13 мая 1728 г., снова была посвящена калмыцким делам, поскольку Бахты-Гирей в союзе с калмыками продолжал разорять османские территории [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 29. Л. 127–128]. Обращает на себя внимание позиция крымского хана Менгли-Гирея II, писавшего генерал-фельдмаршалу В.В. Долгорукову и требовавшего *«в соединении с татарами войск для искоренения Дели-салтана и протчей его партии»*, а также утверждавшего, что И.И. Неплюев якобы дал на это свое согласие в Стамбуле. Последние слова хана особенно задели российского резидента, возмущавшегося, что такого никогда *«в словах не бывало»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 29. Л. 128об.]. Хан отправил также указ *«кабардинскому сераскеру»* следовать за Бахты-Гиреем даже на российской территории!

Российский резидент отрицательно отозвался о намерениях крымского хана, полагая, что *«таковые ханские поступки весьма дружбе несходны»*; к тому же *«невозможно, чтоб российскому войску с татарами соединяцца...»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 29. Л. 128об.–129]. И.И. Неплюев считал необходимым, чтобы Порта запретила кабардинцам и кубанцам вступать в российские границы *«ни за Бахты-Гиреем, ни за калмыками»!* И все равно — многие в Стамбуле твердили, что Дели-султан продолжает свое *«возмущение»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 29. Л. 138об.], и что *«татара к нему болии склонны, нежели к хану»*. Исключительны важны слова российского дипломата о том, что хана

в Крыму еще нет, и что турки сомневаются, будет ли он воевать с Бахты-Гиреем *«по единоверию»*. И крымский хан Менгли-Гирей II *«того ради дает знать Дили-султану, чтоб он удовольствовался в Кабарди и в Кубане сераскером или при хане калгою»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 29. Л. 129об.]. Наконец, обращает на себя внимание осторожный тон предположений турок-османов: *«А оружием ево победят, или инако сии дела обойдутца, того впредь видеть невозможно»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 29. Л. 129об.].

Правда, из султанского указа (между 1 и 10 мая 1728 г.) мутасаррифу Охридского санджака (идентичные по содержанию указы были отправлены мутасаррифам Искендерийского и Дукакинского санджаков) следует, что Порта намеревалась вооруженным путем помочь Крыму ликвидировать мятеж Бахты-Гирея, объединившегося с калмыками и пришедшего на Кубань *«сеять смуты и мятежи»* [Osmanlı Belgelerinde Kırım Hanlığı 2013: 127]. Не о кубанском ли походе 1728 г. калмыков и Бахты-Гирея шла речь в документе? Заметим, что Порта уже вторично направила адресату повеление выступить со своими людьми, которым надлежало прибыть в распоряжение мухафыза Еникале Ипшир Хюсейн-паши, назначенного главнокомандующим османскими войсками [Osmanlı Belgelerinde Kırım Hanlığı 2013: 127].

Насколько известно, Бахты-Гирей не принял вышеприведенного предложения хана Менгли-Гирея II, так и оставшись на Северном Кавказе вплоть до своей гибели в 1729 г. Другое дело, что перед нами — одни из последних известных на сегодня свидетельств о военном сотрудничестве калмыков с Бахты-Гиреем после их совместного масштабного похода на Кубань 1728 г. О резком (одномоментном) спаде такого взаимодействия, по крайней мере, применительно к событиям середины 1728 г., говорить преждевременно. Впрочем, в следующем, 1729 г., оно прекратилось вовсе. Согласно нескольким свидетельствам, султан Бахты-Гирей, которому тогда было более 40 лет (предположим, что даже около 50 лет, поскольку не мог он подростком отправиться из Крыма для управления Кубанью, как известно из выявленного нами архивного источника 1700 г. [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 243. Л. 12]), погиб в Кабарде в 1729 г. [АВПРИ. Ф. 115. Оп. 1. 1731–1732 гг. Д. 2. Л. 113; Бакунин 1939: 231–232; Якубова 2005: 116].

Таким образом, на протяжении второго и третьего десятилетий XVIII в. (до 1729 г.) кубанский султан Бахты-Гирей оставался одним из важнейших действующих лиц в сложнейших военно-политических комбинациях на Юге, которые элиты пограничных обществ (в том числе калмыки) осуществляли в скрытой и в явной борьбе со своими имперскими сюзеренами, организуя регулярные набеги на российские и крымско-османские пограничные территории. В течение указанного времени Бахты-Гирей являлся едва ли не единственным

самостоятельным политическим игроком на Северном Кавказе, располагавшим огромным влиянием, простиравшимся за пределы данного региона.

В статье был приведен новый материал, доказывающий, что даже во второй половине 1720-х гг. власти сразу трех государств (России. Крымского ханства и Османской империи) целенаправленно, в том числе на высшем уровне, осуществляли ряд мероприятий, направленных лично против Бахты-Гирея. Сознательно нарушая новые границы, пренебрегая правовыми условностями, необходимыми крупным игрокам в межгосударственных отношениях, привлекая к себе всех недоброжелателей новым пограничным порядком, Дели-султан сумел утвердиться на Кубани в условиях «вакуума» официальной власти. С конца XVII в. Бахты-Гирей стал выстраивать собственную систему отношений с кочевыми и с другими народами Северного Кавказа, Поволжья, сохранение традиционного уклада жизни которых было немыслимо без фронтирного (другими словами — неустойчивого/неконтролируемого, с точки зрения империй) состояния причерноморской степи и ряда кавказских территорий.

Система таких отношений, неотъемлемой частью которой являлись реципрокции (практики обмена дарами и услугами), активно распространяемые Бахты-Гиреем на пограничные сообщества, стала основой его неофициальной (с точки зрения государства — *нелигитимной*, вместе с тем — *фактической*) власти на Кубани, наиболее привлекавшей его как амбициозного военного лидера. Феномен нелигитимной власти Бахты-Гирея оказался теснейшим образом связан с вышеуказанными реципрокциями, функционально направленными на общественное признание авторитета личности, ответственной за перераспределение материальных благ и ресурсов, т. е. самого Дели-султана. Вероятно, исключительная привлекательность и достигнутая им опытным путем *контролируемость* такой власти (не зависящая от воли крымских ханов, турецкого султана и других важных факторов) так и не позволила султану-чингисиду окончательно закрепиться в Крыму и стать крымским ханом.

Для поддержания и удержания своей неофициальной власти султану Бахты-Гирею необходимо было не только возглавлять походы, но также защищать, одаривать, снабжать пропитанием своих союзников, бороться с их врагами и пр., всячески сохраняя с теми же номадами устойчивые патронатно-клиентельные отношения. В ходе многолетнего взаимодействия со своими потенциальными союзниками и противниками Дели-султан эффективно использовал угрозы, аманатство, разные формы договорных отношений, в том числе клятвы, обмен информацией, переписку, устные угрозы и обещания, переговоры, а также неформальные связи с местными элитами.

Успешность своих многочисленных набегов Бахты-Гирей последовательно конвертировал в военные, материальные и социальные ресурсы, целенаправленно создавая оригинальную систему социальных реципрокций, активно вовлекая в нее не только местные элиты, но и рядовое население многочисленных пограничных сообществ. Ясырь и скот необходимо отнести к числу ресурсов, жизненно важных для Бахты-Гирея и, одновременно, исключительно ценных в глазах необходимых ему союзников в лице военизированных сообществ.

При этом, как выяснилось, авторитет Бахты-Гирея базировался в их среде, не в последнюю очередь, на символическом осмыслении его комплиментарных характеристик как удачливого предводителя, как щедрого правителя и отважного воина, неуязвимого для врагов. Подобные культурные представления о Бахты-Гирее носили *массовый* характер именно в калмыцком обществе, на что необходимо обратить внимание в ходе дальнейшего изучения темы. Репутация, созданная Бахты-Гиреем в ходе организации серии успешных набегов, составляла, таким образом, существенную часть его ресурсного капитала, которым он успешно пользовался, закономерно оставаясь в течение длительного времени на гребне военно-политической истории Крымского ханства, Калмыцкого ханства, а также народов Северного Кавказа.

В исторической динамике мы показали и объяснили, почему и каким образом именно калмыки приняли самое деятельное участие в формировании репутационного и символического капитала султана Бахты-Гирея, том числе выразившегося в его образе «необыкновенного» человека и отважного, щедрого, удачливого военного предводителя. В статье были определены рубежные точки в истории взаимоотношений калмыков и Бахты-Гирея, характер и причины стратегического сотрудничества сторон, берущего свое начало примерно в 1723–1724 гг. При этом, было обращено внимание на то, что изначально, еще при хане Аюке, взаимоотношения калмыков и Бахты-Гирея регулярно носили конфронтационный характер. Однако, именно калмыки (не ногайцы и не кабардинцы!) стали *последовательно* поддерживать мятежного султана с середины 1720-х гг., способствуя продолжению его политической игры и борьбы за власть на Кавказе и в Крыму, а также осуществлению регулярных набегов на огромную по охвату территорию — от Причерноморской степи до Северо-Восточного Кавказа. Феномен военно-политического сотрудничества калмыков и Бахты-Гирея, впрочем, не дает оснований для утверждения о попытках создания ими некоего государственного образования на Кубани. Другое дело, что даже последняя по времени попытка Бахты-Гирея вернуть свою власть на Кубани (1728 г.) теснейшим образом оказалась связана с его поддержкой калмыками, в изучении которой появились новые исследовательские перспективы.

Источники

Архив внешней политики Российской империи Министерства иностранных дел РФ (АВПРИ).

Государственный архив Воронежской области (ГАВО).

Государственный архив Ростовской области (ГАРО).

Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы в 2-х т. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 2. VII+424 с.

Материалы Военно-ученого архива Главного штаба / под ред. А.Ф. Бычкова. СПб.: Печатня В.И. Головина, 1871. Т. 1. 846 стб., 50 с. разд. паг.

Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК).

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).

Фелицын Е.Д. Сборник архивных документов, относящихся к истории Кубанского казачьего войска и Кубанской области. Екатеринодар: Кубан. обл. стат. ком., 1904. Т. 1. 306 с.

Храбрый Мазан — калмыцкая народная сказка [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: <https://skazkibasni.com/xrabryj-mazan>. Дата обращения 02.08.2019 г.].

Эварницкий Д.И. Источники для истории запорожских козаков. Владимир: Типо-лит. Губ. правл., 1903. Т. 2. 1168 с.

Desaive Dilek. Le Khanat de Crimée dans les Archives ottomans. Correspondance entre khans de Crimée et padichahs ottomans dans les registres des nâme-i hümayûn // Cahiers du monde russe et soviétique. 1972. Vol. 13. № 4 (Octobre-décembre). P. 560–583.

Le Khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı / Présenté par Alexandre Bennigsen, Pertev Naili Boratov, Dilek Desaive, Chantal Lemerrier-Quelquejaye. Paris — Den Haag: Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales — Mouton Editeur, 1978. 458 p.

Osmanlı Belgelerinde Kırim Hanlığı. Crimean Khanate in Ottoman Documents. Istanbul, 2013. 359 s.

Литература

Алексеева П.Э., Борманджинов А.Э. Об этническом составе донских калмыков. Элиста: Джангар, 1999. 40 с.

Артамонов В.А. О русско-крымских отношениях конца XVII — начала XVIII вв. // Общественно-политическое развитие феодальной России. М.: Институт истории СССР, 1985. С. 71–88.

Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них Торгоутского и поступок их ханов и владельцев, сочиненное статским советником Васильем Бакуниным, 1761 года // Красный архив. Исторический журнал. 1939. Т. 3 (94). С. 191–254.

Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев: Сочинение 1761 года. Изд. 2-е. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1995. 152 с.

Батыров В.В. Кубанский правитель Бахты-Гирей Салтан во взаимоотношениях между Калмыцким и Крымским ханствами в XVIII в. // Сарепта: Историко-этнографический вестник. Вып. 2. Волгоград: ООО «Мириа», 2006. С. 36–52.

Грибовский В., Сень Д. Бахты Гирей и проблема стабилизации границ Российской и Османской империй в первой трети XVIII в. // *Wschodni Rosznik Humanistyczny*. Т. VIII [2012]. S. 85–116.

Грибовский В.В., Сень Д.В. Кубанский султан Бахты-Гирей: феномен нелегитимной власти в Крымской власти первой трети XVIII в. // *Тюркологический сборник 2011–2012: политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств*. М.: Восточная литература, 2013. С. 92–137.

История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева: Сб. ст. и док. / Выявление, археография, составление, вступительная статья Г.Х. Мамбетов Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2005. 904 с.

История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Элиста: «Герел», 2009. Т. 1. 848 с.

Кочекаев Б.-А.Б. Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв. Алма-Ата: Наука КазССР, 1988. 268 с.

Курбанов А.В. Ставропольские туркмены: Историко-этнографические очерки. СПб.: Языковой центр, 1995. 240 с.

Очиров У.Б. Попытки объединения калмыцких и ногайских племен в первой половине XVIII века // *Вестник КИГИ РАН*. Вып. 17. Элиста: АПП «Джангар», 2002. С. 77–85.

Очиров У.Б. Тюркоязычные этнические группы в составе Калмыцкого ханства (XVII–XVIII вв.) // *Вестник Института комплексных исследований аридных территорий*. 2008. Т. 2. № 2 (17). С. 98–102.

Приймак Ю.В. Северо-Восточное Причерноморье во внутри- и внешнеполитических процессах формирования южных границ России (конец XVII — первая треть XIX в.). Армавир: Полипринт, 2011. 359 с.

Сень 2016а — *Сень Д.В.* Международное положение Османской империи и эволюция крымско-османских отношений на рубеже XVII–XVIII вв. // *Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 2016. № 3. С. 54–59.

Сень 2016б — *Сень Д.В.* Биографические данные об элитах Крымского ханства: проблемы источниковедческого изучения (случай султана Бахты-Гирея) // *Источниковедение и историография истории Крыма XV–XX вв.: проблемы и перспективы: Сборник научных статей: Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2016. С. 457–473.*

Сень Д.В., Грибовский В.В. Кубанский султан Бахты-Гирей и его роль в османско-крымско-российских отношениях первой трети XVIII в. // *Роль личности в становлении и развитии российско-кавказских отношений. Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 230-летию со дня рождения Бей-Булата Таймиева (г. Грозный, 13 ноября 2014 г.)*. Грозный: АО «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2015. С. 635–649.

Тепкеев В.Т. Калмыцко-крымские отношения в период с 1710 по 1715 гг. // *Итоги XXXVII Международного конгресса востоковедов (ICANAS-2004) и перспективы развития востоковедения в Астраханском крае: Расширенное заседание Совета по научной работе Астраханской областной б-ки им. Н.К. Крупской 27 сентября 2004 г.* — *Астраханское востоковедение*. Астрахань: [Аф ВАГС], 2006. Вып. 1. С. 33–43.

Сень Д.В. Взаимоотношения калмыков и кубанского султана Бахты-Гирея: тактика и стратегия пограничного сотрудничества (середина – вторая половина 1720-х гг.)

Тепкеев 2018а — *Тепкеев В.Т.* Аюка-хан и его время. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 366 с.

Тепкеев 2018б — *Тепкеев В.Т.* Кабардинский вопрос в калмыцко-крымских отношениях зимой 1720/1721 г. // *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2018. № 1. С. 62–69.

Тепкеев 2018в — *Тепкеев В.Т.* Взаимоотношения Калмыцкого ханства и Кубанской орды в 1712–1715 гг. // *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2018. № 2. С. 15–34.

Фидарова Р.З. Противоборство княжеских коалиций в Кабарде и рол внешних факторов в его обострении (1720–1725) // *Исторический вестник*. Нальчик, 2007. Вып. 5. С. 29–47.

Цюрюмов А.В., Батыров В.В. Калмыцкое ханство в российско-крымских отношениях (XVIII в.). Элиста: АОр «НПП «Джангар», 2006. 95 с.

Цюрюмов А.В. Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: НПП «Джангар», 2007. 464 с.

Халим Гирай-султан. Розовый куст ханов, или история Крыма / Транскрипция, перевод переложения А. Ильми, составление приложений и пояснения Кемаля Усеинова. Под общей ред. Н.С. Сейтягяева. Симферополь: РИА «АЯН»; ИД «Стилос», 2008. 192 с.

Шараева Т.И. Этнические маркеры калмыков. Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. 288 с.

Шмелев А.С. Русско-дагестанско-калмыцкие отношения в XVII в. По материалам кумыкско-калмыцких контактов // *Кавказ. Балканы. Передняя Азия: Сборник научных трудов Северо-Кавказского регионального отделения МНАБ / Гл. ред. С.И. Муртузалиев*. Вып. 2(9). Махачкала: Издательский дом «Новый день», 2004. С. 229–236.

Якубова И.И. «Кабардинский вопрос» в русско-турецких отношениях в середине XVIII в. // *Исторический вестник*. Нальчик: Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН, 2005. Вып. 2. С. 114–125.

ПАРТИЙНОЕ РУКОВОДСТВО ПРОФСОЮЗАМИ КАЛМЫКИИ (1927–1935 гг.)*

*Сартикова Евгения Викторовна*¹

¹ доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра РАН (г. Элиста).

E-mail: sartikova_evgeniya@mail.ru

Аннотация. В статье освещается роль партии в развитии профсоюзного движения в Калмыцкой области.

В результате исследования автор делает вывод о том, что деятельность профсоюзов в изучаемый период осуществлялась под руководством партийных органов. Не были исключением в этом отношении и профсоюзы Калмыкии. Взаимоотношения партийных органов с профсоюзами регулярно обсуждались на бюро, пленумах, конференциях областного комитета ВКП(б). Роль партийных групп в областном совете профсоюзов и обкомах профсоюзов была очень значимой. Однако в партийном руководстве профсоюзами имелись и крупные недостатки, которые были выявлены на XIII Областной партконференции.

Ключевые слова: Калмыкия, ВКП(б), Калмыцкая областная партийная организация, профсоюз.

XX век занял особое место в общественно-политическом развитии нашей страны. В начале столетия в России возникают профессиональные союзы, которые стали первой доступной широким слоям населения формой организации и объединения.

За последние годы историческая наука достигла значительных успехов в освещении как в целом истории профсоюзов СССР, так и деятельности профсоюзных организаций отдельных областей, краев и национальных республик. Этому способствовало опубликование материалов и документов съездов профсоюзов, пленумов ВЦСПС и отраслевых профсоюзов. Среди них наиболее значительными являются сборники документов «КПСС о профсоюзах» [КПСС о профсоюзах 1957; 1963], «Профсоюзы СССР» [Профсоюзы СССР 1963]. Вопросы истории российского профдвижения нашли свое отражение также в многотомной

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ гос. регистрации АААА-А19-119011490038-5).

истории Коммунистической партии Советского Союза. В советской историографии, как отмечал А.Л. Глазков, *«не получили достаточно глубокого и подробного раскрытия проблемы борьбы партии большевиков за единство российского профдвижения»* [Глазков 1983].

Проблемы реформирования профсоюзного движения России на современном этапе носят комплексный, междисциплинарный характер, поэтому научные исследования в этой области в настоящее время ведутся по широкому спектру. Так, ученые Г.П. Алексеев [Алексеев 2000], Н.Н. Гриценко [Гриценко 1996], В.А. Кадейкин [Кадейкин 1999] в своих трудах дали не только сегодняшнее видение процессов, имевших место в истории профсоюзного движения, но и предложили новые подходы к решению актуальных вопросов российского профстроительства.

В научной литературе также исследуется современная деятельность региональных профсоюзов России. В частности, в работах Н.С. Махциевой [Махциева 2009], М.А. Филимонова [Филимонов 2002], Е.В. Сартиковой [Сартикова 2016] и др. представлены важные подходы к решению актуальных проблем региональных профсоюзов.

По истории профсоюзного движения в Калмыкии имеется ряд статей в «Вестнике Калмыцкого обкома ВКП(б)», затрагивающих процесс развития профсоюзного движения в условиях восстановления народного хозяйства, выполнения планов первых пятилеток и создание фундамента новой экономики: «Работа 3-го пленума облпрофсовета» [Богданов 1925]; «О работе профсоюзов в Калмообласти» [О работе... 1926]; «Профсоюзы и РЛКСМ» [Профсоюзы... 1925]; «Итоги работы 4 областного съезда профсоюзов» [Церенов 1925]; «К вопросу об изучении труда рабочих калмыков рыбного производства» [Церенов 1924] и др.

Определенный материал об истории профсоюзов Калмыкии, отдельных ее отраслей содержится в коллективных трудах: «Очерках истории Калмыцкой АССР» [Очерки... 1970] и «Очерках истории Калмыцкой организации КПСС» [Очерки... 1980]. Кандидатская диссертация И. А. Кичиковой «Деятельность профсоюзов Калмыцкой АССР в 1960-е гг.» [Кичикова 1991] посвящена деятельности профсоюзов Калмыкии в 1960-х годах. Новая литература включает 2 книги: «Профсоюзы Калмыкии: страницы истории» [Профсоюзы Калмыкии 2005] и монографию Е.В. Сартиковой «Деятельность профсоюзов Калмыкии в 1957–1993 гг.» [Сартикова 2016], в которой анализируется наиболее продолжительный этап в истории профсоюзов Калмыкии, характеризующийся последовательным расширением функций профсоюзов, их социальной базы, превращением профессиональных союзов в самую массовую общественную организацию.

Исследование базируется в основном на документах Национального архива РК. Хронологические рамки статьи охватывают период с 1927 по 1935 гг. Начальный хронологический рубеж связан с IX об-

ластной партийной конференцией, обсудившей состояние и перспективы профсоюзной работы. Территориальные рамки статьи ограничены пределами Калмыцкой области до преобразования ее в автономную республику (1935 г.). Цель исследования — осветить деятельность партийных организаций по руководству профсоюзами в рассматриваемый период.

Значение профсоюзов в системе политической организации Калмыцкой области было четко сформулировано в решениях партийных съездов и Пленумов ЦК ВКП(б). В Калмыцкой области первые профсоюзные организации возникли в 1920 г. в Малодербетовском улусе. Первое объединение батраков и служащих носило название Волжского Секретариата профсоюзов, которому удалось организовать 4 отделения союзов: советских служащих, работников просвещения, медицинских работников, работников земли и леса, объединявшие в своих рядах 2 568 человек [Сартикова 2014: 23].

В 1925 г. насчитывалось по всем союзам (без печатников) — 4 623 члена, из них 3 147 мужчин и 1 476 женщин. В следующем, 1926 г. (тоже без печатников) — 5 552, из них 3 509 мужчин и 2 043 женщин. В 1927 г. — 6 317, из которых 4 234 мужчин и 2 083 женщин. Наибольшими по численности союзами являлись: союз пищевиков (производственный) — 2 207 членов, работников земли и леса — 1 279, советских служащих — 1 139 и работников просвещения — 954 [НАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 268. Л. 52]. Массовая работа профсоюзов (за исключением союза пищевиков) сильно затруднялась, так как его члены были разбросаны группами на больших расстояниях. Однако, несмотря на это, с самого начала своего создания профсоюзы области приняли активное участие во внедрении новой культуры, здорового образа жизни, осуществлении массовой грамотности населения [Сартикова 2014: 26], стали активными проводниками идей партии большевиков в массы трудящихся [Максимов 2002: 279].

К 10-летию Великой Октябрьской революции (1927 г.) Калмыцкий областной совет профессиональных союзов объединял в своих рядах 7 союзов, разделенных на 114 профсоюзных ячеек, в которых было 5 218 членов: 1) пищевиков; 2) советских служащих; 3) работников земли и леса; 4) работников просвещения; 5) медицинских работников; 6) строителей; 7) фабрично-заводской комитет печатников. На IX областной партийной конференции в 1927 г. обсуждался доклад «Состояние и перспективы профсоюзной работы», в котором отмечалось, что *«результатом работы Калмыцкого обкома партии было оживление профсоюзных организаций, главным образом, месткомов. Но недостаточно еще развернута работа в области охвата движением батрачества. По области более 5000 батраков, из них охвачено 700 чел. Поэтому работу в части охвата батрачества профессиональным союзом*

нужно в значительной мере усилить. К этому времени в Калмыцкой области насчитывалось 6 317 членов профсоюза» [НАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 287. Л. 75].

Медленный рост профсоюзного членства объяснялся отсутствием связи и полной оторванностью улусов от центра. В каждом союзе все члены Правления, включая председателей, совмещали профсоюзную работу с работой по основной специальности. Поэтому для создания и улучшения деятельности профсоюзных организаций на местах областные профсоюзы привлекали к работе работников партийных органов, выезжавших в населенные пункты по линии своей основной работы. В 1927 г. XV съезд ВКП(б) принял план о коллективизации сельского хозяйства. Каждой осенью кампания по коллективизации превращалась в настоящее испытание на прочность отношений между контролировавшими процесс поставок сельскохозяйственных продуктов партийными органами и крестьянством [Красовицкая 2014: 206]. С началом массовой коллективизации профсоюзы изменили характер своей работы: приняли участие в создании колхозов и совхозов, организации труда в них, подготовке квалифицированных кадров. С возникновением первых совхозов в Калмыкии появился новый пролетариат — рабочие совхозов. Организуя батрачество, профсоюзы подготовили новые кадры для пополнения своих рядов. Уже в 1934 г. в совхозах Калмыкии работало 3 541 рабочих, большинство из которых были членами профсоюза.

Большевики постоянно заботились о количественном росте профсоюзов. Так, к IX областной партийной конференции по всем союзам состояло 6 429 человек, а на 1 июля 1928 г. — 7 545. Их распределение по союзам приведено в табл. 1 [НАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 245. Л. 38].

Таблица 1

Рост количества членов профсоюзов Калмыкии в 1927–1928 гг.

Название профсоюза	к IX парт. конференции	на 1 июля 1928 г.	рост
строителей	195	347	152
работников просвещения	834	1 138	304
советских служащих	1 139	1 241	102
сельскохозяйственных лесных рабочих	1 431	1 879	448
медицинских работников	467	485	18
пищевиков	2 187	2 376	209
печатников	76	84	8

Таким образом, число членов профсоюзов увеличилось на 1 121 чел.

В протоколе X областной партийной конференции, проходившей в 1928 г., отмечалось, что *«экономическая работа союзов (заключение коллективных договоров, регулирование зарплаты и т. д.) была поставлена удовлетворительно, но слабо проводилась культурная и политико-просветительная работа. Говоря о составе руководящих работников, на партконференции отмечалась текучесть и зачастую слабая подготовленность членов союзов. Поэтому Калмыцким обкомом партии принимались меры по укреплению Областных отделов союзов работниками, но все же проведенных мероприятий было недостаточно и аппарат по-прежнему страдал слабостью и недостатком подготовленных работников»* [НАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 245. Л. 39].

В 1929 г. пленум ЦК ВКП(б) поручил профсоюзам отобрать 25 тысяч рабочих, желающих поехать на постоянную работу в колхозы и машино-тракторные станции. Для подготовки руководителей колхозного строительства в Элисте были организованы краткосрочные курсы. Однако эти курсы не решились и не могли полностью решить вопросы подготовки кадров. В Калмыкию прибыло 107 рабочих—«двадцатипяти тысячников», которые активно работали на различных участках.

Профсоюзное движение продолжало разрастаться, перестраивая свою работу. XVI съезд ВКП(б) выдвинул ряд крупнейших политических задач и перед профсоюзами. Надо было коренным образом перестроить работу *«лицом к производству»*, организовать трудящихся на выполнение производственных планов совхозов, колхозов, строительства школ и т. д. Если раньше профсоюзы занимались в основном защитой экономических прав рабочих, то теперь стали уделять внимание улучшению производства, повышению производительности труда, снижению себестоимости продукции, укреплению трудовой дисциплины. Основными формами привлечения профсоюзов к решению хозяйственных вопросов были производственные комиссии и производственные совещания [Очерки... 1980: 94].

Деятельность партийных организаций и профсоюзов по улучшению экономических показателей дала положительные результаты. Повышалась производительность труда, росла валовая продукция рыбной промышленности. Произошли сдвиги в структуре народного хозяйства области. Происходила реорганизация и в структуре профсоюзов. Так, союз сельскохозяйственных и лесных рабочих (СХЛР) был разделен на: Оргбюро союза жив(отноводческих) совхозов и Оргбюро союза МТС и батрачества. Дальнейшее развитие животноводческих совхозов, следовательно, увеличение числа рабочих сулили перспективу превращения союза рабочих животноводческих совхозов в основной союз рабочих области.

Профсоюзы Калмыкии приняли активное участие в процессе внедрения новой культуры и массовой грамотности населения, ко-

торым управлял областной штаб во главе с первым секретарем обкома партии Х. Джальковым. Культурный штурм был широко подхвачен профсоюзами. Почти все грамотные члены профсоюзов были вовлечены в ряды бойцов культштурма. Отчисление из культфондов местных комитетов, сбор средств и специальные ассигнования профсоюзов достигали десятков тысяч рублей. В результате к 10-летию Калмыцкой области культпоход, обучив 53 000 человек, добился коренного изменения быта калмыков.

Колхозное строительство, имевшее широкий охват батрацко-бедняцких и середняцких хозяйств (коллективизировано 66 % хозяйств Области) имело серьезные недостатки во внутренней организации. Директива обкома о закреплении колхозов, организация внутренней жизни (учет труда, борьба с кулацкой уравниловкой и т. д.) также была подхвачена профсоюзами, выражалась в походе в колхозы для помощи и постановке счетоводства, учета труда и т. д.

Профсоюзы в лице членов строительных рабочих строили город Элисту и в лице членов рабочих мясо-рыбной промышленности развивали рыбную промышленность, которая составляла 10 % всего рыболовства на Волге и Каспии. Была поставлена задача реконструкции рыбной промышленности, перестройки промыслов и активным использованием новой техники.

Новые задачи требовали новых методов работы. Соцсоревнование и ударничество стало охватывать все большие слои рабочих и служащих. К 1 января 1931 г. в области было охвачено 1 739 чел., имелось 123 ударных бригады и заключен 341 соцдоговор. На осенней путине было охвачено соцдоговорами 50 % всех рабочих.

К 1931 г. Калмыцкий областной совет профсоюзов объединял 13 отраслевых союзов:

1. Союз рабочих мясной промышленности;
2. Союз рабочих животноводческих совхозов;
3. Союз рабочих МТС и батрачества с инженерно-технической секцией;
4. Союз строителей;
5. Союз транспортников;
6. Союз полиграфистов;
7. Союз работников просвещения;
8. Союз медицинских работников;
9. Союз работников госучреждений;
10. Союз работников кооперации и торговли;
11. Союз финансово-банковских работников;
12. Союз работников связи;
13. Союз водников

с общим числом 12 895 членов Союза. В этих профсоюзах было 8 об-

ластных отделов, 2 областных фабрично-заводских комитета, 2 местных комитета при 151 сельских, промысловых и других профсоюзной ячейке. В 1928 г. насчитывалось членов — 7 662 чел., в 1930 — 10 725 чел., в 1931 г. стало 11 755 чел. [Чонкушов 1931: 31].

Характерным для Калмыцкой области являлись цифры промышленных рабочих. Хотя она была в основном крестьянским регионом, за эти годы получила развитие промышленность, вместе с ней выросло число промышленных рабочих:

1. рабочих мясной и рыбной промышленности — 3 145 чел.,
 2. рабочих животноводческих совхозов — 1 660 чел.,
 3. рабочих кирпичных заводов — 270 чел.,
 4. рабочих полиграфической промышленности — 72 чел.
- Всего — 5 146 чел.

Областной отдел труда постепенно установил твердые оклады. По линии рыбной промышленности ежегодно проводилось повышение квалификации рабочих. Процент неквалифицированных рабочих на промыслах снизился до 30. Была начата работа по подготовке квалифицированной рабочей силы по строительству. В 1930–1931 гг. выпущено 213 строителей (плотников, штукатуров и др.) и 200 трактористов.

Проводимая перестройка всей системы профсоюзной работы подчинялась одной задаче: четкого проведения в жизнь линии партии. Вся организационная перестройка профсоюзных организаций — это поворот «лицом к производству»: специализация, дифференциация, конкретизация и оперативное руководство в хозяйственном строительстве. Так, например, в период с 5 октября по 5 ноября 1930 г. решением Областного совета профсоюзов был проведен месячник соцсоревнования и ударничества. Для проведения этого месячника выделили бригаду из 15 человек. На местах также развертывалась массовая работа по вовлечению новых кадров ударников на выполнение плановых заданий пятилетки. В результате этого месячника профсоюзы вовлекли в колхоз 145 хозяйств, реализовали облигаций государственного займа на 10 000 руб., открыли 97 школ ликвидации безграмотности (ликвидировали неграмотность 2 580 чел.), повысили производительность труда по заводу керамики (выработка кирпича выросла от 26 000 до 30 500 шт.). Было подписано 279 коллективных договоров, которые охватили 5 062 чел., в том числе 3 251 ударник. Из этих цифр видно, что профсоюзы справились с работой по поднятию производственной активности трудящихся [НАРК. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 41. Л. 62].

Однако не все в работе профсоюзов было таким уж и радужным. К отрицательным моментам работы профсоюзов Калмыцкий обком ВКП(б) относил, во-первых, плохое качество коллективных договоров, во-вторых, плохую постановку учета показателей, которые достигались благодаря этим договорам. В этом отношении, как отмечал обком, ви-

новаты были не профсоюзы, а хозяйственные, кооперативные и другие организации, которые недостаточно использовали фонды премирования [НАРК. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 41. Л. 63].

XVI съезд ВКП(б), состоявшийся в июне 1930 г., обсудил вопрос «О задачах профсоюзов в реконструктивный период» и обязал партийные организации и фракции профсоюзов «широко развернуть культурно-политическую работу профсоюзов» [Коммунистическая... 1970: 450–452]. Выполняя установки съезда, Калмыцкий областной совет профсоюзов стремился изменить стиль работы, вовлечь широкие массы в профсоюзную деятельность, перенести центр тяжести работы на первичные производственные звенья — ударные бригады, группы, цеха, предприятия, а также расширять профсоюзную демократию, добиваться усиления критики и самокритики, выдвигать в профсоюзный аппарат рабочих и работников. Благодаря такой планомерной работе профсоюзных организаций значительно увеличилось количество членов профсоюзов: в 1932 г. оно превысило 14 000, причем 9 912 из них были рабочими. В состав Калмыцкого областного совета профсоюзов входило 13 союзов.

Большое место в работе Калмыцкой партийной организации отводилось укреплению отраслевых профсоюзов за счет привлечения в их ряды женщин-работниц. 5 июля 1931 г. секретариат Калмыцкого обкома ВКП(б) обсудил вопрос «О работе профсоюзов среди женщин». В резолюции, принятой по этому вопросу, секретариат отметил некоторые успехи в работе по вовлечению женщин в социалистическое соревнование и ударничество. Секретариат наметил ряд практических мероприятий по улучшению культурно-бытового обслуживания рабочих, работы делегатских собраний, организации интернационального воспитания и усилению антирелигиозной работы среди женщин. Областному совету профессиональных союзов предлагалось развернуть техническое и производственное просвещение, подготовку кадров из числа женщин [НАРК. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 2а. Л. 237]. Женщин-членов профсоюза, работавших на предприятиях и учреждениях было 4 567 человек, из них работниц рыбных промыслов — 1581 [Отчет... 1932: 16].

VII областной съезд профсоюзов, состоявшийся в 1932 г., поручил всем профсоюзным организациям вести систематическую работу по политическому воспитанию женщин, создавать женские производственные совещания. На этом съезде было указано на крупные недостатки в работе профсоюзов. В резолюции съезда, в частности, было отмечено, что не завершена перестройка работы в первичном производственном звене, план хозяйственного строительства не доводился до рабочего, имелись крупные просчеты в организации труда, вопросах социально-бытового и культурного обслуживания. Развернув социалистическое соревнование и ударничество, профсоюзы не смогли организовать учет результатов, наладить работу производственных совещаний в бригаде и цехе.

Огромные успехи советского строительства в Калмыцкой области сопровождалась все большим вовлечением в сектор сельского хозяйства новых кадров рабочих. С 1930 по 1932 гг. количество работавших по найму возросло с 10 000 до 15 833 чел. *«Перед профсоюзами, как школой коммунизма, — говорилось в отчете Калмыцкого обкома ВКП(б) XII областной партконференции (1932 г.), — стояли огромные задачи: организовать в своих рядах всех работающих, поднять уровень политического и культурного развития новых кадров до уровня передовых рабочих»*. На основе этого работа по вовлечению в профсоюзы новых членов выражалась в следующем: к XI партконференции, т. е. на 1 октября 1929 г. в области насчитывалось 9 725 членов профсоюзов, к XII партконференции — 13 157 [НАРК. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 41. Л. 59].

Несмотря на абсолютный рост членов профсоюзов области, наблюдалось отставание темпов роста числа членов союза от роста новых кадров. Если количество работавших по найму возросло на 5 333 чел., то количество членов союза, работавших на предприятиях и в учреждениях возросло только на 3 400 чел. По союзам наибольшее отставание по охвату членством наблюдалось у союза рабочих животноводческих совхозов: из 3 541 работавших в профсоюзе состояли только 2 015 чел.

Калмыцкий обком партии объяснял такой неудовлетворительный результат в росте членов профсоюзов целым рядом причин, главными из которых были:

1. недооценка со стороны ряда профорганизаций значения профсоюзов, особенно для вновь пришедших на производство рабочих, что приводило к ослаблению постоянной массовой работы и их политическому воспитанию;

2. неудовлетворительное проведение в жизнь решений пленума ВЦСПС о преимуществах членов союза;

3. волокита при приеме и оформлении в члены профсоюза (заявления не рассматривались годами).

4. подмена массовой воспитательной работы администрированием, выражавшееся в частом исключении из союза за неуплату членских взносов и другие мелкие проступки [НАРК. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 41. Л. 60].

Калмыцкий обком ВКП(б) решил:

- обеспечить широкое вовлечение новых членов союза в рабочие производственные совещания, проявляя максимум внимания к нуждам и культурно-политическому обслуживанию вновь пришедших на производство рабочих;
- в связи с большим ростом вовлечения женщин на производство (рыбные промысла, совхозы) и слабостью общественно-политической работы среди женщин организовать специальные женские производственные совещания;

- обратить особое внимание комсомола на необходимость повседневной связи с профсоюзами, организуя совместные мероприятия по вовлечению молодежи в профсоюз.

Выдвигая вопрос о профсоюзном членстве как одну из важнейших задач дальнейшего повышения роли профсоюзных организаций, партийная конференция призвала все профсоюзные организации области добиваться претворения в жизнь генеральной линии партии [НАРК. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 41. Л. 61].

Калмыцкий обком проводил большую работу по руководству профсоюзами. Партия стремилась участвовать в управлении предприятиями, организациями, интенсифицировать труд рабочих, служащих не только через партийные и комсомольские ячейки, но и с помощью профсоюзных органов. К 1934 г. профсоюзная организация области по сравнению с 1925 г. выросла почти втрое и составила около 16 000 человек [НАРК. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 123. Л. 74]. В докладе секретаря Калмыцкого обкома партии А.П. Пюрбеева на XIII Областной партконференции (6–10 января 1934 г.) отмечалось, что *«центральная задача партии состоит в широком охвате трудящихся профсоюзами. Однако такие крупные профсоюзы, как профсоюз рабочих рыбной промышленности и союз рабочих животноводческих совхозов все же работают недостаточно. Например, рабочих рыбной промышленности обсчитали на 100 000 руб. А профсоюз не поставил этот вопрос перед парторганизацией для того, чтобы это исправить»* [НАРК. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 123. Л. 73].

Проработка массива архивных документов показала, что мероприятия по охране труда и техники безопасности являлись стержневыми в деятельности профессиональных союзов. Законодательную основу реализации защитной функции профсоюзов закрепила Конституция СССР 1936 г. Осуществление практических мероприятий было возложено на комиссии по охране труда и заработной платы, общественных инспекторов по охране труда. Материалы обследований профсоюзами предприятий показали, что одними из самых острых являлись вопросы о продолжительности рабочего времени и применении сверхурочных часов, запрещенные законодательно. Не менее серьезными были вопросы заработной платы рабочих и служащих, а также использование женского и детского труда.

Под руководством партии профсоюзы Калмыкии направляли усилия трудящихся на повышение производительности труда, вовлекая рабочих в управление производством, вели большую воспитательную работу. Большинство членов профсоюзов составляли рабочие молочно-мясных и овцеводческих совхозов (6 437), работники рыбной промышленности (3 267), работники союза учителей (2 027), медицинские работники (1 058), работников земельных органов и МТС (1 250), потребкооперации (837) и работников государственных учреждений (526), что составляло

15 402 человека, или около 82 % общего числа членов профсоюзов республики [Очерки... 1970: 229]. Как правило, постоянные рабочие были членами профсоюзных организаций, а многие из них — стахановцами. Участвуя в соцсоревновании, они добивались значительных успехов в выполнении плана второй пятилетки. В 1935 г. в Калмгосрыбтресте было 35 стахановцев, а уже к 1937 г. 23,6 % всех рабочих треста были стахановцами, среди них треть — женщины. Однако *«стахановское движение, — как писала Т. Ю. Красовицкая, — породило немало проблем. Оно откровенно использовалось для организации очередного «большого скачка» резкого повышения производительности труда. На предприятиях начали требовать, чтобы достижения отдельных рабочих-«маяков» превращались в норму для целых коллективов. Достичь этого было невозможно, но стахановцам для рекордов готовили особые условия. Подхлестывание «сплошной стахановизации» порождало массовую штурмовщину, вело к дезорганизации управления производством»* [Красовицкая 2014: 224]. Развернув социалистическое соревнование и ударничество, профсоюзы Калмыкии не смогли организовать учет результатов, наладить работу производственных совещаний в бригаде и цехе.

Таким образом, важной составной частью всей деятельности партийных организаций являлось повседневное руководство профсоюзами. В 1929–1935 гг. профсоюзы Калмыкии успешно справились со стоявшими перед ними задачами: создания и укрепления всех профсоюзных звеньев, как в центре, так и на местах — в улусах и аймаках; вовлечения в свои ряды широких слоев трудящихся и пробуждения их политического сознания. Калмыцким профсоюзам принадлежит большая роль в улучшении производства, повышении материального и культурного уровня трудового населения. Ни одно сколько-нибудь серьезное мероприятие не проходило без их активного участия. Успехи в восстановлении рыбной промышленности, улучшении материального и культурного уровня жизни рабочих промыслов, крестьянства и служащих создали реальные условия для вовлечения сельских тружеников в коллективные хозяйства.

С возникновением первых совхозов в Калмыкии появился новый пролетариат — рабочие совхозов. Организуя и воспитывая батрачество, профсоюзы подготовили новые кадры для себя. Уже в 1934 г. в совхозах Калмыкии работало 3 541 рабочих, большинство из которых были членами профсоюза.

Выполняя установки партии, Калмыцкий областной совет профсоюзов стремился изменить стиль работы, вовлечь широкие массы в профсоюзную деятельность, перенести центр тяжести работы на первичные производственные звенья — ударные бригады, группы, цеха, предприятия, а также всемерно расширять профсоюзную демократию, добиваться усиления критики и самокритики, выдвигать в профсоюзный аппарат рабочих и работниц. Благодаря такой планомерной работе профсоюз-

ных организаций значительно увеличилось число членов профсоюзов. Внимание членов профсоюзов было обращено на совхозное и колхозное строительство, строительство столицы Калмыцкой автономной области — города Элисты. Профсоюзы Калмыкии приняли активное участие в процессе внедрения новой культуры и массовой грамотности населения, которым управлял областной штаб во главе с первым секретарем Калмыцкого обкома партии Хохолом Джалыковым.

Между тем, в партийном руководстве профсоюзами имелись крупные недостатки, выявленные на XIII Областной партконференции (1934 г.). В частности, было отмечено *«очень неудовлетворительное руководство Облпрофсоветом, на котором необходимо сильно сконцентрировать внимание. Задача парторганизации помочь Облпрофсовету в их работе. Это серьезнейший политический вопрос»* [НАРК. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 123. Л. 74].

Под руководством партийных органов области профсоюзам еще предстояло завершить перестройку работы в первичном производственном звене, ликвидировать крупные просчеты в организации труда, вопросах социально-бытового и культурного обслуживания.

Источники

КПСС о профсоюзах / Сост. А.А. Стручков и А.П. Трошина. 3-е изд., доп. М.: Профиздат, 1957. Вып. 1. 815 с.

КПСС о профсоюзах / Сост. Н.Я. Копылов, А.П. Трошина. 3-е изд., доп. М.: Профиздат, 1963. Вып. 2. 535 с.

Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1971). 8-е изд., испр. и доп. Т. 4: 1927–1931. М.: Политиздат, 1970. 581 с.

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК).

Профсоюзы СССР. 1905–1963 гг. Док-ты и мат-лы в 4-х т. М.: Профиздат, 1963.

Литература

Алексеев Г.П. Профсоюзы России: 1905–1995 годы. Хроника. Статистика. Документы. Анализ. М.: АТиСО, 2000. 103 с.

Богданов. Работа 3-го Пленума Облпрофсовета // Вестник Калмыцкого обкома РКП. 1925. № 4. С. 42–44.

Глазков А.Л. Партия и профсоюзы в 1917 году: Борьба за единство в российском профдвижении. М.: Профиздат, 1983. 160 с.

Гриценко Н.Н. Профсоюзы России: основные этапы развития и уроки пройденного пути. М.: АТиСО, 1996. 52 с.

Кадейкин В.А. и др. История профсоюзов России: этапы, события, люди. М.: Академия труда и социальных отношений, 1999. 591 с.

Кичикова И.А. Деятельность профсоюзов Калмыцкой АССР в 1960-е гг.: автореф. дис. к.и.н. М., 1991. 21 с.

Красовицкая Т.Ю. База, структура и технологии нового курса: 1929 — 1930 гг. // История Коммунистической партии Советского Союза / Отв. ред. А.Б. Безбородов; науч. ред. Н.В. Елисеева. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 204–235.

Максимов К.Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX вв.). М.: Наука, 2002. 524 с.

Махциева Н.С. Профсоюзы Северной Осетии в меняющемся российском обществе (1905–2005 гг.): Автореф. дис. ... д.и.н. Владикавказ, 2009. 50 с.

О работе профсоюзов в Калмообласти // Вестник Калмыцкого обкома ВКП. 1926. № 5. С. 153–166.

Отчет Областного совета профессиональных союзов автономной области за период с 20 сентября 1928 г. по 8 марта 1932 г. Элиста, 1932. С. 15–30.

Очерки истории Калмыцкой АССР. Эпоха социализма. М.: Наука, 1970. 432 с.

Очерки истории Калмыцкой организации КПСС. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. 451 с.

Профсоюзы Калмыкии: страницы истории / сост. И.П. Надбитова, редкол. М.А. Эренценов и др. Элиста: АПП «Джангар», 2005. 166 с.

Профсоюзы и РЛКСМ // Вестник Калмыцкого обкома РКП. 1925. № 5. С. 49–52.

Сартикова Е.В. Становление и развитие профсоюза работников просвещения в Калмыкии: 1921–1928 гг. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 1. С. 23–26.

Сартикова Е.В. Деятельность профсоюзов Калмыкии в 1957–1993 гг. Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. 258 с.

Филимонов М.А. Профсоюзы Башкортостана в XX веке: социальные ориентиры и опыт практической деятельности. Уфа: УГАТУ, 2002. 293 с.

Церенов Э. К вопросу об изучении труда рабочих калмыков рыбного производства // Вестник Калмыцкого обкома РКП. 1924. № 7–8. С. 61–63.

Церенов Э. Итоги работы 4 Областного съезда профсоюзов // Вестник Калмыцкого обкома РКП. 1925. № 10–11. С. 84–90.

Чонкушов О. Профсоюзы Калмыкии к 10-летию Области. Элиста, 1931. 37 с.

ИЗМЕНЕНИЯ В АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ УСТРОЙСТВЕ НИЖНЕВОЛЖСКОГО РЕГИОНА В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ И ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙН*

Белоусов Сергей Степанович¹

¹ кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра РАН (г. Элиста) и научной группы истории антропологии и демографии войн и вооруженных конфликтов на юге России Южного научного центра РАН (г. Ростов-на-Дону).

E-mail: sbelousovelista@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются изменения, произошедшие в административно-территориальном устройстве Нижнего Поволжья в годы Гражданской и Великой Отечественной войн. Рассматриваются причины и факторы, приведшие к изменениям, и их последствия. Автор отмечает, что войны оказали большое влияние на административно-территориальную политику советского руководства. В годы Гражданской войны перемены в ней были обусловлены как национальной политикой большевиков, так и назревшими объективными потребностями усовершенствования административно-территориального деления, в отдельных случаях они диктовались военными соображениями. В понижении административного статуса Астраханской губернии и распределении ее территорий между новыми административно-территориальными единицами весьма заметную роль сыграл сложившийся в высших кругах руководства страны политический стереотип о ней, как о регионе мелкобуржуазном и контрреволюционном. Изменения, произошедшие в административно-территориальном делении Нижнего Поволжья в период Великой Отечественной войны, носили ситуационный, а не стратегический характер, и не были связаны с продуманным планом административно-территориальных преобразований в регионе. Упразднение двух национальных республик было вызвано обстоятельствами военного времени. Ликвидация немецкой автономии советским руководством рассматривалась в качестве предупредительной меры, а калмыцкой — в качестве карательной меры за сотрудничество некоторой части калмыцкого населения с германским оккупационным режимом.

Ключевые слова: Нижнее Поволжье, административно-территориальное устройство, Гражданская война, Великая Отечественная война.

* Статья выполнена в рамках проекта РАН 17-18-01411 «Войны и население юга России в XVIII — начале XXI вв.: история, демография, антропология».

История административно-территориальных преобразований в Нижнем Поволжье в период самых кровопролитных в нашей стране войн обычно изучалась в рамках общих исследований по истории Гражданской и Великой Отечественной войн или по отдельным субъектам и редко являлась объектом специального исследования. Заметный вклад в разработку данной темы внесли историки В.А. Брылов [Брылов 2018], К.Н. Максимов [Максимов 2010], А.А. Герман и И.Р. Плеве [Герман, Плеве 2002], У.Б. Очиров [Очиров 2006], О.Н. Бокова [Бокова 2008–2009], В.Б. и К.В. Убушаевы [Убушаев, Убушаев 2007], Р. Шкода [Шкода б/д].

Главной целью статьи является выявление причин и факторов, повлиявших на административно-территориальные преобразования в Нижнем Поволжье в период Гражданской и Великой Отечественной войн.

В имперский период на территории Нижнего Поволжья располагались старейшие и обширные губернии России — Астраханская и Саратовская. Здесь проживали представители различных национальностей и конфессий, среди этнических групп наиболее крупными были русские, украинцы, казахи, немцы, калмыки. Разнообразие этноконфессионального и сословного состава населения региона наложило свой отпечаток на его административно-территориальное устройство. В двух губерниях наряду с уездами существовали казахская «Внутренняя орда», «Калмыцкая степь», казачьи округа, улусы, кантоны, аймаки, участки, старшинства, волости и проч.

Серьезные изменения в административно-территориальном устройстве Астраханской губернии произошли в 1917–1920 гг., когда происходил процесс перехода от одной модели власти к другой. В результате политики разукрупнения возникли новые административно-территориальные субъекты и единицы, а некоторые из них изменили свой статус и характер.

Еще в период Временного правительства, 1 июля 1917 г. из состава Астраханской губернии выделилась в самостоятельный субъект под названием Букеевской губернии казахская Внутренняя орда, а в первые месяцы 1918 г., когда в Астраханской губернии осуществлялась замена прежних органов власти на советские, сепаратистские тенденции проявились в Черноярском уезде. В феврале 1918 г. Черноярский уездный съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов принял решение о переводе уездного центра из г. Черный Яр в находящуюся в пределах Саратовской губернии колонию Сарепту. В свою очередь, в марте того же года заявили о своем выходе из Черноярского уезда и образовании самостоятельного Элистинского округа 13 крестьянских селений, расположенных на юге Ергенинской возвышенности. Элистинский округ был создан явочным порядком, поэтому руководство Астраханской губернии не признало его выделения из состава Черноярского уезда, однако уже в августе 1918 г. оно легализовало новую админи-

стративно-территориальную единицу. Как представляется, губернская власть поменяла решение по двум причинам: во-первых, руководители уезда сумели убедить ее в лояльности местного населения к Советской власти и доказали это на деле, взяв организацию защиты уезда от белогвардейцев в свои руки; во-вторых, элистинцы, в отличие от черноморцев, не высказывали желаний выйти из состава Астраханской губернии. Безусловно, свою роль сыграло и наличие в уезде собственной вооруженной силы.

Распад уезда на части имел под собою серьезные объективные основания, в первую очередь, географического характера. К началу Февральской революции 1917 г. уезд представлял собой две вытянутые в узкую линию полосы, одна из которых тянулась вдоль р. Волги, а другая — шла вдоль границы Астраханской губернии с Областью войска Донского по Ергенинской возвышенности в направлении с севера на юг до границы со Ставропольской губернией. Поволжская и североергенинская части Черноярского уезда граничили с Царицынским уездом Саратовской губернии, и в силу своей географической близости их население в административном и хозяйственном отношении тяготело к г. Царицыну, который к началу XX в. в результате своего быстрого и успешного развития вырос до уровня губернского города, хотя по статусу продолжал оставаться административным центром одного из уездов (Царицынского) Саратовской губернии.

С началом Гражданской войны г. Царицын в силу своего удобного геополитического положения приобрел ключевое значение для противоборствующих сторон. Через город проходили важнейшие транспортные коммуникации, связывавшие центральные районы страны с Прикаспием, Северным Кавказом и Средней Азией, в нем имелись промышленные предприятия и были сосредоточены большие арсеналы оружия и боеприпасов. Для белых войск взять Царицын было очень важно еще и потому, что он создавал серьезную угрозу правому флангу Донской армии генерала П.Н. Краснова и лежал на пути соединения с войсками оренбургского атамана А.И. Дутова. Вышеуказанные обстоятельства предопределили ожесточенный и длительный характер сражений за Царицын, которые начались в июле 1918 г. и завершились 3 января 1920 г. взятием города войсками Красной армии.

Царицынская губерния возникла в период первой обороны города красными войсками летом 1918 г., но точная дата ее учреждения до сих пор не установлена. Исследователи относят первое упоминание о губернии к приказу Военного совета Северо-Кавказского военного округа (далее — СКВО) от 11 августа 1918 г. «Об объявлении осадного положения», ее название встречается и в последующих августовских приказах о мобилизации населения. Возможно Царицынская губерния де-факто существовала уже тогда, однако считается, что официально она была об-

разована 7 сентября 1918 г. приказом № 62 Военного Совета СКВО, подписанным И.В. Сталиным, С.К. Мининым и К.Е. Ворошиловым. В нем говорилось, что Царицынская губерния учреждается: *«В целях наискорейшего создания в округе боевых единиц, а равно и в целях более успешного и планомерного проведения в жизнь директив центральной военной власти...»* [Шкода б/д]. В приказе были обозначены территории, вошедшие в губернию: Царицынский уезд и часть Камышинского уезда Саратовской губернии, Черноярский и Царевский уезды Астраханской губернии, из последнего были отделены 11 северных волостей, образовавшие новый Николаевский уезд.

Черноярские власти поддержали решение руководства СКВО о вхождении уезда в состав новообразованной губернии. Еще в начале июня 1918 г. при обсуждении на Чрезвычайном Черноярском уездном съезде Советов вопроса о переносе административного центра из г. Черный Яр в колонию Сарепту в выступлениях некоторых делегатов прозвучала мысль о том, что главный смысл этого шага они видят в приближении их центра управления к г. Царицыну. Участник съезда Толстоноженко, например, прямо заявил, что поскольку Черноярский и соседний с ним Царевский уезды тяготеют к Царицыну, то последний должен стать для них губернским городом [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 3. Д. 38. Л. 38]. Заметим, что это было сказано, когда Царицынская губерния еще не была официально учреждена, а Сарепта и Царицын продолжали числиться в составе Саратовской губернии.

Таким образом, для местных властей и населения Черноярского уезда перенос управления в Сарепту и переход в Царицынскую губернию был обусловлен, прежде всего, административными и экономическими соображениями, и только потом военными. Командование СКВО, напротив, в административной деятельности руководствовалось главным образом военными интересами, заключавшимися в объединении территорий, имевших значение для обороны Царицына. В Царицынскую губернию включались в основном те территории, оперативная и политическая обстановка на которых влияла или могла повлиять на ведение боевых действий в этом районе.

Весной 1919 г. территория Царицынской губернии значительно расширилась: 20 апреля, согласно совместному решению Донского бюро Российской коммунистической партии (большевиков) (далее — РКП(б) и председателя Царицынского исполкома, в состав нового региона были переданы Второй Донской, Усть-Медведицкий и часть Сальского и Первого Донского округов Области Войска Донского.

В истории Гражданской войны создание Царицынской губернии предстает уникальным событием. По утверждению исследовательницы О.Н. Боковой, из всех учрежденных в годы Гражданской войны гу-

берний Царицынская являлась единственной, которая *«появилась как военное образование, создана без учета положений Совета народных комиссаров «О порядке изменения границ губернских, уездных и прочих» от 27 января 1918 г. и других нормативных актов, регулирующих порядок образования новых административных единиц»* [Бокова 2008–2009: 121]. Специфика ситуации заключается также в том, что Царицынская губерния была учреждена командованием СКВО на территориях, большинство из которых (в том числе и г. Царицын) в то время были подведомственны руководству Приволжского военного округа.

После взятия Царицына Красной армией 3 января 1920 г. и завершения боевых действий причины ситуационного, военного характера, приведшие к образованию Царицынской губернии, исчезли, тем не менее, губерния была восстановлена, что свидетельствует о том, что в основе ее появления лежали более глубокие и объективные предпосылки.

В 1920 г. из состава Астраханской губернии была выделена Автономная область калмыцкого трудового народа. Основу ее территории составили земли бывшей «Калмыцкой степи». Образование автономной области со всей наглядностью высветило проблему границ, которые планировалось установить, исходя из этнического принципа. При ближайшем рассмотрении этого вопроса выяснилось, что провести в жизнь этот принцип будет сложно, а некоторых случаях просто невозможно вследствие чересполосного проживания русского и калмыцкого населения. Например, чересполосица помешала включить в состав автономной области станицы донских калмыков-казаков, изолированных от нее широкой полосой русских поселений и находящиеся в иноэтническом окружении небольшие калмыцкие аймаки — Червленый и Северный. В аналогичной ситуации оказались и расположенные в центре калмыцких кочевий крестьянские поселения Элистинской волости. На ее базе, а также еще 5 русско-украинских волостей, расположенных на Ергенинской возвышенности (Ремонтненский, Кормовской, Заветнинской, Киселевской и Садовской), в 1921–1922 гг. был сформирован Ремонтненский уезд. В общей сложности к территории Калмыцкой степи была присоединена площадь в 4 724 кв. км с населением 47,3 тыс. чел.

В годы Гражданской войны площадь Астраханской губернии сильно сократилась также в результате оформления границ нового субъекта — Киргизской Автономной Социалистической Республики, образованной на основании декрета ВЦИК от 1 сентября 1920 г. «Об автономной Киргизской социалистической республике». Из Астраханской губернии в нее передали Внутреннюю (Букеевскую орду), населенную казаками, а также Синеморскую, Софроновскую, Ганюшинскую и Николаевскую волости, в населенных пунктах которых компактно проживало русское рыбацкое население [Политика... 1920: 44–45].

После завершения Гражданской войны в составе Астраханской губернии из 7 административно-территориальных единиц осталось 4 (Астраханский, Енотаевский, Красноярский уезды и г. Астрахань). Некоторые современные исследователи данное событие напрямую увязывают с политической борьбой за власть, якобы развернувшейся между И.В. Сталиным и С.М. Кировым. По их мнению, Астрахань стала жертвой победы первого над Кировым — ее «советским ангелом-хранителем» [Астрахань 2007: 27]. Сторонники данной точки зрения, правда, не приводят ни одного факта, свидетельствующего о том, что Киров пытался противостоять якобы стремлению Сталина понизить статус Астраханской губернии. Это утверждение всецело основано на созданных советской пропагандистской машиной клише об особой роли И.В. Сталина в организации обороны г. Царицына и С.М. Кирова — г. Астрахани в годы Гражданской войны. Как показывают последние исследования историков, роль этих государственных деятелей в период военных действий в 1918–1920 гг. сознательно преувеличивалась. Отсюда сформировалось устойчивое мнение, что многие политические действия Сталина в последующее годы по отношению к Сталинграду, а у Кирова — к Астрахани, носили личностный оттенок.

Не отрицая полностью личностных мотивов в региональной политике двух ведущих государственных деятелей, все же заметим, что на понижение административного статуса Астраханской губернии гораздо большее влияние оказала сложившаяся в высших партийно-советских кругах репутация г. Астрахани и губернии в целом как мелкобуржуазного и оппозиционного Советской власти. В партийно-государственных документах первых лет Советской власти не раз встречаются упоминания о мелкобуржуазном характере значительной части населения Астраханского края, к которой относили многочисленное и влиятельное астраханское купечество [ГААО. Ф. Р-1172. Оп. 1. Д. 20. Л. 45], астраханское казачество, крестьянство, мещанство и чиновничество. Это убеждение основывалось на активном занятии населения торговлей и предпринимательством (скотоводство, рыболовство, соледобыча). Для партийно-советской элиты уже одного этого было достаточно, чтобы зачислить астраханцев в разряд носителей мелкобуржуазных настроений. Кроме того, в Астраханской губернии в годы Гражданской войны неоднократно вспыхивали восстания против большевистской политики, что еще больше укрепило у высшего руководства страны представление об этом регионе, как неблагонадежном по отношению к Советской власти.

Анализ материалов показывает, что во время Гражданской войны перемены в Нижнем Поволжье были вызваны как национальной политикой большевиков, так и назревшими объективными потребностями усовершенствования административно-территориального деления, в отдельных случаях они диктовались военными соображениями. Так, вы-

деление в самостоятельные субъекты территорий компактного проживания казахов и калмыков явилось результатом стремления большевистской партии реализовать на практике свою доктрину о праве народов на самоопределение, в учреждении Царицынской губернии главную роль сыграл военный фактор, появление новых уездов было связано с созданием более удобного для местного населения административно-территориального деления. Многие преобразования нередко инициировались «снизу» и осуществлялись без санкции вышестоящих властей. Перекройка административных границ происходила в условиях нестабильной общественно-политической обстановки, ослабления власти и развернувшихся боевых действий, что не могло не наложить на данный процесс своего отпечатка.

Во время Великой Отечественной войны в Нижневолжском регионе последовали новые существенные изменения в административно-территориальном устройстве. В 1941–1943 гг. были ликвидированы республики немцев и калмыков и образована Астраханская область.

Первой была упразднена АССР немцев Поволжья: 28 августа 1941 г. вышел указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». 7 сентября 1941 г. последовал другой указ Президиума Верховного Совета СССР «Об административном устройстве территории бывшей Республики немцев Поволжья». Против немцев Поволжья было выдвинуто обвинение в их нелояльности к Советской власти и укрывательстве ими немецких шпионов и диверсантов. Советское руководство рассматривало переселение немцев в восточные районы страны как превентивную меру, видя в них «пятую колонну» и опасаясь, что сосредоточение большого количества немецкого населения в Поволжье, недалеко от г. Куйбышева, который планировался новой столицей на случай сдачи Москвы, может при приближении фронта дестабилизировать ситуацию в регионе. Что касается современных исследователей, то многие из них увязывают депортацию немецкого населения и ликвидацию автономии с перипетиями советско-германских отношений. Так, известные исследователи истории поволжских немцев А.А. Герман и И.Р. Плева пишут: *«Советские немцы, в том числе и немцы Поволжья, не раз становились заложниками отношений двух великих держав, СССР и Германии. Следствием крайнего обострения отношений между этими странами, принявших форму открытого военного столкновения, стала ликвидация АССР немцев Поволжья и депортация поволжских немцев в Сибирь и в Казахстан»* [Герман, Плева 2002: 84].

Территория АССР немцев Поволжья (28 200 кв. км.) была разделена между двумя соседними областями: в состав Саратовской области вошло 15 кантонов, Сталинградской — 7 [Сборник законов... 1968: 64]. По данным Всесоюзной переписи 1939 г., в автономии проживали 366 685 лиц

немецкой национальности, составлявшие 2/3 всего населения республики [Всесоюзная перепись... 1992: 67].

Обвинения в предательстве, прозвучавшие в адрес калмыцкого народа со стороны советского руководства, стали обоснованием для депортации калмыков и упразднения Калмыцкой АССР. По теме депортации калмыцкого народа и ликвидации его республики написана обширная научная литература. Их причины обычно объясняются грубым извращением И.В. Сталиным ленинской национальной политики, личными качествами советского лидера, его стремлением переложить ответственность за военные поражения на плечи некоторых малочисленных народов. Некоторые историки склонны видеть причины депортации и ликвидации автономии в необходимости обеспечения бесплатной трудовой силой промышленных объектов Сибири и Средней Азии или даже в сущностном содержании советской национальной политики, направленной в итоге на смешение наций с целью формирования надэтнической общности — советского народа.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1943 г. ликвидировал Калмыцкую АССР и одновременно восстановил Астраханскую область в ранге субъекта РСФСР. Отдельные астраханские исследователи упразднение и восстановление Астраханской области объясняют субъективными факторами, а именно последствиями внутригрупповой борьбы советской элиты. Так, авторы монографии «Астрахань — XXI век: Социокультурная регионалистика», вышедшей в 2007 г., упразднение Астраханской губернии напрямую связывают с поражением С.М. Кирова в противостоянии со Сталиным. Любопытно, что даже факт создания в 1943 г. Астраханской области авторы монографии интерпретируют как «утонченное коварство» Сталина, который пошел на этот шаг якобы потому, что не хотел допустить дележа огромных денег, выделенных правительством для восстановления Сталинградской области [Астрахань 2007: 299], в состав которой до 1943 г. входил Астраханский округ.

Восстановление области, безусловно, являлось плодом усилий, прежде всего, астраханской управленческой элиты, которая упорно шла к этой цели. В предвоенные годы этот вопрос она выносила на рассмотрение Сталинградского обкома ВКП(б), областного исполкома Совета депутатов трудящихся, соответствующие материалы были отосланы в ЦК ВКП(б). 4 октября 1943 г. в докладной записке на имя секретарей ЦК ВКП(б) А.А. Андреева и Г.М. Маленкова секретарь Астраханского окружного комитета ВКП(б) В.А. Голышев писал, «что в связи с резким увеличением экономики округа, вопрос о создании Астраханской области назрел» [ГАСДАО. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 990. Л. 16]. В округе находился крупный рыбопромышленный центр всесоюзного значения, Астрахань являлась крупнейшим перевалочным пунктом нефти, мощным транс-

портным узлом (речным и железнодорожным), в ней был сосредоточен ряд крупных судостроительных заводов и мастерских, активно развивалось сельское хозяйство (имелось более 200 колхозов, шло освоение под овощную отрасль плодородной Волго-Ахтубинской поймы). Голышев обратил внимание и на то обстоятельство, что многие предприятия округа имели статус всесоюзных, и им приходилось многие вопросы решать непосредственно с Москвой [ГАСДАО. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 990. Л. 16об.]. В состав будущей области Голышев просил включить помимо территории округа тяготеющие к Астрахани районы: Эльтонский, Кайсацкий и часть Черноярского.

Первоначально в состав новой области вошли 8 районов бывшего Астраханского округа (Владимировский, Володарский, Енотаевский, Икрянинский, Камызякский, Красноярский, Наримановский, Харабалинский) и г. Астрахань, а также восточные районы бывшей Калмыцкой АССР (Долбанский, Кетченеровский, Лаганский, Приволжский, Троицкий, Улан-Хольский, Черноземельский, Юстинский) и г. Элиста. Два района Калмыкии (Малодербетовский и Сарпинский) были включены в Сталинградскую область, два (Западный и Яшалтинский) — в Ростовскую область, еще один (Приютненский) — в состав Ставропольского края. Общая площадь Астраханской области включала в себя 9 318 тыс. га, на которой проживали 617,6 тыс. чел. [НАРК. Ф. Р-309. Оп. 7. Д. 5. Л. 1].

После образования области астраханская администрация стала предлагать усилия по расширению территории области. 17 марта 1944 г. председатель Астраханского облисполкома Н.И. Быхов по поручению обкома ВКП(б) и облисполкома обратился в ЦК ВКП(б) и Президиум Верховного Совета РСФСР с просьбой рассмотреть вопрос о присоединении к области Черноярского района Сталинградской области и Кизлярского округа Ставропольского края. Свою просьбу астраханское руководство мотивировало тем, что эти районы ранее входили в состав Астраханской губернии, и их экономики были сходны с экономиками прилегающих к ним астраханских районов [НАРК. Ф. Р-309. Оп. 7. Д. 5. Л. 7]. В данных действиях астраханской управленческой элиты просматривалось стремление хотя бы частично восстановить территорию Астраханской губернии, сильно урезанной в первые годы Советской власти. Результатом этой деятельности стало возвращение в 1949 г. из Сталинградской области Черноярского района, переданного в 1919 г. в качестве уезда в Царицынскую губернию. Благодаря этому территория Астраханской области расширилась до 96,3 тыс. кв. км.

Проведенные в годы Великой Отечественной войны административно-территориальные преобразования заметно изменили политико-административную карту Нижнего Поволжья. Упразднение двух национальных республик было вызвано обстоятельствами военного времени.

Ликвидация немецкой автономии советским руководством рассматривалась в качестве предупредительной меры, а калмыцкой — в качестве карательной меры за сотрудничество некоторой части калмыцкого населения с германским оккупационным режимом. Это были действия исключительно политического характера, носившие ситуационный, а не стратегический характер, никак не связанные с продуманным планом административно-территориальных преобразований в регионе.

Источники

Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. М.: Наука, 1992. 256 с.

Государственный архив Астраханской области (ГААО).

Государственный архив современной документации Астраханской области (ГАСДАО)

Научный архив Калмыцкого научного центра РАН (НА КалмНЦ РАН).

Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК).

Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1967: В 2 т. Т. 2. 1938–1967 / Сост. Ф.И. Калинычев, М.И. Юмашев и А.В. Калитеевская. М.: Известия, 1968. 896 с.

Литература

Астрахань — XXI век: Социокультурная регионалистика / Л.В. Баева и др. Астрахань: Астраханский ун-т, Российский гуманитарный фонд, 2007. 375 с.

Бокова О.Н. Образование Царицынской губернии как административно-территориальной единицы РСФСР // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9: Вып. 7. 2008–2009. Исследования молодых ученых. С. 119–122.

Брылов В.А. Формирование территории Волгоградской области и агломерации в XX столетии: границы, административное устройство // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. № 5 (128). С. 215–251.

Герман А.А., Плева И.Р. Немцы Поволжья: Краткий исторический очерк. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2002. 144 с.

Максимов К.Н. Великая Отечественная война: Калмыки и Калмыкия. М.: Наука, 2010. 374 с.

Очилов У.Б. Калмыкия в период Гражданской войны (1917–1920 гг.). Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2006. 448 с.

Политика советской власти по национальным делам за три года. 1917–XI–1920. М.: Гос. изд-во, 1920. 185 с.

Убушаев В.Б., Убушаев К.В. Калмыки: выселение, возвращение, возрождение. 1943–1959 гг. Элиста: Изд-во Калм. гос. ун-та, 2007. 494 с.

Шкода Р. Рождение губернии. [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: <https://царицын.рф>. Дата обращения: 10.05.2017 г.].

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО В НАЦИОНАЛЬНЫХ АВТОНОМИЯХ ЮГА РСФСР В 1944–1956 гг.*

Гунаев Евгений Александрович¹

¹ кандидат юридических наук, старший научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра РАН (г. Элиста).

E-mail: gunayev@yandex.ru

Аннотация: В статье проанализированы изменения административно-территориального устройства национальных автономий Юга РСФСР в 1944–1956 гг. Эти изменения были обусловлены приращением территорий ликвидированных в 1943–1944 гг. автономий репрессированных народов (балкарцы, ингуши, калмыки, карачаевцы, чеченцы), территориальных уступок соседним регионам и Грузинской ССР. Другая линия изменений была связана с реформами правления Н.С. Хрущева, которая в большей мере затронула Дагестанскую АССР как наиболее населенную и сложноустроенную автономию на Северном Кавказе.

Ключевые слова: административно-территориальное устройство, РСФСР, национальные автономии, Юг России, Северный Кавказ.

Административно-территориальное устройство на Юге РСФСР в 1944–1956 гг. базировалось на реалиях, произошедших в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и связанных с депортацией целых народов (балкарцы, ингуши, калмыки, карачаевцы, чеченцы) в районы Сибири и Средней Азии. В результате их национальные автономии были ликвидированы, а территории «разделялись между соседними русскими областями и лояльными автономиями» [Тархов 2001].

Если кратко описать происходившие изменения в административно-территориальном делении Юга РСФСР в указанный период, то складывается следующая картина. В ноябре 1943 г. была упразднена Карачаевская АО Ставропольского края, в декабре 1943 г. — Калмыцкая АССР. В 1944 г. была ликвидирована Чечено-Ингушская

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

АССР, а Кабардино-Балкарская АССР преобразована в Кабардинскую АССР (в связи с депортацией балкарцев). При этом был произведен передел земель ликвидированных автономий. Территорию Калмыкии включили в состав Астраханской области (образованной из Астраханского округа и степных районов Калмыкии), Ставропольского края, Сталинградской и Ростовской областей. Территория Ингушетии, а также город Моздок с окрестностями были переданы в состав Северо-Осетинской АССР, а южные районы последней — в состав Грузинской ССР. В состав Грузии также отошли южные (горные) районы Чечено-Ингушетии, почти весь Карачай (так называемый Клухорский район с городом Микоян-Шахар — ныне Карачаевск, — который был переименован в Клухори) и высокогорная Балкария (Приэльбрусье). Восточные районы Чечни были включены в состав Дагестанской АССР. Из остальных районов Чечни, Кизлярского округа и Наурского района Ставропольского края была образована новая Грозненская область (просуществовала 13 лет — с 1944 г. по 1957 г.). Этот процесс упразднения автономий завершился в июне 1945 г., когда Крымская АССР в составе РСФСР была преобразована в Крымскую область (крымские татары были депортированы годом ранее, в 1944 г.). В феврале 1954 г. этот регион был передан из РСФСР в состав Украинской ССР [Тархов 2001].

Как отмечает Е.Ф. Кринко, причины депортаций получили разное объяснение, вызывая острую полемику, что обуславливает целесообразность их специального осмысления. Формальным поводом для выселения ряда народов Юга России послужили стандартные обвинения в их «предательском» поведении, выразившимся в оказании массовой поддержки захватчикам в период оккупации региона, создании бандформирований, нападавших на советские войска. Значительная часть современных исследователей отвергает данные обвинения и объясняет депортации тремя основными причинами: 1) необходимостью расширения территории Грузии «за счет исконных земель северокавказских народов»; 2) стремлением ряда руководителей региона переложить ответственность за провал партизанского движения на отдельные народы; 3) потребностью Сибири, Средней Азии и Казахстана в дешевой рабочей силе [см. Кринко 2012: 75].

Согласно Е.Ф. Кринко, версию о том, что депортация северокавказских народов имела своей целью «очистить» один из лучших по природно-климатическим условиям регионов для Грузии первым, вероятно, высказал Х.-М. Ибрагимбеги. Впоследствии она нашла широкое отражение в работах других авторов. В качестве одного из аргументов приводится почвенная карта Северного Кавказа, изданная в 1942 г. АН СССР, где административный центр Карачая город Микоян-Шахар уже полу-

чил грузинское название Клухори, которое он носил в 1943–1957 гг. [Кринко 2012: 75].

Возражая, другие историки отмечают, что территории выселенных народов передавались не только Грузии, а депортации подвергались народы, вовсе не граничившие с Грузией. В случае использования первой версии, даже подкрепленной документальным материалом, причины подменяются следствиями, ибо вопрос об изменении административных границ решался уже после депортации народов, да и передана была Грузии только небольшая часть территории Карачая. Перемещение огромного количества людей на восток страны также требовало немалых затрат, что снижало экономическую эффективность подобных мероприятий [Кринко 2012: 75].

Теперь разберем изменения в административно-территориальном делении подробнее.

7 марта 1944 г. Верховный Совет СССР издал Указ «О ликвидации Чечено-Ингушской АССР и об административном устройстве ее территории». В соответствии с вышеназванным Указом в составе Ставропольского края создавался Грозненский округ с центром в городе Грозный. В его состав передавались г. Грозный и районы ликвидированной Чечено-Ингушской АССР: Атагинский, Ачхой-Мартановский, Грозненский, Надтеречный, Старо-Юртовский, Урус-Мартановский, Шалинский, Шатоевский (в существующих на тот момент границах), Гудермесский район за исключением восточной части, Сунженский район за исключением западной части, Галанчожский и Галашкинский районы за исключением южной части этих районов и северо-западная часть Курчалоевского района.

Под юрисдикцию Дагестанской АССР перешли районы: Веденский, Ножай-Юртовский, Саясановский, Чеберлоевский (в существующих на тот момент границах), а также Курчалоевский и Шароевский районы за исключением северо-западной части этих районов и восточная часть Гудермесского района.

В состав Северо-Осетинской АССР были включены г. Малгобек и районы бывшей Чечено-Ингушской АССР: Ачалукский, Назрановский и Пседахский (в существующих на тот момент границах), Пригородный район за исключением его южной части, западная часть Сунженского района, а также восточная часть Курпского района Кабардино-Балкарской АССР.

В состав Грузинской ССР передали Итум-Калинский район (в существующих на тот момент границах), западную часть Шароевского района, южную часть Галанчожского, Галашкинского и Пригородного районов, а также юго-восточную часть Гизельдонского района Северо-Осетинской АССР [Бугаев 2016: 45–46].

В связи с этим были внесены соответствующие изменения в существующую государственную границу между РСФСР и Грузинской ССР.

1 марта 1944 г. нарком внутренних дел СССР Л.П. Берия, докладывая Сталину об общих итогах переселения ингушей и чеченцев, сообщал: *«Руководители партийных и советских органов Северной Осетии, Дагестана и Грузии уже приступили к работе по освоению отошедших к этим республикам новых районов»*. 26 февраля 1944 г. Сталину был представлен проект Указа Президиума Верховного Совета СССР «О ликвидации Чечено-Ингушской АССР и об административном устройстве ее территории» и проект постановления СНК СССР «О заселении и освоении районов Чечено-Ингушской АССР». Закон «Об упразднении Чечено-Ингушской АССР» был утвержден Верховным Советом РСФСР лишь 25 июля 1946 г. [История Ингушетии 2012: 463–464].

Грозненский округ просуществовал только 15 дней. 22 марта 1944 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление об образовании Грозненской области с центром в г. Грозный. В этот же день Президиум Верховного Совета СССР утвердил представление Президиума Верховного Совета РСФСР об образовании Грозненской области с центром в г. Грозный и ликвидации в связи с этим Грозненского и Кизлярского округов Ставропольского края и принял соответствующий указ. По личному указанию И.В. Сталина его публикация была запрещена [Бугаев 2016: 45–46].

Как отмечает В.Г. Шнайдер, единственным новым административно-территориальным образованием, возникшим взамен ликвидированной Чечено-Ингушской АССР, стала Грозненская область. Но было бы недопустимым упрощением отождествлять ее (даже и в территориальном отношении) с упраздненной республикой. В составе Грозненской области полностью оказались только 8 из 24 районов бывшей Чечено-Ингушетии и еще 5 районов — частично. Дагестанской АССР были переданы 4 района ЧИАССР полностью и 3 частично, Северо-Осетинской АССР — 3 полностью и 2 частично. Кроме того, к Грозненской области были присоединены значительные по площади местности Ставропольского края. Согласно В.Г. Шнайдеру, одним из наиболее существенных затруднений в исследовании истории регионов национальных автономий Северного Кавказа в период депортации местного населения является разрозненность архивных данных [Шнайдер 2009: 82].

В итоге в состав Грозненской области оказались включены: г. Грозный (состоявший из пяти промышленных районов), полностью 8 районов бывшей Чечено-Ингушетии (Атагинский, Ачхой-Мартановский, Грозненский, Надтеречный, Старо-Юртовский, Урус-Мартановский, Шалинский, Шатоевский); в несколько урезанном виде — 4 района (Галанчожский, Галашкинский, Гудермесский и Сунженский). В состав

области включались 6 районов Ставропольского края и г. Кизляр, ранее никакого отношения к Чечено-Ингушетии не имевшие. Как полагает В.Г. Шнайдер, в связи с этим можно говорить о формировании на Северном Кавказе новой социально-экономической и административно-территориальной единицы. Основным мотивом правительства было создание целостного и оперативного механизма руководства нефтяной промышленностью [Шнайдер 2009: 83].

Как считает В.Г. Шнайдер, *«Грозненская область просуществовала 13 лет и нельзя сказать, что она оставила заметный след в истории Северного Кавказа. Она представляла собой искусственное территориально-административное образование, при создании которого главным мотивом были экономические перспективы региона»* [Шнайдер 2009: 86]. Он отмечает, что районы бывшей Чечено-Ингушской АССР, отошедшие Дагестанской и Северо-Осетинской АССР, заселялись более интенсивно, чем те, которые вошли в состав Грозненской области. Это происходило за счёт внутренних человеческих ресурсов Северной Осетии и Дагестана. *«В данном случае сыграл свою роль фактор малоземелья и давних территориальных претензий к соседям. Особенно очевидным последний мотив был в Северной Осетии»* [Шнайдер 2009: 95].

9 марта 1944 г. СНК Союза ССР принял постановление № 225–74сс «О заселении и освоении районов бывшей Чечено-Ингушской АССР», касающиеся исключительно порядка переселения колхозов и хозяйств, в значительной мере повторяющее уже изложенные юридические акты. В 1944–1946 гг. происходило планомерное заселение территории опустевшей Ингушетии. В ту часть бывшей ЧИАССР, которая была присоединена к Северо-Осетинской АССР, переселялись жители как самой Северной Осетии, так и осетины из Грузии и Южной Осетии [История Ингушетии 2012: 464].

В ингушские селения, переданные в состав Северной Осетии, переселилось 55 тысяч осетин, в том числе 26 тысяч осетин из высокогорных селений Юго-Осетинской автономной области, входившей в состав Грузинской ССР, и 15 тысяч осетин из Северной Осетии. Переселение шло по «добровольно-принудительной схеме»: каждому осетинскому району, колхозу спускались разрядки — задания на определенное количество желающих переселиться [История Ингушетии 2012: 464].

В то же время территория горной Ингушетии, отошедшая к Грузинской ССР, осталась незаселенной. Одновременно с этими мерами проводилась замена названий ингушских населенных пунктов. 8 мая 1944 г. решение по этому поводу принял Северо-Осетинский обком ВКП(б). Так Назрань стала называться Коста-Хетагурово; селение Ангушт, давшее само название этнонима «ингуш», переименовано в Тарское; Базоркино — в Чермен. Многие названия давались по

принципу переселения в этот населенный пункт выходцев из того или иного района Северной и Южной Осетии. Так, поселок Планашка был переименован в Карца (сюда переселились жители одноименного селения в Гизельдонском районе), Длинная Долина — в Терк, Гадаборшево — в Куртат (заселено выходцами из Куртатинского ущелья), Сурхахи — в Мамисон (заселено выходцами из Мамисонского ущелья) и т. д. [История Ингушетии 2012: 464].

Как отмечает И. А.-А. Джазаева, *«из освещения региональной истории как в советское, так и в постсоветское время практически полностью выпал период 1943–1956 гг., когда значительная часть нынешней Карачаево-Черкесии находилась в составе Грузинской ССР. Соответственно, не освещен не только поселенческий процесс, но и, собственно, все сферы жизни региона той поры»* [Джазаева 2011: 6].

Согласно п. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 12 октября 1943 г. о ликвидации Карачаевской автономной области (КАО) было решено: оставить в составе Ставропольского края районы бывшей автономии — Зеленчукский, Усть-Джегутинский и Мало-Карачаевский (переименовав его в Кисловодский сельский район), включить в состав Мостовского района Краснодарского края западную часть Преградненского района бывшей КАО, а восточную часть со станицей Преградной — в состав Зеленчукского района Ставропольского края. Данным указом на месте переданных в состав Грузинской ССР Учкуланского и части Микояновского районов бывшей автономной области был создан Клухорский район Кутаисской области Грузинской ССР, который существовал тринадцать с лишним лет. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 мая 1956 г. районное деление Черкесской автономной области было упразднено, а все сельсоветы автономии перешли в прямое административное подчинение Черкесского областного Совета. *«Но “безрайонный” период продлился лишь несколько месяцев и завершился в связи с репатриацией карачаевского народа из мест выселения, а точнее — в связи с восстановлением Карачаево-Черкесской автономной области (1957 г.)»* [Джазаева 2011: 19].

Масштабных переселений на землях карачаевцев не было. Многие населенные пункты были практически полностью разрушены. Домов осталось всего 10 375, но и они были в нежилом состоянии и чаще использовались для содержания скота в хозяйственных нуждах. Эта картина была характерна преимущественно для Клухорского района, куда поселили грузин [Конониренко 2015: 105].

С 1940 г. территория Кабардино-Балкарской АССР составляла 12,3 тыс. кв. км. В ее рамках насчитывалось 16 районов: Баксанский, Зольский, Кубинский, Курпский, Лескенский, Майский, Нагорный, Нальчикский, Прималкинский, Прохладненский, Терский, Урванский,

Хуламо-Безенгиевский, Чегемский, Черекский, Эльбрусский [Ошроев 2005: 146–147]. Кардинальное территориальное преобразование произошло, когда балкарцы подверглись насильственной депортации в Казахстан и Среднюю Азию 8 марта 1944 г. Одновременно началось перекраивание внешних и внутренних границ края. Так, на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 7 марта 1944 г. был ликвидирован Курпский район путем передачи его восточной части Северной Осетии. Территории, оставшиеся в Кабардинской АССР, 30 марта 1944 г. вошли в Терский и Урожайненский районы Малой Кабарды [Ошроев 2005: 147].

Кроме того, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 апреля 1944 г. «О переселении балкарцев, проживающих в Кабардино-Балкарской АССР и о переименовании Кабардино-Балкарской АССР в Кабардинскую АССР» в состав Верхне-Сванетского района Грузинской ССР были включены юго-западная часть Эльбрусского и Нагорного районов Кабардинской АССР. В связи с этим граница между Грузинской ССР и Кабардинской АССР де-юре изменилась в следующем направлении: от перевала Бурун-Таш, что у северных склонов горы Эльбрус, на восток по реке Малке до высоты 2887, далее на юго-восток по реке Ислам-Чай через высоту 3242 у перевала Кыртык-Ауш, на восток по реке Кыртлык, западнее поселка Верхний Баксан и на юг по реке Адыр-Су до перевала Местия. Однако грузинская сторона посчитала возможным нарушить положения принятых правовых документов. Поэтому фактическая граница между Грузинской ССР и Кабардинской АССР получила иные очертания, а именно: по реке Кыртык и далее восточнее поселка Верхний Баксан (Укчумель) и на юг по реке Адыр-Су до перевала Местия. В результате этого селение Верхний Баксан оказалось включенным в состав Грузинской ССР и заселено сванами. Официальное письмо от руководства Кабардинской АССР Президиуму Верховного Совета Грузинской ССР с просьбой восстановить границы в соответствии с Указом 8 апреля 1944 г. осталось без ответа. По данным на 1948 г. Грузинской ССР всего отошло 58 885 га земли [Ошроев 2005: 147–148].

Претерпело изменения и административное устройство Кабардинской АССР. 14 апреля 1944 г. постановлением «Об изменении административного районирования Кабардинской АССР», Черекский и Хуламо-Безенгиевский районы ликвидировались как самостоятельные административные единицы. В Нальчикский район вошли с. Кашхатау, Белая Речка, Хасанья (из Хуламо-Безенгиевского района), Яникой и Каменка (из Чегемского района). Был образован Кашхатауский район (позже Советский) с центром в с. Кашхатау. В него вошли села Кашхатау, Герпегеж и Бабугент из ликвидированного Хуламо-Безенгиевского

района с включением еще 5 населенных пунктов из Нальчикского и Урванского районов. Были сохранены Чегемский и Эльбрусский районы, с включением в их состав 4 селений Нальчикского района и 2 селений Баксанского района. Районный центр Чегемского района переместился из Нижнего Чегема в Чегем I [Ошроев 2005: 148].

С 22 апреля 1944 г. последовали распоряжения по утверждению границ Лескенского, Советского, Нальчикского, Чегемского, Эльбрусского и Нагорного районов, а также по переименованию ряда населенных пунктов. Так селение Кашхатау было переименовано в селение Советское, Бабугент — в Черек, Хасанья — в поселок Пригородный, Яникой — в Ново-Каменка, Гунделен — в Комсомольское, Лашкута — в Заречное, Былым — в поселок Угольный [Ошроев 2005: 148]. Как отмечает В.Г. Шнайдер, речь шла о замене балкарских названий [Шнайдер 2009: 106].

К тому времени Кабардинская АССР состояла из 15 районов, одного республиканского города (Нальчик) и одного районного города (Прохладный). 31 июля 1944 г. Указом Президиума Верховного Совета Кабардинской АССР территория Александровского сельского совета Нальчикского района вошла в черту г. Нальчика. Аналогичная участь постигла территорию Вольно-Аульского сельского Совета в 1956 г.

28 июня 1947 г. постановлением секретариата Президиума Верховного Совета РСФСР из учетных данных по административно-территориальному делению РСФСР были исключены следующие сельские советы Кабардинской АССР: Ташлы-Талинский (Лескенского района), Хабазский (Нагорного района), Верхне-Жемталинский, Верхне-Хуламский, Безенгиевский и Жикиевский (Советского района), Актопракский, Булунгуевский, Верхнечегемский и Думалинский (Чегемского района), Верхне-Баксанский и Челмасский (Эльбрусского района) [Ошроев 2005: 149].

Масштабных переселений в связи с депортацией балкарцев не производилось [Конониренко 2015: 105].

В Дагестане административно-территориальные преобразования в 1950-е гг. были связаны в том числе с реформами Н.С. Хрущева в стране, которые затронули и систему административно-территориального деления, прежде всего, в сельской местности: переход от двухзвенной системы управления (область (республика) — район) к трехзвенной системе управления (область (республика) — округ — район) в 1952 г. Эта реформа наряду с другими регионами страны была проведена и в Дагестане. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 25 июня 1952 г. в Дагестанской АССР были образованы 4 больших административно-территориальных округа: 1) Буйнакский; 2) Дербентский; 3) Избербашский; 4) Махачкалинский.

Гунаев Е.А. Административно-территориальное устройство в национальных автономиях Юга РСФСР в 1944–1956 гг.

Как отмечает М.Я. Мирзабеков, новая окружная система управления за короткое время продемонстрировала свою полную несостоятельность. Округа не представляли собой целостной экономической единицы, так как отдельные районы, входившие в них, тяготели к различным экономическим центрам. В условиях Дагестана округа получились многонациональными, что породило дополнительные проблемы в расстановке партийно-советских и хозяйственных кадров по национальному признаку и обуславливало необходимость дальнейшего усиления массово-разъяснительной работы в трудовых коллективах. Ко всему прочему возникший громоздкий государственный аппарат не в состоянии был обеспечить эффективное руководство отраслями народного хозяйства и социально-культурным строительством в республике [Мирзабеков 2016: 125].

Партийно-государственное руководство страны после десяти месяцев реформы, убедившись в неэффективности окружной системы управления, отменило ее. 24 апреля 1953 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об упразднении Буйнакского, Дербентского, Избербашского и Махачкалинского округов в составе Дагестанской АССР». Согласно Указу округа в республике ликвидировались, а районы, входившие в состав названных округов, передавались в непосредственное подчинение республиканских властных структур Дагестанской АССР. Города Махачкала, Буйнакск, Дербент, Избербаш, Каспийск и Хасавюрт были отнесены к категории городов республиканского (АССР) подчинения [Мирзабеков 2016: 125].

После возврата к двухзвенной системе административно-территориального деления и управления в Дагестанской АССР была продолжена работа по ее оптимизации и дальнейшему развитию. С учетом потребностей экономического и социально-культурного развития в 1955–1956 гг. в республике были образованы новые сельские административные районы. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 15 октября 1955 г. Цунтинский район вновь был воссоздан в прежних границах с центром в селении Бежта. В 1956 г. был образован еще один сельский район. Решением Президиума Верховного Совета РСФСР от 26 декабря 1956 г. Ленинский район г. Махачкалы был преобразован в Ленинский сельский район [Мирзабеков 2016: 125].

Наряду с этим сельские административные районы, не оправдавшие ожидания по ускорению развития экономики, решению назревших социально-экономических проблем после их образования, были ликвидированы. Так, после десяти лет существования Цудахарского района республиканское руководство сочло его сохранение нецелесообразным. Президиум Верховного Совета Дагестанской АССР обратился с соответствующим ходатайством в Президиум Верховного Совета РСФСР,

в соответствии с указом которого от 27 июня 1956 г. Цудахарский район был ликвидирован [Мирзабеков 2016: 125].

В послевоенные годы в Дагестане широкое распространение получила практика передачи сельсоветов из административного подчинения одних районов в другие. Причинами служили территориальная близость населенного пункта к соседнему административному району и экономическая целесообразность. Инициаторами передачи сельсовета в другой соседний район нередко выступали жители конкретных населенных пунктов, недовольные расстановкой партийно-советских кадров в административно-территориальных образованиях и действиями районного руководства по решению экономических и социально-культурных проблем тех или иных населенных пунктов [Мирзабеков 2016: 125].

Процесс передачи и административного переподчинения сельсоветов в республике в связи с усилившимися миграционными процессами и увеличением прироста населения в дагестанских селах сопровождался созданием, укрупнением сельских населенных пунктов и сельсоветов. Вследствие этих мер их количество в Дагестанской АССР сократилось. По данным на 15 июня 1953 г., в республике насчитывалось 580 сельсоветов. На 1 января 1955 г. их количество уменьшилось на 49 единиц и составило 531 сельсовет. Во второй половине 1950-х годов число сельсоветов в Дагестанской АССР начало расти. В 1956 г. в республике было образовано 5 новых сельсоветов [Мирзабеков 2016: 126].

Общая картина административно-территориального устройства национальных автономий Юга РСФСР периода 1950-х гг. представлена в табл. 1.

Таблица 1

Автономии Юга РСФСР по данным на 1 марта 1954 г.

[СССР 1954: 9, 20, 163, 167, 174].

Наименование автономии	Территория, в тыс. кв. км.	Количество городов областного (АО) / республиканского (АССР) подчинения	Количество городов районного подчинения	Количество городских районов	Количество сельских районов	Количество сельсоветов	Количество поселков городского типа
Адыгейская автономная область	4,4	1			7	59	-
Дагестанская АССР	38,2	6		3	41	584	4

**Гунаев Е.А. Административно-территориальное устройство
в национальных автономиях Юга РСФСР в 1944–1956 гг.**

Кабардинская АССР	11,8	1	1		15	88	7
Северо-Осетинская АССР	9,2	2	3	3	17	110	3
Черкесская автономная область	4	1			3	49	

Подводя итоги, отмечаем следующее: административно-территориальные изменения в 1944–1956 гг. в национальных автономиях Юга РСФСР происходили по двум направлениям:

1) путем приращения территорий за счет ликвидированных автономий репрессированных народов, территориальных уступок соседним регионам и Грузинской ССР;

2) путем осуществления административно-территориальных преобразований хрущевских реформ в экономике, что имело временный характер. Это в наибольшей степени было характерно для Дагестанской АССР как наиболее населенной и сложноустроенной автономии на Северном Кавказе.

Источники

СССР. Административно-территориальное деление союзных республик на 1 марта 1954 г. М.: Известия Советов депутатов трудящихся СССР, 1954. XII+485 с.

Литература

Бугаев А.М. Динамика административно-территориальных и демографических процессов в Чечено-Ингушетии в 30–50-х гг. XX в. // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2016. № 4 (33). С. 42–47.

Джазаева И.А.-А. Образование населенных пунктов и административно-территориальное обустройство в Карачаево-Черкесии в советский период: Автореферат дисс. ... к.и.н. Пятигорск, 2011. 26 с.

История Ингушетии. Ростов н/Д: ООО «Южный издательский дом», 2012. 536 с.

Конониренко В.А. Процесс переселения в постдепортационные районы Крыма и Северного Кавказа в 1944–1953 годы: основные тенденции и итоги // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2015. Т. 15. Вып. 4. С. 101–108.

Кринко Е.Ф. Современная российская историография о причинах депортаций народов Юга России в годы Великой Отечественной войны // Историческая демография. 2012. № 1. С. 75–78.

Мирзабеков М.Я. Административно-территориальные преобразования и изменения в Дагестане в 50–70-е годы XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 6 (68). Ч. 1. С. 124–131.

Ощроев Р.Г. Изменения территориальных границ и административного устройства КБАССР в 40–50-е гг. XX в. // Земельные отношения в Кабарде и Балкарии: история и современность: Мат-лы науч.-практ. конф. (Нальчик, 11 августа 2005 г.). Нальчик: Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН. 2005. С. 144–152.

Тархов С.А. Изменение административно-территориального деления России за последние 300 лет // География. Первое сентября. 2001. № 15. [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: <http://geo.1september.ru/article.php?ID=200102801>. Дата обращения: 15.05.2019 г.]

Шнайдер В.Г. Советская национальная политика и народы Северного Кавказа в 1940–1950-е гг. Армавир: Редакционно-издательский центр АГПУ, 2009. 236 с.

К ВОПРОСУ О КАДРОВОМ СОСТАВЕ СЕКРЕТАРИАТА И АППАРАТА КАЛМЫЦКОГО ОБЛАСТНОГО КОМИТЕТА КПСС В 1957–1991 гг.

Каманджаев Нарма Арслангович¹

¹ магистрант Монгольского государственного университета

(г. Улан-Батор, Монголия).

E-mail: narmakat@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу персональных характеристик (возраст, пол, национальность, уровень и профиль образования, место рождения, время работы, занимаемая должность) заведующих отделами и секретарей Калмыцкого обкома КПСС в 1957–1991 гг. В ходе исследования были выявлены основные сходства и различия кадрового состава обозреваемых групп.

Ключевые слова: КПСС, Калмыцкий обком, секретариат, отдел обкома, номенклатура, политическая элита, кадровый состав.

Коммунистическая партия Советского Союза была больше чем просто правящей партией. В соответствии с 6-й статьей Конституции СССР 1977 г., она объявлялась *«руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций»* [Конституция 1977: 15]. На практике реализация данного постулата выразилась в том, что КПСС контролировала все общественно-политические и экономические процессы в стране. М.С. Восленский писал, что *«партийные комитеты разных уровней: от ЦК до райкома КПСС... принимают все до единого политические решения любого масштаба в СССР»*. При этом, по его мнению, *«окончательные решения»* внутри партии принимались секретариатами и бюро этих партийных комитетов [Восленский 1990: 127–128]. Из этого следует, что именно бюро и секретариаты комитетов партии различных уровней и были органами верховной власти в СССР.

При этом как на уровне ЦК КПСС, так и на уровне обкома партии большое значение имел аппарат. Именно он в лице своих сотрудников готовил проекты решений, которые представлялись на заседания бюро и секретариата соответствующего партийного комитета. В этой связи весьма интересным и важным представляется изучение кадрового состава упомянутых выше органов власти. Стоит добавить, что В.П. Мохов

писал о важности изучения региональной номенклатуры 1945–1980 гг., аргументируя это тем, что «...*состав, внутренние взаимодействия номенклатуры, сложившейся в этот период, во многом предопределили характер процессов в стране в конце 1980-х — начале 1990-х гг.*» [Мохов 2003: 109].

Вопросы, связанные с кадровым составом органов власти Калмыкии, привлекали внимание исследователей не раз. Однако при более пристальном изучении соответствующей литературы приходится констатировать, что исследований, анализирующих кадровый состав органов власти советской Калмыкии постдепортационного периода [Максимов 2009; 2019; Убушаев, Каманджаев 2018], вдвое меньше, чем исследований, анализирующих данную проблематику в рамках довоенного и военного периодов [Бадмаева 2016; 2017; Лиджеева, Олчанова 2019; Согданова, Оконов 2017; Убушаев 2005; 2007].

В число первых входят две работы К.Н. Максимова. Одна из них представляет собой раздел V «Калмыцкая АССР в 1960–1990-е гг.» 2-го тома коллективной монографии «История Калмыкии с древнейших времен до наших дней». Здесь К.Н. Максимов приводит данные по персональному составу всех созывов Верховного Совета Калмыкии за период с 1957 по 1993 гг. [Максимов 2009: 615, 624, 625, 645, 660, 666, 684, 685]. Вторая работа представляет собой научную статью и затрагивает только начало обозначенного нами периода. В ней мы находим весьма интересные сведения, касающиеся принадлежности тех или иных должностей к различным уровням номенклатуры. Так, к началу 1959 г. в основную номенклатуру Секретариата ЦК КПСС входили только три руководящие должности Калмыкии: первый секретарь областного комитета Калмыцкой АССР, председатель Президиума Верховного Совета Калмыцкой АССР, председатель Совета министров Калмыцкой АССР. В свою очередь, в учетно-контрольной номенклатуре организационного отдела ЦК КПСС было представлено 67 должностей, относившихся к Калмыцкой АССР [Максимов 2019].

Еще одной работой, касающейся названной выше проблематики, является статья Е.Н. Убушаева и Н.А. Каманджаева, в которой были рассмотрены персональные характеристики членов и кандидатов в члены бюро (возраст, пол, национальность, уровень и профиль образования, место рождения, время пребывания в составе бюро, занимаемая должность) [Убушаев, Каманджаев 2018]. Настоящая статья является логическим продолжением упомянутого выше исследования. В данном случае мы обращаемся к анализу персональных данных секретарей и заведующих отделами Калмыцкого обкома КПСС, работавших в период с 1957 по 1991 гг. При этом основной целью исследования также является сопоставление упомянутых выше характеристик.

Каманджаев Н.А. К вопросу о кадровом составе секретариата и аппарата Калмыцкого областного комитета КПСС в 1957–1991 гг.

Источниками для настоящего исследования послужили документы фонда П-1 Национального архива Республики Калмыкия (далее — НАРК). По материалам пленумов и заседаний бюро обкома было отследено кадровое перемещение секретарей и заведующих отделами. В свою очередь, персональная информация была обнаружена посредством анализа следующих групп документов: личных дел работников обкома (фонд П-1) и материалов по выборам в Верховный Совет Калмыцкой АССР (фонд Р-1).

Начиная рассмотрение персональных характеристик секретарей, считаем важным затронуть тему внутренней мобильности между различными секретарскими должностями. В рассматриваемый период мы наблюдаем по 3 случая кадровой мобильности по схемам «секретарь — второй секретарь» и «второй секретарь — первый секретарь». При этом стоит отметить, что во всех этих кадровых перестановках случаи должностной мобильности по схеме «секретарь — второй секретарь — первый секретарь» не наблюдаются. Если подытожить информацию о тех лицах, которые в рамках секретариата повышены не были, то мы получим следующую картину: 3 первых секретаря, 6 вторых секретарей и 17 секретарей. Таким образом, всего мы насчитываем 32 персональных «кейса».

Средний возраст начала работы в секретариате равен 44 годам и 5 месяцам, при этом средний возраст окончания работы — 49 годам и 6 месяцам. Таким образом, среднее время работы секретарей за рассматриваемый период равно 5 годам и 1 месяцу.

Распределение секретарей по национальности выглядит следующим образом: 18 калмыков и 14 русских. При этом большинство представителей «титульной» национальности (11 чел.) не продвинулись в должности выше «простого» секретаря. Среди русских секретарей таковых было 6 чел.

С точки зрения гендерной составляющей постдепортационный период существования секретариата обкома ознаменовался только одной женщиной в его составе: Лидией Давыдовной Лебедевой, работавшей секретарем в период с 1983 по 1987 гг. [НАРК. Ф. П-1. Оп. 46. Д. 102. Л. 3; Оп. 56. Д. 10. Л. 127].

В состав секретариата за рассматриваемый период входили 10 уроженцев Калмыкии и 22 уроженца других регионов Советского Союза. Из 10 уроженцев Калмыкии 4 чел. родились в пределах современного Городовиковского района, 3 чел. — Сарпинского и по 1 чел. — Каспийского, Юстинского и Яшкульского районов. В этой группе численно преобладали калмыки: их было 8 чел. Русских уроженцев Калмыкии, таким образом, было всего лишь двое. Распределение «неместных» секретарей по региону рождения приведено в табл. 1.

Таблица 1

Распределение «неместных» секретарей по регионам рождения

Регион рождения	Количество
Астраханская область	5
Ростовская область	4
Красноярский край	2
Пермская область	2
Волгоградская область	1
Камчатская область	1
Краснодарский край	1
г. Москва	1
Омская область	1
Ставропольский край	1
Тюменская область	1
Всего в РСФСР	20
Донецкая область	1
Луганская область	1
Всего в УССР	2
Всего	22

Весомая доля выходцев из соседних с Калмыкией Астраханской и Ростовской областей объясняется фактором бывшего расселения калмыков на их территории: из пяти представителей Астраханской области калмыками являлись четверо, из четырех представителей Ростовской области — трое. Также стоит отметить, что калмыками являлись оба представителя Красноярского края и представитель Тюменской области (родившиеся в период депортации). Таким образом, общее число калмыков, родившихся за пределами республики, равно 10, что составляет почти половину всех «неместных» секретарей и больше половины всех секретарей «титულიной» национальности.

Начиная разбор образовательных компетенций секретарей, считаем важным указать информацию об уровне их партийного образования. Нами было выявлено наличие оного у 13 секретарей, при этом 12 из них имели высшее партийное образование и всего лишь один — среднее.

Из 32 секретарей высшее образование имели 28 чел., по одному человеку имели неоконченное высшее и среднее специальное образования, лишь 2 чел. — только среднее образование.

Распределение секретарей по профилю образования было следующим: специалисты инженерного профиля — 11 чел., педагоги — 8 чел., агрономы — 4 чел., зоотехники — 3 чел., экономисты — 2 чел., военное образование — 1 чел. Здесь мы видим преобладание специалистов ре-

Каманджаев Н.А. К вопросу о кадровом составе секретариата и аппарата Калмыцкого областного комитета КПСС в 1957–1991 гг.

ального сектора экономики: инженеров, аграриев и зоотехников. Заметна доля представителей педагогических профессий.

Среди секретарей мы обнаруживаем 6 кандидатов наук: 3 — исторических наук, 2 — экономических наук, 1 — философских наук.

Все 32 секретаря наряду с положенным членством в секретариате в разное время являлись членами бюро обкома, входя, таким образом, сразу в два руководящих органа областного комитета партии.

Прежде чем приступить к анализу персональных характеристик заведующих отделами, считаем необходимым перечислить отделы, существовавшие в Калмыцком обкоме КПСС в рассматриваемый период.

На первом организационном пленуме воссозданного обкома, состоявшемся 29 декабря 1957 г., были назначены заведующие 5 отделами: партийных органов*, пропаганды и агитации, сельскохозяйственного, промышленно-транспортного, административных и торгово-финансовых органов [НАРК. Ф. П-1. Оп. 4. Д. 9. Л. 4, 6, 8, 10–11]. В течение 1960–1967 гг. к ним добавились еще 5 отделов: школ (1960 г.), строительный (1965 г.), общий (1966 г.), легкой и пищевой промышленности (1967 г.), финансово-хозяйственный (1967 г.) [НАРК. Ф. П-1. Оп. 4. Д. 73. Л. 145; Д. 199. Л. 12; Д. 234. Л. 12; Д. 257. Л. 14; Д. 261. Л. 11]. Эти структура просуществовала до 1988 г., когда была утверждена новая структура аппарата обкома, в которую входили следующие отделы: организационно-партийной и кадровой работы, идеологический, социально-экономический, аграрный, государственно-правовой, общий [НАРК. Ф. П-1. Оп. 57. Д. 5. Л. 9].

В 1990 г. количество отделов еще раз сократилось, теперь уже до трех: организационный, идеологический, социально-экономический [НАРК. Ф. П-1. Оп. 62. Д. 22. Л. 5–6]. Таким образом, общее количество отделов с 1988 г. по 1990 г. уменьшилось более чем в 3 раза. Также стоит отметить, что все эти изменения не затронули отделы организационно-партийной работы и пропаганды и агитации. В ходе реструктуризации они не были присоединены к другим отделам, а лишь поменяли свои названия.

В рамках данного исследования были проанализированы данные 64 заведующих отделами Калмыцкого обкома КПСС, работавших в 1957–1991 гг. Среди этих 64 чел. мы насчитываем 59 мужчин и 5 женщин. Четверо из пяти зав. отделов женского пола в разное время руководили отделом школ (с 1981 г. — отдел науки и учебных заведений). Примечательно и то, что на данной должности мы совсем не наблюдаем мужчин.

* Последующие его названия: отдел организационно-партийной работы, отдел организационно-партийной и кадровой работы, организационный отдел. Далее будем называть его отделом организационно-партийной работы, так как именно это название использовалось наибольшее время.

По национальности зав. отделами распределились так: 31 калмык, 31 русский и 2 украинца. Стоит отметить, что калмыки были весьма слабо представлены среди заведующих двух основных отделов обкома: организационно-партийного и пропаганды и агитации. Так, среди 12 заведующих организационно-партийным отделом было только 3 калмыка, среди 12 заведующих отделом пропаганды и агитации — 2 калмыка.

Средний возраст начала работы для зав. отделами приблизительно равен 41 году и 9 месяцам, средний возраст окончания работы — 45 годам и 1 месяцу. Таким образом, примерное среднее время работы заведующих отделами обкома за рассматриваемый период равно 3 годам и 4 месяцам. Это более чем на 1,5 года меньше, чем у секретарей.

Из 60 чел., чье место рождения удалось установить, уроженцами Калмыкии являлись лишь 20 чел., следовательно, зав. отделами, родившихся за пределами республики, было как минимум 40 чел.

Таблица 2

Распределение «местных» зав. отделами по районам рождения

Район рождения	Количество
Каспийский район	4
Городовиковский район	3
Приозерный район	2
Приютненский район	2
Юстинский район	2
Ики-Бурульский район	1
Малодербетовский район	1
Сарпинский район	1
Черноземельский район	1
г. Элиста	1
Яшалтинский район	1
Яшкульский район	1
Всего	20

Почти две трети уроженцев республики были калмыками (13 чел.), треть — русскими (7 чел.). Таким образом, пропорционально местных русских среди зав. отделами было несколько больше, чем среди секретарей.

Распределение «неместных» зав. отделами по регионам рождения

Регион рождения	Количество
Ростовская область	9
Ставропольский край	6
Астраханская область	5
Волгоградская область	4
Красноярский край	2
Алтайский край	1
Брянская область	1
Воронежская область	1
Горьковская область	1
Кировская область	1
Краснодарский край	1
Омская область	1
Орловская область	1
Саратовская область	1
Тульская область	1
Тюменская область	1
Ярославская область	1
Всего по РСФСР	38
Киевская область	1
Луганская область	1
Всего по УССР	2
Всего	40

Как и в случае с секретарями обкомов, высокое представительство уроженцев Ростовской и Астраханской областей среди зав. отделами, объясняется проживанием калмыков в этих регионах. Калмыками были 5 из 9 представителей Ростовской области и все 5 представителей Астраханской области. Пятеро заведующих калмыцкой национальности были уроженцами сибирских регионов: Тюменской области (1 чел.), Алтайского края (1 чел.), Красноярского края (2 чел.) и Омской области (1 чел.). Два калмыка — зав. промышленно-транспортным отделом обкома Б.Ч. Михайлов и зав. отделом административных и торгово-финансовых органов В.С. Сергеев родились в пределах Ставропольского края [НАРК. Ф. П-1. Оп. 66. Д. 168; Оп. 65. Д. 156]. Таким образом, можно констатировать, что общее количество зав. отделами калмыцкой национальности, рожденных за пределами Калмыкии (17 чел.), составляет больше половины всех персоналий этой категории.

Среди заведующих отделами в рассматриваемый период 58 чел. имели высшее образование, 4 чел. — среднее специальное, 4 чел. — среднее. Нами установлено, что как минимум у 31 зав. отделами имелось партийное образование. При этом 28 чел. имели высшее партийное образование и только 3 чел. — среднее.

Распределение заведующих отделами по профилю образования было следующим: 19 инженеров, 14 педагогов, 7 агрономов, 6 экономистов, 5 юристов, 3 зоотехника, по 2 чел. с партийным* и плановым образованием, по 1 чел. с журналистским и финансовым образованием. Как можно заметить, число специалистов реального сектора экономики (инженеры, агрономы и зоотехники) едва достигает половины от общего количества заведующих с высшим и средне-специальным образованием (29 из 60). Как и в случае с секретарями значительна доля педагогов. При этом мы наблюдаем на порядок большее количество лиц с образованием общественно-научного профиля (юристы, экономисты, плановики). Их в данном случае насчитывается 13 чел.

Среди заведующих отделами мы обнаруживаем 12 кандидатов наук: 5 — исторических наук, 5 — экономических наук и по 1 кандидату сельскохозяйственных и технических наук. Больше всего кандидатов наук (6 чел.) работало в отделе пропаганды и агитации.

В целом, можно подытожить, что с точки зрения уровня образования обе исследуемые группы показали достаточно высокие и относительно равнозначные результаты. Доля лиц с высшим образованием колеблется от 87,5 % (секретари) до 90,6 % (заведующие отделами). В свою очередь, доля кандидатов наук в обеих группах равна 18,8 %. С другой стороны, среди секретарей обкома оказалась выше доля специалистов реального сектора экономики (62 % против 48 %), но при этом ниже доля представителей общественно-научных специальностей (7 % против 22 %). Доля педагогов в обеих группах примерно одинакова (28 % у секретарей и 23 % у зав. отделами).

Практически все (11 чел.) заведующие отделом организационно-партийной работы за исключением своего последнего представителя являлись членами бюро обкома. В его первый постдепортационный состав на правах членов также входили заведующий промышленно-транспортным отделом Ц.О. Саврушев и заведующий отделом административных и торгово-финансовых органов С.П. Надбитов [НАРК. Ф. П-1. Оп. 4. Д. 8. Л. 3].

Всего за рассматриваемый период 9 зав. отделами обкома оказались повышены до секретаря обкома. 4 из них были избраны секретарями с должности заведующего отделом организационно-партийной работы

* Для данных заведующих партийное образование являлось единственным высшим.

Каманджаев Н.А. К вопросу о кадровом составе секретариата и аппарата Калмыцкого областного комитета КПСС в 1957–1991 гг.

(отдел партийных органов, отдел организационно-партийной и кадровой работы), 2 — с должности заведующего отделом пропаганды и агитации (идеологический отдел), еще 2 — с должности заведующего промышленно-транспортным отделом. В.И. Никулин, в будущем ставший первым секретарем обкома, был избран вторым секретарем обкома с должности заведующего сельскохозяйственным отделом обкома [НАРК. Ф. П-1. Оп. 22. Д. 7. Л. 2].

Таким образом, при общем сопоставлении персональных характеристик двух исследуемых групп мы можем выявить следующие основные сходства: 1) в обеих группах наблюдается мизерная доля женщин; 2) обе группы схожи в том, что при общем национальном паритете самые важные должности чаще доставались некалмыкам; 3) в обеих группах больше половины калмыков родились за пределами республики; 4) обе группы показали весьма неплохие и равнозначные результаты с точки зрения уровня образования. Также мы наблюдаем следующие основные различия между группами: 1) группы несколько отличаются в возрастном аспекте: зав. отделами в среднем были моложе и работали на своих должностях меньше, чем секретари; 2) доля специалистов реального сектора экономики (инженеры, агрономы, зоотехники) у зав. отделами ниже, чем у секретарей, при этом у первых была выше доля представителей общественных наук (экономисты, юристы, плановики).

Источники

Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М.: Политиздат, 1977. 127 с.

Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК).

Литература

Бадмаева Е.Н. Исторический опыт формирования и развития органов государственного управления в Калмыкии в 1917–1943 гг. Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. 241 с.

Бадмаева Е.Н. Некоторые вопросы управленческой политики в советской России в 1920–1930-е гг. (на примере Калмыкии) // Монголоведение. 2016. № 9. С. 5–16.

Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. Лондон: Overseas Publications Interchange Ltd, 1990. 671 с.

Лиджеева К.Ф., Олчанова Ц.В. Кадровая подготовка как условие для модернизации региона в 20-30-е годы XX века (на материалах Калмыкии) // Вестник Калмыцкого университета. 2019. № 1 (41). С. 55–61.

Максимов К.Н. Кадровая политика Калмыцкого обкома коммунистической партии через призму документов высших и местных органов партийной власти // Вопросы истории. 2019. № 5. С. 63–80.

Максимов К.Н. Калмыцкая АССР в 1960–1990-е гг. // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Элиста: Герел, 2009. Т. 2. С. 642–726.

Мохов В.П. Региональная политическая элита России (1945–1991 гг.). Пермь: Пермское книжное издательство, 2003. 238 с.

Согданова З.Г., Оконов Б.А. Народные избранники Советов депутатов трудящихся: кадровый состав Улан-Хольского, Троицкого и Западного улусного советов. 1939–1943 гг. // *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2017. № 1. С. 104–110.

Убушаев Е.Н. Изменения в руководящем составе Калмыкии вследствие политических репрессий в 30-е гг. XX в. // *Востоковедные исследования в Калмыкии: Сборник научных трудов*. Элиста: КалмГУ, 2007. С. 108–113.

Убушаев Е.Н. Советско-партийный аппарат Калмыкии: становление и развитие руководящего состава (1917 — 30-е гг. XX в.): дисс. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2005. 188 с.

Убушаев Е.Н., Каманджаев Н.А. Анализ кадрового состава бюро Калмыцкого обкома КПСС в 1957–1991 гг. // *Вестник Калмыцкого университета*. 2018. № 4 (40). С. 47–53.

БРАЧНЫЕ СТРАТЕГИИ И СТЕРЕОТИПЫ В ВЫБОРЕ БРАЧНОГО ПАРТНЕРА У СОВРЕМЕННЫХ КАЛМЫКОВ КАК В КУЛЬТУРНО-СЛОЖНОМ ОБЩЕСТВЕ*

Шараева Т.И.¹

¹ кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра Российской академии наук (г. Элиста).

E-mail: sharaevati@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению брачных стратегий и стереотипов при выборе брачного партнера у современных калмыков. Выбор спутника жизни обусловлен двумя аспектами — индивидуальным и социальным. У калмыков преобладающее положение занимает социальный аспект, что связано с рядом значимых факторов, отражающих социальные и этнокультурные процессы современного калмыцкого общества. До сих пор сохраняется иерархичное этническое самосознание, взаимосвязанное с этническим составом; поддерживаются семейные и близкородственные отношения. Направленность на внутриэтнические браки объясняется как поиском партнера со сходным менталитетом, культурой, представлениями и образом жизни, так и с желанием сохранить аутентичность этноса, увеличить его численность. При этом отношение к межэтническим бракам продолжает сохраняться толерантным. В статье впервые рассмотрены различные стереотипы, формирующие обобщенный «народный портрет» представителя той или иной субэтнической группы. Это позволило сделать вывод об активном бытовании этих стереотипов в настоящее время и попытках их использования для прогнозирования будущей жизни супругов.

Ключевые слова: калмыки, свадьба, брачный партнер, стратегия, субэтническая группа, стереотип

Вступление в брак — важный этап в жизни каждого человека. Выбор спутника жизни имеет два аспекта: индивидуальный и социальный. В полиэтничном современном российском обществе социальный аспект санкционирован в большей степени этнической принадлежностью индивида, характерен для граждан национальных республик.

* Работа подготовлена при финансовой поддержке объединенной программы президиума РАН «Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечения стратегического прорыва России» (подпрограмма «Культурно-сложные общества: понимание и управление»)

«Среда, в которой происходила первичная социализация личности, играет важную роль в формировании ее духовных запросов, культурных ориентаций, различных жизненных норм, установок и, в частности, представлений о брачном партнере. Принятие правильных индивидуальных решений связанных с созданием и сохранением семьи, является залогом личного семейного благополучия и стабильности общества» [Чистякова 2007: 137]. Семья, в которую будет входить новый человек, всегда волнует вопрос: кто он/она? какой по характеру, воспитанию, интересам? сможет ли стать полноценным членом семьи?

Несмотря на происходящие повсеместно трансформации института семьи и брака, которые за последнее время значительно изменили взгляды молодых людей на выбор спутника жизни и брак [Хачатрян 2011: 89–100], у современных калмыков центральными в системе ценностей являются семья, дети и родственные отношения. По мнению Б.Б. Нусхаевой, в калмыцком обществе *«формирование представлений современной молодежи о семье и браке протекает в условиях влияния старых и новых стандартов: традиционные представления об организации семейной жизни, которые сохраняются в связи с инертностью процессов, и современные модели поведения и взаимоотношений, все более распространяющиеся среди молодежи»* [Нусхаева 2012: 100].

У современных калмыков при выборе спутника жизни, кроме личных качеств, внешности, наличия образования, статуса семьи, большую роль играет этническая принадлежность. Это является важным фактором для семейной пары во взаимоотношениях с родными. Гармоничным считается союз, в котором оба брачных партнера являются калмыками по национальности: общий менталитет, культура, питание, образ жизни и т. д. Конечно же, межэтнические браки у калмыков заключались и заключаются, но отношение к ним было всегда двойственным: нет строгого запрета, но и не приветствуются. Всегда существовал социально-психологический барьер в межэтническом взаимодействии, *«стремление к закрытости, замкнутости в своей этнической общности, т. е. установка отвержения «чужих» в пользу «своих»* [Намруева 2014: 129]. Это также было связано с тем, что в смешанной семье подвержены изменениям в разной степени основы жизнедеятельности этноса: образ жизни семьи, труд, потребности, личные отношения мужа и жены. Претерпевают определенные трансформации преемственность поколений, воспроизводство историко-культурного кода, в основе которого заложены этнический характер, материнский язык, физическое ощущение пространства родной земли [Намруева 2008: 95].

Традиционно у калмыков соблюдалась строгая патрилинейная экзогамия, брак между родственниками по отцовской линии запрещался до седьмого или девятого поколения. Поиск и подбор невест занимались старшие в семье. Даже находясь в вынужденном поселении в вос-

Шараева Т.И. Брачные стратегии и стереотипы в выборе брачного партнера у современных калмыков как в культурно-сложном обществе

точных районах страны в 1943–1957 гг., проживая дисперсно, калмыки учитывали степень родства и принадлежность к определенной группе, соблюдали принцип экзогамии, хотя в тот период у ссыльных калмыков все же стала складываться, кроме традиционной, еще одна брачная стратегия — модернизационная [Гучинова 2007: 94].

Внутриэтнический поиск брачного партнера у калмыков в настоящее время продолжает быть обусловленным не только личными предпочтениями, но и рядом других факторов. Во-первых, сохранением многоступенчатой этнической идентичности калмыков, родовой системы, принадлежностью к определенной этнической и субэтнической группе. Во-вторых, с этнокультурными изменениями, которые происходят с начала 2000-х гг., и ростом самосознания у калмыков, желанием сохранить аутентичность этноса, в том числе через увеличение численности и появление потомства в браке, где оба родителя являются калмыками по происхождению. Так, если численность калмыков в республике в 2000 г. составляла 308 тыс. чел., то в 2008 г. — уже 285,5 тыс. чел, а в 2010 г. — всего 183 372 чел. Столь заметное уменьшение численности калмыков в республике связано с уменьшением рождаемости и миграционными потоками, усилившимися в начале XXI в. из-за ухудшения социально-экономических условий в республике.

В настоящее время в выборе спутника жизни калмыки все также зависимы от мнения членов семьи, близких родственников, так как это, как считается, может сказаться на жизни всех членов семьи, ее статусе в родственном социуме. Поэтому многие калмыки, проживающие за пределами республики по разным причинам, особенно выехавшие на временные заработки, стараются выбирать «из своих». На роль и значение этих представлений в жизни калмыков указывает также и то, что свадьбу стараются проводить в республике «среди родных» и «для родных», приезжая для этого домой на несколько дней. Здесь имеет место и желание зафиксировать свое место в родном сообществе, и сохраняющаяся традиция совместной подготовки к свадьбе (финансовый и хозяйственный взнос родных *дем*), и финансовая составляющая: свадьба за пределами более обременительна и затратна, чем дома.

Вместе с тем поиск партнера внутри этноса у калмыков связан и с принадлежностью к определенной субэтнической группе, имеющей исторические обоснование. Как известно, предки калмыков — западномонгольские племена ойратов — под давлением различных обстоятельств перекочевали на территорию Южной Сибири и современного Казахстана, затем расселились «на территории междуречья Эмбы, Яика (Урала) и Волги, а позднее всего Нижнего Поволжья, где в 90-х гг. XVIII в. образовалось Калмыцкое ханство и начала складываться самостоятельная монголоязычная народность — калмыки» [История Калмыкии 2009: 8]. Этнический состав ойратских групп, пришедших на но-

вые территории, был неоднородным и сложным по составу. Наиболее крупным по численности было этнополитическое объединение торгутов (50 тыс. семей), меньшей численностью дербеты (4 тыс. семей) и хошуты (4 тыс. семей), а также большое количество малых этнических групп, которые позднее поглощались крупными [Очиров 2010: 35–47]. В крупных этнополитических объединениях *«этнический фактор был более объединяющим стимулом для составных частей»* [Батмаев 2002: 106]. Позднее сформировалась субэтническая группа бузавов из калмыков, проживавших на Дону. В начале XX в. бузавы проживали в основном в 13 станицах Сальского округа Области Войска Донского.

Калмыцкие исследователи рассматривают явление субэтнической дифференциации у калмыков в нескольких аспектах: 1) научном, направленном на изучение истории происхождения и формирования данных субэтнических групп; 2) идеологическом, так как это периодически перерастает в проблему «родовизма», улусизма, местничества, пытаются использовать как инструмент в политической борьбе; 3) культурном, связанном с восприятием самих калмыков по принадлежности к той или иной группе, самоидентификацией [Гоголданова, Гузенкова 1993: 160–184].

С одной стороны, в современном калмыцком обществе при заключении брака не акцентируют на этом внимание, руководствуясь общей принадлежностью к калмыцкому этносу, с другой — сложился целый комплекс представлений и стереотипов о представителях групп*, которые, например, в случае развода могут служить аргументами об изначальной несовместимости: *«надо было учитывать кто он/она по происхождению, разные ведь, не ужились бы все равно»*. Данные представления и стереотипы не принято обсуждать открыто, хотя возможности, например, социальных сетей позволяют делать это, скрывшись под псевдонимом. Воздействие стереотипов о представителях субэтнических групп на самих же калмыков бывает действенным настолько, что заставляет подчас отказываться от своих личных желаний, поэтому в социальных сетях можно встретить сообщения примерно следующего содержания: *«мы встречались с ней долгое время, я уже собирался жениться, но расстались. Она — дербетка, а я — торгут, не сложилось бы»*, *«встречалась с парнем, хотела замуж за него, но точно знаю, что мои не одобряют, он же бузав»*, *«стал думать как буду девушку представлять родным. Решил, что расстанемся, она же торгутка»* и т.д.

По мнению А.А. Реана, *«одним из важнейших механизмов межличностного познания является механизм стереотипизации. У любого*

* В данной статье мы касаемся только вопросов субэтнического деления, не затрагивая деления внутри самой субэтнической группы, которые также имеют свои стереотипы.

Шараева Т.И. Брачные стратегии и стереотипы в выборе брачного партнера у современных калмыков как в культурно-сложном обществе

человека под влиянием общества, окружающих его людей и взаимодействия с ними образуются более или менее конкретные эталоны, пользуясь которыми человек дает оценку другим людям. Формирование этих эталонов для самого человека происходит чаще всего незаметно: он может и не осознавать, что у него формируются те или иные эталоны. Но независимо от того, сознает это человек или нет, сформировавшиеся эталоны всегда влияют на процесс оценки человеком другого человека. Более того, чем менее осознаваемыми являются социально-перцептивные стереотипы, тем больше они способны влиять на оценку другого человека» [Реан 1999: 221]. Т.Г. Стефаненко считает, что «этнические стереотипы возникают в ходе развития этнического самосознания, осознания собственной принадлежности к определенной этнической группе. Присущая всякой группе психическая общность выражается в формировании определенного 'мы-чувства'. Для этнических групп 'мы-чувство' фиксирует осознание особенностей своей собственной группы, отличие ее от других групп, упрощая образы других групп» [Стефаненко 1999: 242].

У представителей каждой субэтнической группы калмыков автостереотипы носят положительный, комплиментарный характер. Гетеростереотипы формируются из целого комплекса представлений, образуя, таким образом, своеобразный обобщенный «народный портрет» представителей иной группы, например, «шустрый торгут», «медлительный дербет», «хозяйственный бузав», «чопорный хошут».

Устоявшееся представление в современном российском обществе, что «все азиаты на одно лицо», не воспринимается самими представителями азиатских народностей, которые не только безошибочно всегда определяют своего сородича, но и определяют представителей других азиатских народностей по характерным признакам и типуажу.

Центральноазиатский тип большой монголоидной расы, к которому принадлежат калмыки, характеризуется, в основном, двумя физическими типами: 1) узколицы, худощавые, тонкокостные и стройные; 2) широкоскулые, ширококостные, высокие, крепкие, коренастые. Для калмыков данные антропологические описания соотносятся с представителями той или иной группы. Так, по «народным антропологическим» признакам считается, что:

- √ торгоуты — рослые, физически развитые, крепкого телосложения, может присутствовать волосяной покров на теле, смуглые, черные и узкие глаза, черноволосые, имеют широкие скулы, пониженную переносицу и расширенные ноздри;
- √ дербеты — среднего роста, среднего телосложения, есть и светлокожие и темнокожие, светловолосые и темноволосые, имеют миндалевидную форму глаз, может присутствовать волосяной по-

кров на теле, имеют лицо среднего размера, прямой нос, цвет глаз от желто-зеленого* до карих;

√ бузавы — светлокожие, от рыжеволосых до темноволосых, склонные к полноте, крупные, рослые, нос прямой, цвет глаз от светлых до темных, большие глаза;

√ хошуты — среднего роста, среднего и высокого телосложения, светлокожие, цвет волос от каштанового до темного, прямой нос, узкое лицо**.

В социальных сетях, в которых также активно обсуждаются подобные стереотипы, нередко можно встретить подобные записи:

«В Элисте очень много красивых девушек, и все они при этом очень разные. Дело в том, что калмыки делятся на четыре рода, и каждому из них присущи свои черты: например, у дервюдок (это я) и хошеуток классическая азиатская внешность; у торгудок более смуглая кожа; бузавки очень светлые, часто с каштановыми или рыжими волосами, а еще у нас много девушек с зелеными и синими глазами, выглядит необычно и красиво.

Детей от смешанных браков в Калмыкии называют балдырами. Несмотря на микс, азиатская кровь обычно доминирует и читается во внешности в первую очередь. К смешанным бракам в Калмыкии относятся сдержанно — людям, особенно старшему поколению, хочется сохранить аутентичность народа. Но мы кочевники, и смешение кровей в прошлом было неизбежно — мужчины привозили себе из походов жен, другие брали людей в плен, даже у меня одна бабушка турчанка, например.

В большинстве своем калмычки стройны и тонкокостны, так сказывается наше кочевое прошлое, когда на женщин ложилось много физической работы — чего стоит только собрать или разобрать кибитку, — а еще к этому добавлялась верховая езда и даже воинское дело!» [Бьюти-география]

Интересны в контексте рассматриваемой темы некоторые комментарии под эти же постом:

— все хошеутки, которых я знаю, рыжие и светленькие. Среди торгудок и дербеток тоже встречаются рыжие. А вот бузавок рыжих я не встречал, а у тех, кого знаю носы с горбинкой, видимо предки брали черкешенок (принимавшие участие в войне с Турцией привозили турчанок)

— с чего взяли что торгутки смуглые?

* Хөн нүдтэ (букв. с цветом глаз как у овцы).

** Сходные стереотипные описания были зафиксированы нами во время сбора полевого материала по свадебной обрядности калмыков с учетом субэтнических различий в 2005–2010 гг.

Шараева Т.И. Брачные стратегии и стереотипы в выборе брачного партнера у современных калмыков как в культурно-сложном обществе

- *ничего мы не смуглые, даже наоборот*
- *торгутки как и дербетки бывают и светлые, и смуглые, и рыжие... Такое чувство как будто автор прошла и насобираала сюда стереотипов...*
- *у нас много смуглых торгутов. Есть вообще черные*
- *не встречал ни одной смуглой торгудки [Бьюти-география].*

Со времени прихода калмыков в степи Поволжья неоднократно проводились антропологические исследования для выявления степени сохранения монголоидных черт и степени метисации. Последнее масштабное антропологическое исследование калмыков было проведено в 1969–1972 гг. Институтом этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР совместно с Калмыцким научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории (ныне КалмНИЦ РАН) под руководством И.М. Золотаревой и Д.О. Ашиловой. На основании данных, полученных из 13 районов республики, был сделан вывод о территориальной дифференциации антропологических признаков у калмыков: в направлении с запада на восток отмечается увеличение роста (длины тела), продольного диаметра головы, в этом же направлении уменьшаются широтные размеры головы и лица (поперечный диаметр головы, наименьший лобный и скуловой диаметры), соответственно в этом же направлении уменьшаются величины головного указателя. С запада на восток на территории Калмыкии наблюдаются уменьшение частоты смешанных глаз, ослабление развития волосяного покрова на груди, увеличение частоты наклонного расположения глазной щели, большее развитие эпикантуса и складки верхнего века, ослабление профилированного лица, понижение переносья, увеличение приподнятых форм основания носа, а также процента округлых форм ноздрей, поперечного расположения осей ноздрей, частоты утолщенных губ [см. Балинова 2010: 16]. Таким образом, наибольшая степень метисации была выявлена в западных частях республики.

По данным антрополога Н.В. Балиновой, «Калмыкия является сложной (многомерной) моделью с разнообразными популяционно-демографическими и популяционно-генетическими процессами, которые отражают определенную дифференциацию на субэтническом уровне, и интеграцию на общэтническом», полученные ею результаты «генетического полиморфизма в трех субэтнических группах калмыков (торгутов, дербетов, бузавов. — Т. Ш.) демонстрируют общность их происхождения. Вместе с тем в рамках этой общности для каждой субгруппы характерен специфический генный пул, отражающий последствия обмена генами с кочевыми народами Средней Азии и Волго-Уральского региона» [Балинова 2010: 121].

Вышеуказанные стереотипные описания представителей субэтнических групп относятся и к группе в целом, и к калмыкам-мужчинам в частности. Однако женские стереотипные образы имеют несколько другие

характеристики. Так, считается, что торгутки в большинстве своем стройные, с узкими плечами и широкими бедрами, у них узкое вытянутое лицо, узкие глаза, смуглая кожа, темный цвет глаз и волос; дербетки — обладательницы светлой кожи, темных волос, средних размеров глаз, круглолицые, ширококостные; хошеутки — худощавые, тонкокостные, с узким лицом, светлой кожей, темными волосами; бузавки — светлокожие и светловолосые, склонные к полноте, большеглазые, круглолицые.

Образ представителя определенной субэтнической группы в «народном портрете» дополняется эмоциональными и психолого-поведенческими характеристиками: торгуты — активные, эмоциональные, обладают деловыми качествами; дербеты — медлительные, упрямые, прямолинейные, обладают взрывным характером; хошуты — выдержанные, собственники, обладают деловыми качествами; бузавы — образованные, степенные, осторожные, умеют вести домашнее хозяйство. Кроме того, считается, что торгуты быстро разговаривают, дербеты и хошуты — говорят неспешно, малоразговорчивы, бузавы — обладатели грамотной речи, говорят спокойно*.

Обобщенный образ представителя каждой из групп «выражен» в калмыцком языке соответствующим термином, который в зависимости от обстоятельств и эмоций, выделяет данную черту представителя группы как отрицательную или положительную: о торгутах — *һульдрмтха* (букв. *скользкий*), о дербетах — *һоодан* (букв. *прямо; правдиво; перен. так как хочет*), о хошутах и бузавах — *бийдэн гисн* (букв. *для себя*). Схожие представления легли в основу многочисленных анекдотов, которые распространены, хотя их публичный рассказ не приветствуется:

«Футбольная команда выигрывает одну игру за другой. На вопрос к тренеру: «В чем секрет успеха вашей команды?», он ответил: «Я нападающими ставлю торгутов, защитниками — дербетов, а вратарем — бузава. Торгуты если не забьют, то договорятся; дербеты если привяжутся, то не отстанут; бузаву если забьешь, то не докажешь» [ПМА: М.С. Горяев].

Реакция на такого рода анекдоты зависит от групповой принадлежности рассказчика и собеседника. Если указанные черты кажутся слушателю обидными по отношению к его групповой принадлежности, то ответ чаще всего бывает: *«так про нас только дербеты/торгуты/бузавы/хошуты могут говорить»*. На наличие и степень устойчивости этнических стереотипов относительно субэтнических групп калмыков указывает и фраза *«ты какой-то «неправильный» дербет(ка)/торгут(ка)/бузав(ка)/хошут(ка)»*, тем самым показывая на несоответствие реаль-

* В современном калмыцком языке исследователи выделяют три говора: дербетский, торгутский и бузавский. Разница между ними в целом невелика, в основном касается фонетики, хотя есть и лексические особенности.

Шараева Т.И. Брачные стратегии и стереотипы в выборе брачного партнера у современных калмыков как в культурно-сложном обществе

ных личностных качеств, характера, поведения человека устоявшемуся «народному портрету» представителя субэтнической группы.

В условиях традиционного общества соответствие критериям с учетом гендерных различий было жизненно важным, прививались с малолетства. Большое значение имеют они и при выборе брачного партнера в современных реалиях калмыцкого общества, в котором сочетаются традиционные представления и современные критерии. У мужчин большое значение имеет наличие таких качеств, как достоинство, смелость, выносливость, неприхотливость, немногословность. Он — хозяин, который должен обладать сноровкой, силой и трудолюбием, быть внимательным и заботливым; *баатр кун* (букв. *богатырь, герой*) — защитник, обладающий желанием помочь людям; *йоста залу* (букв. *с законом*) — имеющий морально-нравственные принципы, соблюдающий закон и этикет, правила поведения в обществе, справедливый, умеющий держать свое слово. Девушки должны быть скромными, целомудренными, хозяйственными, трудолюбивыми, расторопными, иметь навыки рукоделия. Женщина замужняя — это хозяйка, хранительница очага и мать, *герин кун* (букв. *человек этого дома*). В традиционном обществе статус замужней женщины требовал определенного поведения, маркировался одеждой и прической.

Работоспособность, домовитость, неконфликтность, вежливость, деликатность, уважение и почитание родных мужа, терпеливость и немногословность — таковы были и остаются соционормативные требования к снохам в калмыцком обществе. Как мать она должна быть заботливой, внимательной, терпеливой. *«Замужняя калмычка следит за тем, чтобы своим поведением не нанести урон репутации мужа, поддерживает его статус в глазах общества. Среди калмыков особо ценится, если невесткой довольны родственники мужа»* [Коммуникативное поведение 2015: 86]. В связи с этим существуют стереотипные образы зятя и снохи в зависимости от субэтнической принадлежности. Так, «прогнозируется», что: сноха-дербетка будет спокойной, уравновешенной, даже медлительной, немногословной и *«держат все в себе»*, но гордой и обладать взрывным характером; сноха-торгутка будет активной, деловой, хозяйственной и *«все нести в дом»*; сноха-хошутка характеризуются обладательницами черт, присущим и торгуткам, и дербеткам; сноха-бузавка — домовита, образована, степенна, хорошо выглядит и имеет вкус.

Стереотипизированный образ зятя имеет свои «особенности». Так, торгут-зять — деловитый, хозяйственный, умеет найти выход из любой ситуации, долго не сидит на месте без дела, члены семьи будут всегда обеспечены. Дербет в статусе зятя представляется самодостаточным, спокойным, прямолинейным, немногословным, хозяйственным, но обладающий взрывным характером. Хошут наделяется чертами, свойственными зятю-торгуту и зятю-дербету. Зять-бузав — образован, степенен, вежлив, выдержан, хозяйственный, умеет «вести дела», не по-

свящая никого в подробности, представляется непременно обладающим навыками растениеводства.

Исторически сложилось так, что Калмыцкая степь была разделена на улусы, сконцентрированные по субэтническому признаку, и разделялась на определенные экономические зоны, обусловленные географо-климатическими факторами. В 1924 г. эти экономические зоны были официально утверждены: Волго-Каспийская — рыболовно-скотоводческая, включавшая береговую полосу Яндыко-Мочажного, Эркетеновского, Багацохуровского и Хошеутовского улуса; Центральная — степная и скотоводческая, охватывающая степные территории Яндыко-Мочажного, Эркетеновского, Багацохуровского и Хошеутовского улусов; Приергененская — объединяла Манычский, Малодербетовский улусы и Ремонтненский уезд со смешанным земледельческо-скотоводческим хозяйством; четвертая — территория Большедербетовского улуса сугубо земледельческого направления [Борисенко, Убушиева 2000: 87]. Таким образом, рыболовством занимались в основном представители торгутских улусов, скотоводством — как дербеты, так и торгуты, а бузавы (у которых процессы седентаризации были глубже, чем у других групп калмыков) при переселении в Калмыкию расселялись чаще всего в земледельческом Большедербетовском улусе. Это распределение экономических зон и, соответственно, ведение определенного типа хозяйства и образа жизни у разных субэтнических групп породило свои стереотипы. По этому поводу у калмыков бытует следующий анекдот: *«торгут подвижен, будто беспокоен и томим ожиданием, где можно найти место для хорошей рыбной ловли; дербет двигается неспешно, молча, так как привык не спеша идти под грузом овцы, которую подобрал в степи; бузав всегда ходит, размахивая руками в стороны, так как привык разбрасывать зерно домашней птице»* [ПИМА: Б.Е. Церенов].

Исходя из такого территориального распределения хозяйственных зон, будущая жизнь супругов «прогнозируется» с учетом пищевого рациона, к которому привыкли брачующиеся с детства. Считается, что вкусовые предпочтения могут передаваться по наследству, поэтому даже будучи оторванными от родного сообщества и привычного быта можно иметь вкусовые пристрастия, якобы характерные для группы. В таких случаях калмыки говорят: *тохмнь тачана* (букв. *происхождение тянет, порода тянет*). Такие же слова говорят, когда во внешности ребенка «просматриваются» стереотипизированные черты матери или отца как представителей определенной субэтнической группы.

Девушкам, выходящим замуж за торгутов, обычно в шутку говорят: *«ну, теперь постоянно будешь есть осетрину и черную икру»*. О тех, кто выходит замуж за дербета, говорят, что они *«будут всегда с мясом»*, *«ест вкусную баранину»*. У.Д. Душаном был зафиксирован в начале XX в. образец фольклора, в котором мать выходящей замуж девушки

Шараева Т.И. Брачные стратегии и стереотипы в выборе брачного партнера у современных калмыков как в культурно-сложном обществе

переживает не только об ее будущей жизни, но и питании дочери в новой семье с непривычным укладом: *«Милая моя, ты выросшая, питаешься привычным тебе мясом белуги и осетра, ты будешь теперь питаться этим невкусным, водянистым мясом барана. Ты, привыкшая сидеть на корме лодки и направлять ее рулем куда захочешь, теперь будешь управлять головой двухмачтового (верблюда)»* [Душан 1973: 45]. Другой пример отличий в рационе указан в следующем анекдоте, который сохранился еще с довоенной поры: *«Породнились дербет и торгут. Торгут решил порадовать нового родственника к празднику посылкой и отправил ему воблу и черную икру. Через некоторое время получает письмо: «Большое Вам спасибо за посылку, но она так долго шла, что вся рыба высохла, а икра — почернела»»* [Гучинова 2001: 236].

Таким образом, у современных калмыков продолжает сохраняться превалирование социального аспекта в выборе брачного партнера, что взаимосвязано с семейными и близкородственными отношениями, членством в определенном социуме, а также иерархичным этническим самосознанием у калмыков. Брачные стратегии калмыков определены этнокультурными процессами, происходящими в современном калмыцком обществе. Отношение к межэтническим бракам толерантное. Предпочтение отдается внутриэтническим бракам, что связано с желанием калмыков сохранить аутентичность этноса, увеличить его численность. Разнообразный этнический состав ойратских групп обусловил образование современных субэтнических групп у калмыков. При выборе брачного партнера заметную роль играют различные стереотипы, при этом автостереотипы носят положительный, комплиментарный характер, а гетеростереотипы формируются из целого комплекса представлений, образуя, таким образом, своеобразный обобщенный «народный портрет» представителя той или иной группы. Впервые рассмотренные стереотипы позволяют сделать вывод об их активном бытовании в настоящее время, попытках использования их для прогнозирования будущей жизни супругов, а также попытках выделить их в качестве одного из аргументов в случае развода супругов.

Источники

Бьюти-география: как выглядит настоящая калмычка? [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: <https://vk.com/oigod> (дата обращения: 06.06.2019 г.)].

Полевые материалы автора (ПМА). Информант М.С. Горяев, 1973 г. рождения, запись 2001 г. (г. Элиста).

ПМА. Информант Б.Е. Церенов, 1979 г. рождения, запись 2017 г. (г. Элиста).

Литература

Балинова Н.В. Калмыки: антропогенетический портрет. Элиста: ЗАОР «НПП «Джангар», 2010. 144 с.

Батмаев М.М. Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII–XVIII вв. Элиста: АПП «Джангар», 2002. 400 с.

Борисенко И.В., Убушиева С.И. Очерки исторической географии Калмыкии. 1917 — начало 90-х г. XX в. Элиста: АПП «Джангар», 2000. 168 с.

Гоголданова З. Э.-Г., Гузенкова Т. С. Субэтнические группы: представления и реальность // Калмыки: перепутье 1980-х. Проблемы этнокультурного развития. М.: Участок оперативной полиграфии Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1993. С. 160–184.

Гучинова Э.-Б.М. Пища калмыков в России и в США: опыт сравнительного анализа // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. М.: Наука, 2001. С. 231–249.

Гучинова Э.-Б.М. «Я — высланная, ты — без ноги». Депортация калмыков (1943–1956): гендерный взгляд // Acta Slavica Iaponica. 2007. Tomus 24. P. 74–99.

Душан У.Д. Историко-этнографические заметки об Эркетеневском улусе Калмыцкой АССР // Этнографические вести. № 3. Элиста: КНИИЯЛИ, 1973. С. 3–107.

История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Т. 1. Элиста: ГУ «Издательский дом «Герел», 2009. 848 с.

Коммуникативное поведение калмыков. Элиста: Издательство Калмыцкого университета, 2015. 140 с.

Намруева Л.В. Семья как фактор воспроизводства идентичности: социологический подход // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2008. № 4. С. 93–96.

Намруева Л.В. Смешанные браки как индикатор межэтнических отношений (анализ социологических исследований в Республике Калмыкия) // Научная мысль Кавказа. 2014. № 3. С. 125–130.

Нухаева Б.Б. Представления молодежи Республики Калмыкия о семье и браке // Oriental Studies. 2012. № 1. С. 100–104.

Очилов У.Б. Формирование калмыцкого этноса // Калмыки. М.: Наука, 2010. С. 35–47.

Реан А.А. Психология личности. СПб.: Питер, 2013. 288 с.

Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Институт психологии РАН, «Академический проект», 1999. 320 с.

Хачатрян Л.А. Современный брак — результат эволюции семейно-брачных отношений // Вестник Пермского университета. 2011. № 1 (5). С. 89–100.

Чистякова Т.С. Ценность информации в ситуации выбора брачного партнера // Вестник Нижегородского университета. 2007. № 3 (8). С. 137–143.

Научный журнал

**Magna adsurgit:
historia studiorum**

Великая степь:
исторические исследования

2019, №1

Компьютерная верстка *Д. В. Татнинов*

Подписано в печать 17.09.2019. Формат 70x100/16.
Усл.печ.л. 17. Тираж 300 экз. Заказ 17-19. Цена свободная.

Учредитель и издатель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Отпечатано в КалмНЦ РАН.
Республика Калмыкия, 358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, 8